

ОГОНЁК

№ 32 АВГУСТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Они стали инструментальщиками прославленного ЗИЛа: Юрий Гельфгат, Виктор Павлюшин, Слава Макаров — бывшие ученики мастера производственного обучения ПТУ № 1 А. Ф. Кравченко (второй слева).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 32 (2249)

8 АВГУСТА 1970

Основан
1 апреля 1923 года

За пять минут

ТО БУДЕТ ТОКАРЕМ?

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

В «Огонек» пришло письмо: «Наше ордена Трудового Красного Знамени профессионально-техническое училище № 1, готовящее квалифицированных рабочих для автозавода имени И. А. Лихачева, как и другие училища, готовящие металлистов, испытывает затруднения с комплектованием выпускниками восьмилетних общеобразовательных школ.

К сожалению, очень мало людей осведомлено о деятельности учебных заведений системы профессионально-технического образования. Молодежь, окончившая 8—10 классов, зачастую не только не знает о работе профтехучилищ, но и очень неохотно осваивает рабочие профессии.

Поэтому мы обращаемся к вам с убедительной просьбой: рассказать о нашем училище, существующем полвека и подготовившем для ЗИЛа 26 тысяч квалифицированных рабочих. Это в известной мере помогло бы ребятам, которые еще не решили, какую выбрать специальность, помогло бы и их родителям.

С уважением.

Директор ПТУ № 1 И. ЛАМИН».

Взволнованные строки этого письма не были для нас неожиданностью. Туго идет ныне набор в профессионально-технические училища. Хуже, чем в прошлом году. А в прошлом году было тяжелее, чем в позапрошлом. С каждым годом труднее.

Вспоминаю классное собрание в одной из воронежских восьмилетних школ. Учитель спрашивал, какие у ребят планы, куда они пойдут после восьмого класса. И не мог скрыть удивления, когда увидел, что значительная часть, примерно треть всех учеников, собралась работать. Иначе говоря, поступить в училище — кто в железнодорожное, кто в швейное. «Подумайте,— говорил мне он потом,— мы же сорвем план роно по девятым классам! Нам дали цифру — и выполняй! Среднее образование — всем. Раньше мы уговаривали родителей, чтоб они отправляли ребят в РУ, а теперь приходится их переуговаривать».

Одного парнишку тот учитель взял даже в оборот: «Ты не валяй дурака, учишься хорошо, без троек, тебе надо идти дальше». А мне он объяснял: «Начитанный, способный, ну зачем ему это ремесленное?» «Не ремесленное, а профессионально-техническое,— поправила я того учителя.— А может, у вашего ученика золотые руки? Представляете, на что способен тогда будет такой человек со своей светлой головой?»

Обидно мне стало за училища, за наших рабочих! Вот благодаря таким «наставникам» и получается, что в училища попадает отсев, выжимки, вроде бы подростки второго сорта.

А может быть, и не только в учителях дело? Есть еще ведь и родители. Один десятиклассник как-то разоткровенничался: «Отец меня все стращает: «Будешь плохо учиться — пойдешь на завод». А я хочу на завод! Хочу сам работать, пройти все ступеньки, узнать все тонкости в рабочем деле. Я не согласен с отцом».

Отец этого юноши — главный инженер большого завода. Интересно, как он разговаривает с другими ребятами, с теми, которых принимают на работу? Финал этой истории обрадовал меня. Сын оказался с характером: и школу прилично окончил и на завод пошел. Только не на тот, на котором работает отец, а на соседний. Стал к станку. Отзывы о нем хорошие.

Вот так часто и бывает, что сами родители толкают своих детей всеми силами то в вузы, хотя, быть может, не всем из них стоило это делать, то, по их мнению, на «чистые», «удобные», «легкие» работы, совершенно не задумываясь о том, есть ли у наследников хоть малейшее к тому призвание. В одном из научно-исследовательских институтов Академии педагогических наук, где много лет занимаются вопросами выбора профессии юношами и девушками, сетовали: «Противно смотреть, когда видишь, как здоровенные парни с крепкими бицепсами и с пухлыми от безделья пальцами нажимают клавиши и кнопки эмалевых аппаратов в тихих кабинетах. Им бы не операторами и лаборантами сидеть, подобно девчонкам, а рычаги экскаваторов ворочать, отбойными молотками орудовать. Разные проектные и научно-исследовательские институты Москвы план по приему лаборантов перевыполнили — знаете на сколько? Чуть ли не на сто процентов! А на заводах — недобор, в профессионально-технических училищах — недобор».

Да, это так. В сводке комплектования училищ первое место заняли современные, ставшие «модными» профессии по радиоэлектронике. Металлисты — на последнем. Об этом тревожно сигналят училища Воронежа и Киева, Ленинграда и Горького — везде, где развито машиностроение. И, как стоустое эхо этих сигналов, у проходных заводов, в трамваях и автобусах огромные, с гастрольные афиши, объявления: «Требуются станочники по металлу...», «Приглашаются слесари разных специальностей...», «Нужны токари, фрезеровщики, шлифовщики...» И становится на сердце неспокойно. Не поредеют ли шеренги металлистов — самого многочисленного отряда рабочего класса, подобно тому, как поредели нынче ряды хлеборобов? Кстати, хлеб и металл испокон веков идут рядом, потому что без мотыги, сохи, а теперь без плуга и культиватора не было бы пашни. Не может быть хлеба! Настал, видимо, час говорить не только о любви к земле, но и о любви к отполированному усилиями человеческих рук металлу, из которого сделана ложка и автомобиль, ракета, летавшая на Луну, и комбайн, перо и клинок. Без металла нет движения, задуманного и осуществленного человеком, а без движения парализуется жизнь. Инстинктивно, с малых детсадовских лет даже ребенок тянется к «железякам», разным поделкам из металла.

Как же прививается, выковывается любовь к металлу в наших училищах?

Ответ на этот вопрос мы попытались найти в ПТУ № 1. Здесь когда-то был цех, и этот цех директор завода Иван Алексеевич Лихачев отдал школе ФЗУ.

...У входа — Золотая Звезда на граните и шесть фамилий. Шесть Героев Советского Союза учились здесь. «Владимир Иванович Гущин»,— читаю я, и мастер производственного обучения А. М. Попов, стоящий рядом, подсказывает: «Полковник сейчас. Часто бывает у нас. Дружбы с ребятами не теряет». Следующее имя — Рубен Руис. «Мой брат учился вместе с ним»,— снова вставляет слово Попов. Так вот он где начинал, юноша из горняцкой Басконии. В памяти всплыли слова, обращенные к его матери: «Дорогой товарищ Долорес... Ни Испания, ни наша страна не забудут имени твоего славного сына...» И заснеженная площадь Павших борцов в Волгограде, и торжественный памятник, и колючие снежинки на граните...

Сын Пасионарии, прежде чем стать пулеметчиком, командиром роты, был металлистом. После школы ФЗУ работал в третьем инструментальном цехе, и на фасаде этого корпуса — его барельеф. Рубен Ибаррури хотел строить автомобили...

Отчего же сейчас, снова подумалось с горечью, молодежь не рвется в металлисты? Может быть, неинтересно, скучно, плохо учат теперь в этом училище? Нет, на добром счету оно в Москве, добрые слова говорили мне о нем и заводские люди и сами ученики.

Мастер Попов обратил мое внимание на высокого юношу в комбинезоне, который усердно шабрил ложе так называемого стержневого ящика горячего наполнения. Работа его показалась мне однообразной, нудной, и я не без задней мысли заметила ему об этом.

— О, это так важно! Важно дело,— с ярко выраженным акцентом произнес будущий слесарь и удивленно посмотрел, какую, мол, я чушь тут несу.— Это модель. Это будет блок цилиндра двигателя. Без двигателя нет машин. Это красиво! Это хорошо!

— Как твоя фамилия?

— Либор Бата. Я из Оломоуца. Знаете? Триста километров до Праги (он сказал «до Прага»).

Оказывается, Либор — сын сотрудника посольства Чехословакии в СССР. Вот уже восьмой год в училище занимается кто-нибудь из чешских ребят. Кончает один — приводят другого. Так уж повелось. В прошлом году выпускали сразу двоих. В Чехословакии умеют ценить хорошую профессиональную выучку.

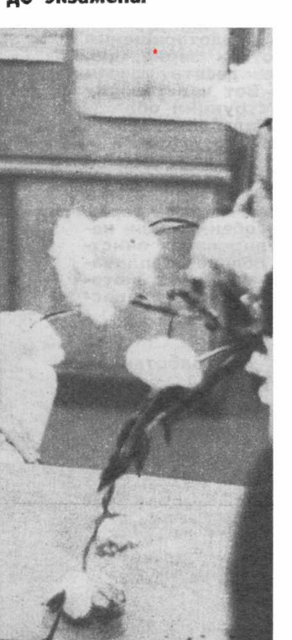
Кстати, о самом мастере Попове, в группе которого учится Либор. Когда в Индии, в городе Ранчи, строился завод тяжелого машиностроения, Александра Михайловича Попова послали туда организовывать учебный центр, старшим мастером там был. А вот еще один пример своеобразных зарубежных контактов училища. Его питомцам доверили — и это можно рассматривать только как достойную рекомендацию их возможностей — изготовление деталей к уникальному тысячетонному

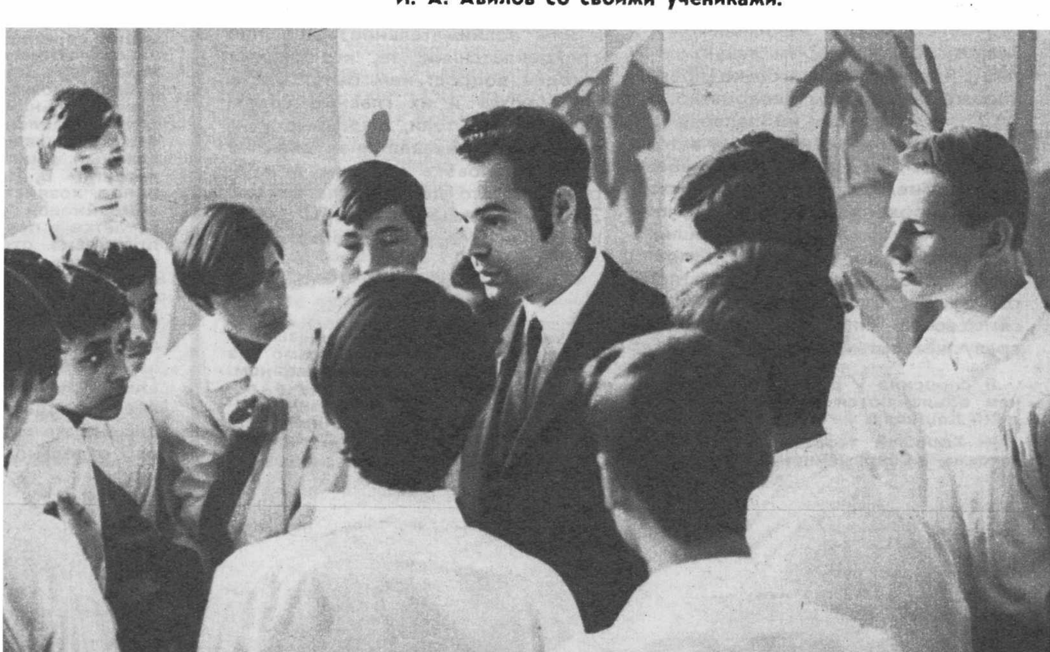
...до экзамена.

И. А. Авилов со своими учениками.

С. М. Бушуев поздравляет выпускников училища.

прессу. Делается он на ЗИЛе по заказу французской фирмы «Шоссон». В свою очередь, в учебных цехах училища можно встретить рядом с новейшими агрегатными станками советских заводов самое современное зарубежное оборудование — ЗИЛ ничего не жалеет для своих будущих рабочих.

Игорь Алексеевич Авилов, мастер производственного обучения группы токарей-универсалов, подвел меня к нарядному, цвета морской волны, станку обтекаемых форм.

— Сделано в ЧССР,— сказал он.— На этом станке можно производить все виды токарных работ. Он очень точен, до долей микрона, приятен и легок в управлении — гидравлика и автоматика. Не сравнить его со станками даже десятилетней давности. Но чтобы работать на нем, надо много знать. Сухов освоил его полностью. Ловит тысячные доли миллиметра. Кто он? Сын каменщика. Наш ученик, комсорг моей группы. Завод берет его на координатно-расточный станок. Представляете, что это такое? На таких станках работают специалисты высшей квалификации. Асы! Им подавай не просто цех, а лабораторию, с определенной температурой и влажностью воздуха. И не обычные стандартные изделия, а особые заказы.

В своеобразной такой лаборатории, отгороженной от остального цеха стеной, мы и нашли Сухова — он проходил тут производственную практику. Сосредоточенный, собранный парень в очках с квадратной черной толстой оправой. Я наблюдаю за ним, пока он растачивает отверстие в какой-то большой, нестандартной пластине. К нам подошел пожилой рабочий, тоже в очках, достал папиросу, чиркнул спичкой.

— Молодец мальчишка! Старается,— кивнул он в сторону Сухова.— Он не у меня учился, но мы тут все к нему присмотрелись.

Николай Васильевич Андриянов тоже расточник. Работает в ремонтно-механическом цехе завода тридцать лет. И вообще здесь больше люди степенные, даже пожилые. И только он один, Володя Сухов, резко выделялся своими непростительно малыми шестнадцатью годами.

От профессоров токарного дела мы пошли с Авиловым к гидравликам. Тут, в отделении ремонта гидравлической аппаратуры, картина совсем иная — сплошь молодые лица. Две трети работающих — воспитанники училища.

Я интересуюсь заработками недавних учеников, ставших рабочими. Сведения эти можно получить у мастера цехового участка. Пока его разыскивают, Авилов замечает, что и у учеников тоже есть заработки. Получают они во время производственной практики третью часть того, что заработают. Обычно это двадцать рублей, а Володя Сухов, например, отдавал матери порой до шестидесяти пяти рублей в месяц. Это не считая стипендии — двадцать три рубля. Прибавка к семейному бюджету немалая!

— Что же, давайте возьмем хотя бы Немова Виктора,— раскрыв свой журнал, предложил мастер участка Колосов.— Работает он у нас почти год, с сентября шестьдесят девятого. Вот вам его первая получка: восемьдесят пять рублей девяносто копеек. Да еще десять рублей премиальные. А в феврале нынешнего года — сто одиннадцать. На том же уровне и все остальные месяцы. Приплюсуйте к тому пятьдесят процентов зарплаты за льготные дни — это когда он занимается в школе. Немов ходит в десятый класс школы рабочей молодежи. Да еще за час как подросток, которому нет восемнадцати, получает дополнительно. Набегает в месяц еще рублей семнадцать. В среднем получается от ста десяти до ста тридцати рублей. А у Фомина — он у нас работает уже два года и учится, между прочим, в техникуме на четвертом курсе — зарплата сто тридцать, сто пятьдесят рублей в месяц. В марте и апреле вышло по сто семьдесят. Взял отпуск — путевку дали ему на теплоход по Оке.

Посреди длинного пролета, в самом центре огромного цеха, а цех этот все равно что другой завод — две тысячи человек в нем работают,— галерея портретов лучших его людей. Среди солидных, в возрасте, многоопытных слесарей и станочников — юноша в берете, склонившийся над шпинделем.

— Саша Прашкивских,— заметил Авилов.— Член комитета комсомола, кончал у меня четыре года назад. Замечательный парень. Мать приезжала к нам в училище, благодарила. Или Владимир Афонин, сын аптекаря, тоже наша гордость. Афонин — победитель соревнования молодых токарей всего ЗИЛа. «Чайкой», фотоаппаратом, его премировали. У этих ребят заработки, естественно, еще выше. Афонин, уходя в отпуск в прошлом году, получил двести семьдесят два рубля.

— А разряд какой? Ведь все зависит от разряда.

— Разумеется. У Афонина четвертый. По выходе из училища обычно присваивается второй или третий. Но бывают такие исключения, как Сухов или Кошков. Сухову цех считает нужным присвоить сразу четвертый. Обычно рабочий получает его лет через шесть. Такая же история была и с Кошковым, сыном трикотажницы.

— Вот вы говорите: «сын каменщика», «сын аптекаря», «сын трикотажницы»,— словно хотите подчеркнуть, что не всегда дети наследуют профессии отцов.

— Вы правильно меня поняли,— согласился Авилов.— Молодежь вольна сама решать свою судьбу. Мой сын еще мал. Но когда подрастет и захочет стать — ну кем?,— железнодорожником, допустим, я не буду ему мешать. Однако мне было бы приятнее, если бы и он познал запахи механического цеха, тайну резца. Мой отец — токарь, он работал в этом же училище. И меня привел сюда в ученики, и я ему за это только благодарен. К сожалению, среди ребят, которые подали сейчас заявления, мало сыновей металлистов. А уж, казалось бы, им и сам бог велел. Но вернемся к Кошкову. Он кончал училище в прошлом году. За него сам Бушуев хлопотал, чтоб ему четвертый разряд дали.

— Не тот ли Бушуев, имя которого гремело по стране лет пятнадцать назад?

— Да, тот самый. Токарь-скоростник, лауреат Государственной премии. Кончал наше училище — тогда еще ФЗУ было — в тридцать пятом, двумя годами раньше Рубена Ибаррури. Так вот, придумал тогда Сергей Михайлович такую геометрию своего резца и такие нашел режимы обработки, что достиг фантастической скорости резания — 2 800 метров в минуту. В месяц чуть ли не полугодовой план свой выполнил! Теперь Сергей Михайлович — старший мастер станочного отделения.

У Бушуева станки тяжелые, прогуливаться по ним можно. Детали — колеса, фланцы, валы — подают мостовые краны: они не под силу даже первым геркулесам мира — Алексееву, Жаботинскому, Власову. Если запороть такую деталь... Впрочем, одно только предположение об этом невероятно.

Сергей Кошков не запарывал ни одной, ни в учениках, ни в токарях. Вот и сейчас высокий, наберутся в нем все сто девяносто пять, широкоплечий молодой человек обтачивал корпус поршня. Осторожненько, аккуратно, ловко. Нет, без увлечения тут не поработаешь! Бушуев тогда добился своего — присвоили Сергею сразу четвертый разряд.

Я спросила у старшего мастера, чем объясняются незаурядные успехи Кошкова.

— Хорошей теоретической подготовкой. Современному агрегатному станку требуется рабочий со средним образованием. Это не то что в мои времена, когда в ФЗУ шли с четырьмя-пятью классами. Научно-техническая революция, происходящая в наши дни, не только изменяет производство, но и предъявляет повышенные требования к рабочему. Порой можно услышать: пошли автоматы, автоматические линии, и рабочему вроде бы и делать нечего. Автомат сработает сам. А на конвейерах работа, мол, пооперационная. Ставь свои болтики — и все. И верно это и неверно. Если ставить болтики, то знаний действительно особых не требуется,— внимательность и прилежание. А чтоб наладить, настроить автоматы, иной раз без инженерного образования нельзя. Что же касается ремонта оборудования самих автоматов и автоматизированных линий, то тут первое слово за слесарями и станочниками высокого класса. Потребность в них не только не уменьшается, а с каждым годом растет. Умственная, индивидуальная деятельность рабочего поднимается на более высокую ступень. Она становится творческой. И знания ему, теоретические знания нужны как воздух. Вот почему я стараюсь брать к себе на участок таких ребят, как Кошков, с законченным средним образованием. Ведь он пришел в училище после десятилетки. А теперь собирается поступать в наш втуз. И правильно! Толковым инженером будет.

Михаил Иванович Калинин, обращаясь к молодежи, говорил: «Завод не загораживает дорогу к росту. Наоборот, широко открывает пути для общественно-политической, административной и, если хотите, и для научной работы». Жизнь самого Всесоюзного старосты может служить образцом: начинал он ее у токарного станка. Что же касается ПТУ № 1, то тут примеры на каждом шагу. Ребятишки, получившие когда-то квалификационный аттестат, командуют сегодня цехами ЗИЛа, отделами, бюро и участками. С. П. Карандеев — заместитель директора автогиганта. Вот и нынешним летом целая группа выпускников 1964 года получила дипломы инженеров.

Хорошие традиции в ПТУ № 1. Умеют здесь воспитывать уважение к благородной профессии металлиста. Когда-то училище называлось ремесленным. Не случайно его, как и все другие, переименовали. Стоит вдуматься в новое словосочетание: профессионально-техническое. Оно подразумевает не только овладение ремеслом в лучшем смысле этого слова, но и вооружает знанием передовой, прогрессивной технологии, знанием машин, соответствующих уровню современного производства!

Партия и правительство очень много делают для укрепления материально-технической базы училищ, предоставили немало льгот его выпускникам. Большой заботой об образованности молодого пополнения рабочего класса продиктован и перевод отдельных училищ на совместное общеобразовательное и профессиональное обучение. С этой осени таким станет и ПТУ № 1. За три года восьмиклассники смогут приобрести в нем и профессию и получат свидетельства об окончании средней школы. В Москве таких училищ уже двадцать пять. По стране — многие сотни. Пусть приглядятся к ним повнимательнее нынешние старшеклассники, те, кто решает сегодня вопрос: кем быть? Пусть задумаются и их главные советчики — родители, школьные учителя. Ибо «никакая иная сила не делает человека великим и мудрым, как это делает сила труда». Это было сказано великим знатоком жизни Максимом Горьким.

* * *

Очень много мыслей вызывает короткое, озабоченное письмо из ПТУ № 1, письмо о самом главном, наболевшем... Хочется горячо поблагодарить Ивана Ивановича Ламина, обратившегося с ним в нашу редакцию, и пожелать училищу большого набора.

В зоне энтузиазма

Владимир ЗАХАРЕНКОВ, заведующий отделом районной газеты «За коммунистический труд»

Было это в 1954 году. Изобретатель из Чеховской РТС придумал такое, что специалисты ахнули. Предложенная им технологическая схема неоднократно повторяемого цикла вымолота семенников многолетних трав решила проблему, над которой целое десятилетие бились конструкторы сельскохозяйственных машин, ученые. Через пять лет, будучи внедренным, новшество позволило сэкономить только хозяйствам Московской области 57 миллионов рублей.

В колхозах и совхозах, в конструкторских бюро предприятий, в научно-исследовательских лабораториях страны тогда впервые прозвучало имя механизатора Петра Ивановича Хрычова. В 1959 году Государственный комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал Петру Ивановичу авторское свидетельство. Изобретение было запатентовано. В доме механизатора бережно хранятся награды ВДНХ: большая серебряная и малая золотая медали.

Наград этих удостоился Петр Иванович еще и за упорство, с ко-

СЛЕ

торым отстаивал, внедрял свое изобретение в практику хозяйств, в жизнь. Ему писали письма, приглашали выступить с лекцией, рассказать о своем опыте, помочь на месте. И он выступал, ездил. В одной из таких поездок механизатору встретилась брошюра «Сорняки — расхитители урожая». Прочитал он ее в тот же раз, прямо на гостиничной койке. Даже помнит дату: 20 ноября 1960 года. Именно в тот вечер на обложке брошюры появилась его запись: «Стоит задуматься и решить эту задачу. Любым способом. Важное государственное дело...».

Сегодня можно сказать: он своего добился. В 1969 году комбайн Петра Ивановича Хрычова, оборудованный устройством для улавливания сорняков и предотвращения невозвратимых потерь зерна, дал хозяйству первые десять тысяч рублей экономии. Вот что говорят в специальной инструкции областного управления сельского хозяйства, описывающей это устройство, главный инженер совхоза «Чепелевский» В. Иванов и главный агроном хозяйства В. Кузовлев: при комбайновой уборке много зерна остается в поле. Особенно, если неправильно отрегулирована очистка. Кроме того, в полове скапливается много семян сорняков, которые при сволакивании копен рассеиваются по всему полю.

Изобретение, разработанное П. И. Хрычовым, как раз и исключает попадание зерна в полову, семена же сорных трав собираются отдельно. Устройство очень

просто по своей конструкции. Его легко изготовить в условиях механической мастерской. При этом можно использовать детали списанных комбайнов.

Наверно, весь род Хрычовых таков — с изобретательской жилкой. Сын Петра Ивановича — Иван Петрович еще в школе, в девятом классе, уже твердо знал, куда пойдет учиться дальше. Конечно, в приборостроительный. Куда же еще?.. И первым, кому Хрычов-старший рассказал о своем замысле, был сын. Работали вместе.

Все видели, как убирают хлеб. Немало написано о «золотых разливах пшеницы» и о «степных кораблях». И для Петра Ивановича пора уборки — самая волнующая, всегда неповторимая. Спокойно удерживают его широкие ладони огромное колесо штурвала. Вглядывается Петр Иванович вперед, видит, как покорно склоняют под мотовилом свои головы спелые колосья. А пестрые головки сорняков куда подевались? Значит, и они обмолачиваются с хлебом заодно. Так выкристаллизовалась в голове Петра Ивановича главная мысль: важно проследить путь семян сорняков в комбайне. Определить их поток, струю. И устроить ловушку.

Борьба с сорняками — проблема, над которой бьются много лет. Появляются препараты один хитроумнее другого. И всегда оказывается, что применять их можно только для одной какой-то группы растений. Затрачиваются огромные средства. И вот самоучка-изобретатель из небольшого подмосковного села увидел всю проблему как бы другими глазами. И подметил самое обычное. Почему

— Есть выход, папа! — закричал Иван.— Понимаешь, если смазать маслом все детали комбайна, семечки сорняков прилипнут к ним. Где их окажется больше — там и главный поток...

Через минуту они снова хлопотали у машины. Прочищали узлы, детали. Потом Иван примчался с ведром солидола. На другой день, осмотрев комбайн, Петр Иванович заглянул в мастерскую, к заведующему Н. П. Плугареву. Можно было начинать работу над изготовлением устройства. Иван сделал чертежи. Карандашом — туши дома не оказалось. Помогали Петру Ивановичу и механизаторы совхоза, все ремонтники. Кто деталь подыщет, кто подскажет, как ее лучше приспособить. Главный инженер совхоза Владислав Иванов строго следил за тем, чтобы заказы Хрычова ремонтники выполняли срочно.

Устройство для улавливания семян сорных трав и предотвращения потерь зерна оправдывает свое название. Оно именно устроено на комбайне, даже окрашено для отличия в другой, зеленый цвет. Петр Иванович с удовольствием рассказывает об остроумной системе лотков, шнеков, решет, элеваторов, о том, как сорняки просеиваются, отделяются от потока зерна, как, наконец, попадают в специальный бункер.

Заполнился зеленый бункер, и механизатор прямо с сиденья специальной рукояткой открывает заслонку лотка. Не забыл изобретатель даже о такой мелочи, как смотровое окошечко.

Когда устройство показали ученым, специалистам, те покачали головами.

Петр Иванович Хрычов.

Фото Г. Макарова.

Д НА ЗЕМЛЕ

получается так: уберут хлебное поле, а через год уже ни один колосок не напомнит, что тут пшеница была. Убирали осенью тщательно! А если так же убирать и сорняки? Но сначала надо убедиться, что семена сорняков попадают в почву во время уборки. Вместе с сыном Петр Иванович обследовал несколько полей. Сорняки на них располагались треугольником. Особенно много их там, где скирдовали солому. В точке, являющейся как бы вершиной острого угла. Все это подтверждало догадку Хрычова: семена сорных трав рассеиваются по полю в основном при сволакивании копен. Отец и сын теперь думали о той самой ловушке, которую следовало устроить на пути главного потока сорняков. Но как обнаружить этот поток?

— Хорошо бы заснять на пленку весь процесс обмолота зерна,— подсказал сын.

Отец усмехнулся. Ишь, ученый какой — «процесс»! Попробуй сними его. Сын смотрел, как отец задумчиво вытирает руки, запачканные мазутом. Чего только не прилипло к ним — и зерно, и травинки, и комочки глины. И тут лицо Ивана неожиданно просветлело: вот она, кинокамера.

— Не может быть! На ином заводе инженеры так не сделают.

Во время жатвы Петр Иванович не только убирал хлеб, занимался привычным для себя делом, но и придирчиво испытывал свое новшество. Все результаты заносил в блокнот. Получилась такая картина: на участках с урожайностью 25—27 центнеров прибавка зерна составила один центнер. В бункере собиралось с каждого гектара до 100 килограммов сорняков. При урожайности зерновых 20 центнеров с гектара — сорняков оказывалось больше—до 120 килограммов. И, наконец, на участках урожайностью в 15 центнеров каждый гектар дал 150 килограммов сорняков. Дополнительный сбор зерна также составил один центнер. Опыты показали еще раз, что сорняки недаром называют расхитителями урожая.

Пришлось Петру Ивановичу убирать и семенники многолетних трав. И тут оказалось, что гектары Хрычова «урожайнее», чем у других. Примерно на полцентнера.

Помнят в хозяйстве такой случай. Убирали травы в пешковском отделении. Приехали сюда комбайнеры Г. Савусь и В. Сиутин. Сделали гона два, а в бункерах — почти ничего. Вернулись в контору:

— Направляйте на другие поля. Здесь пустые семенники. Только машины зря бьем.

Вот тогда и сказал Петр Иванович:

— Давайте-ка я попробую.

Приехал он на неурожайное поле. И собрал с каждого гектара по два центнера семян. Управляющий заглянул в бункер комбайна — глазам не поверил.

— Спасибо, выручил.— И тут же предложил: — Убрал бы ты нам весь клевер... Комбайн у тебя особенный, без отходов работает.

Новшество комбайнера выдержало испытания. Поля, убранные комбайном Петра Ивановича, сейчас даже по виду отличаются от других. На них нет или почти нет сорняков. В жатву Петр Иванович намолотил 750 тонн зерна. Одновременно его комбайн собрал 15 тонн семян сорных трав. Это уже само по себе свидетельствует о большой ценности изобретения новатора. Подсчитали в хозяйстве, сколько нужно затратить денег на гербициды, чтобы уничтожить сорняки, которые выросли бы из такого количества семян. Да приплюсовали еще дополнительный сбор зерна, которое раньше оставалось в полове. И вышло, что приспособление Петра Ивановича, оборудованное только на одном комбайне, дает хозяйству за сезон примерно 16 тысяч рублей экономии. А если оборудовать этим приспособлением все комбайны района, области, республики?..

Об этом как раз и шел у Петра Ивановича минувшей осенью разговор в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. Собрались специалисты, ученые. Просмотрели чертежи, которые сделал сын механизатора — Иван. Переворачивали их так и эдак. И восхищенно качали головами.

Как и пятнадцать лет назад, Государственный комитет по делам изобретений и открытий СССР зарегистрировал новшество механизатора. Нынешним летом многие комбайны Московской области выехали в поле с приспособлением П. И. Хрычова. Их изготовил коллектив Луховецкого отделения Сельхозтехники. Уже не тысячами, а сотнями тысяч рублей на уборке хлеба 1970 года будет исчисляться экономический эффект. Не ошибся Петр Иванович, считая свой творческий поиск государственным делом.

Совхоз «Чепелевский»,
Чеховский район,
Московская область.

1

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ВАХТА НА ПОЛЯХ

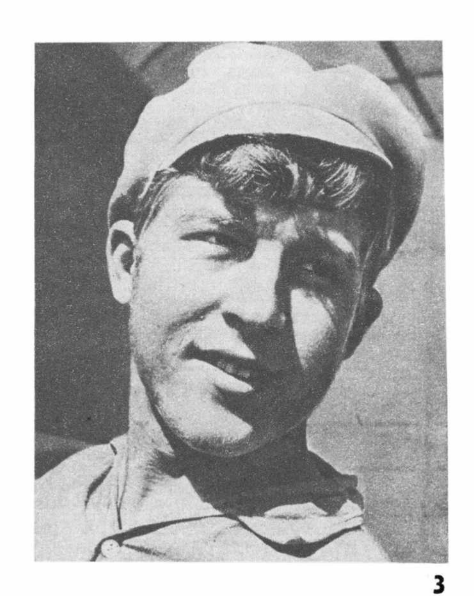
ГЕРОИ Ж

* ГЛАВНАЯ СТРАДА ХЛЕБОРОБА

* КАПИТАНЫ ЯНТАРНЫХ МОРЕЙ.

* О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ ВАЛЕНТИН МОНАХОВ!

* ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ.

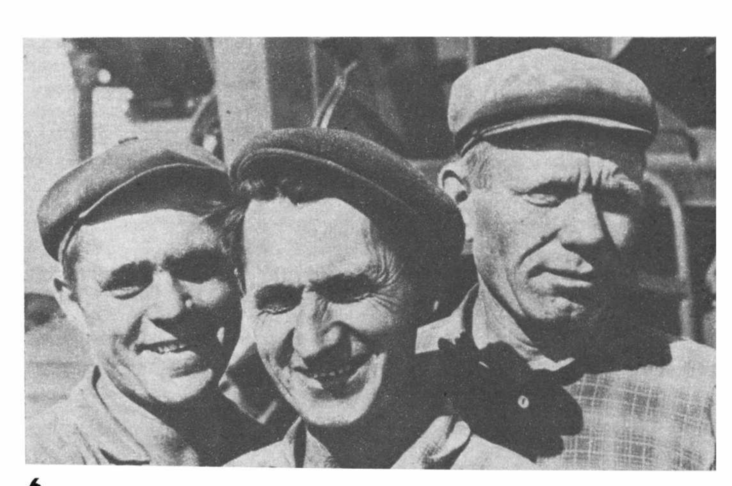
3

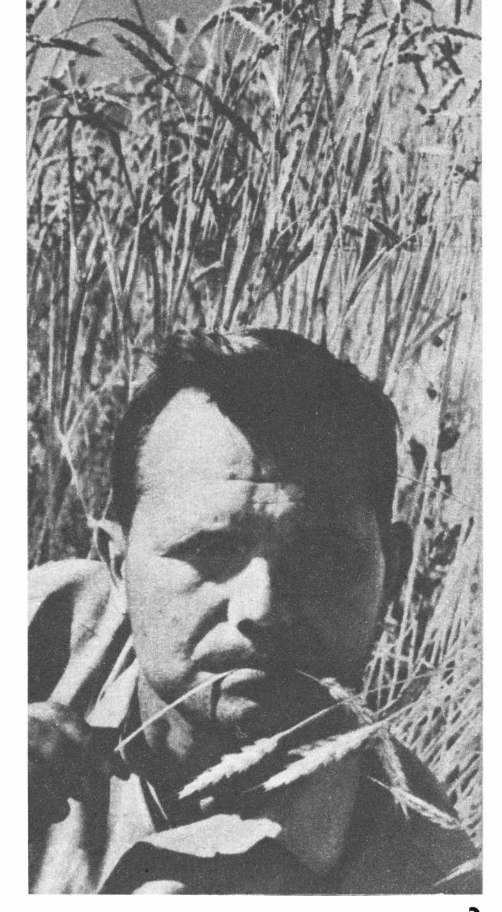
4

5

6

2

В разгаре жатва, главная страда хлебороба. Чтобы понять ее масштабы, порадоваться щедрости родной земли, чтобы познать напряженный трудовой ритм сегодняшних сельских будней, надо попасть в горнило самого главного сельскохозяйственного сражения года — на поля, на элеваторы, подержать в руках тугие колосья, посмотреть на слаженную, спорую работу комбайнеров, трактористов, шоферов, передовиков нынешней жатвы, названной народом трудовой вахтой, посвященной XXIV съезду КПСС.

На этих страницах — герои сегодняшнего дня. Они не ждали фоторепортеров, не готовились к съемкам. Черные от загара и пыли. Уставшие — потому что время такое: день год кормит. Порой небритые — бывает, что и от сна приходится отнимать часы. И радостные и улыбающиеся — потому что сторицей платит нынче земля за их труд.

...Идет хлеб 1970 года. Сыплется он золотыми водопадами в бункера комбайнов, мчится по сельским дорогам в кузовах грузовиков, плывет по транспортерам элеваторов...

...Идет хлеб 1970-го. Страда. Бой за каждый центнер, каждый килограмм, каждый колос.

1 Жарко. За каждым комбайном — колючая вьюга от обмолоченной пшеницы. Ни минуты простоя. Так везде, на миллионогектарном фронте жатвы. Этот снимок сделан в Казахстане, в колхозе «Земледелец», Актюбинской области.

2 Урожай в колхозе «Оленьевский», Дубовского района, Волгоградской области, хороший, у комбайнеров настроение радостное. А Валентин Монахов задумался. О чем может думать главный агроном колхоза в конце уборки? Конечно, о будущем урожае.

3 Трудовой стаж у Александра Власова всего год. Работает он в колхозе «Заветы Ильича», Брюховецкого района, Краснодарского края. На своем тракторе он отвозит от трех комбайнов тележки с половой. Комбайнеры довольны, работают без остановок. В большом деле нет мелочей.

4 Идет по морю корабль навстречу волнам. Море — янтарное, волны — пшеничные. Ведет свой комбайн по этому морю курского колхоза «Россия» комбайнер Е. Наумов.

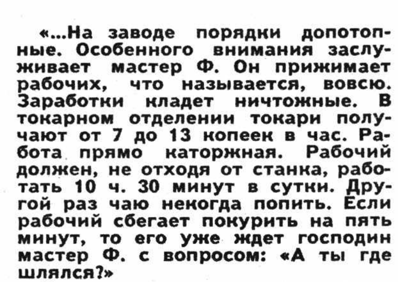
5 Быть может, из поднебесья эти валки похожи на марсианские каналы, но исчезают они гораздо быстрее, чем каналы на далекой планете. Исчезают по строгому графику, который стал законом для хлеборобов колхоза «Путь к коммунизму», Соль-Илецкого района, Оренбургской области.

6 — Сфотографируй на память о сегодняшнем дне. Что в нем выдающегося, в сегодняшнем дне? То же, что во вчерашнем и завтрашнем. Хлеб хороший. По полтыщи центнеров в день намолачиваем. Устали? Так это добрая усталость. Только не забудьте карточку прислать. Адрес такой: Белгородская область, Яковлевский район, колхоз «Красный воин», Паршину Ивану Антоновичу, Кирсеву Анатолию Алексеевичу и Иваницкому Василию Степановичу.

Фото ТАСС и А. Пахомова

Навстречу XXIV съезду КПСС

Превосходно!

«...На заводе порядки допотопные. Особенного внимания заслуживает мастер Ф. Он прижимает рабочих, что называется, вовсю. Заработки кладет ничтожные. В токарном отделении токари получают от 7 до 13 копеек в час. Работа прямо каторжная. Рабочий должен, не отходя от станка, работать 10 ч. 30 минут в сутки. Другой раз чаю некогда попить. Если рабочий сбегает покурить на пять минут, то его уже ждет господин мастер Ф. с вопросом: «А ты где шлялся?»

Неизвестно, как долго еще существовали бы кошмарные порядки в цехах Наждачного завода Струка-Эквиля на Выборгской стороне, описанные в одном из дореволюционных номеров «Правды», если бы не революция. Красногвардейцы вывезли на тачке заводчика и его подручного господина мастера Ф. Новые хозяева выкинули на свалку ненавистную им железную фирменную вывеску Струка-Эквиля и у входа на завод прикрепили свою вывеску — «Абразивный завод «Ильич». День, когда рабочие назвали себя ильичевцами, совпал с днем рождения заводской ячейки РКП(б) и стал ежегодно отмечаться как праздник труда...

Случилось так, что именно в этот день начальник лаборатории абразивов Вадим Сергеевич Буров уезжал в Италию. Там в Турине, на головном предприятии фирмы «Фиат», Бурову предстояло отстаивать честь марки своего завода. Главный соперник ильичевцев в этом соревновании — старейшая и известная американская фирма «Нортон». Она поставляет абразивный инструмент во многие страны мира.

Абразив — это инструмент для шлифовки, без которой в общем-то немыслим технический прогресс. Ведь от стойкости, твердости и от качества инструмента, которым изделие обрабатывают, зависит точность и чистота поверхности и долговечность этого изделия.

Буров вез с собой целую гамму шлифовального инструмента для наиболее ответственных и сложных операций. Эти абразивы созданы из отечественного сырья по технологии, разработанной на заводе совместно с сотрудниками ВНИИ абразивов и шлифования.

Сомнений в качестве абразивов не было. И все же: что скажут итальянцы, чей инструмент признает фирма «Фиат» наиболее приемлемым для оснащения Волжского автомобильного — советский или американский?

И вот настал час соревнования. Видные специалисты службы шлифования фирмы «Фиат» встали рядом с советскими инженерами. Абразивный круг устанавливается на станок. Шлифуется шейка коленчатого вала. Итальянцы сосредоточенно наблюдают. В руках секундомеры. Молчат. Свое слово они скажут после, когда проанализируют в лаборатории результаты испытаний инструмента. И сказали: СОВЕТСКИЙ АБРАЗИВ ДАЕТ ЛУЧШУЮ ЧИСТОТУ ШЛИФОВКИ И МОЖЕТ ОБРАБАТЫВАТЬ НА НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ КОЛЕНЧАТЫХ ВАЛОВ БОЛЬШЕ.

Так абразивный завод «Ильич» наносит первое поражение фирме «Нортон». Но испытания только начались. Один за другим устанавливаются на станке абразивы. Шлифуются все более сложные детали. И так два месяца подряд...

Наконец советских инженеров приглашают в службу шлифования фирмы «Фиат» и объявляют:

— Хватит! Все! — и выносят свое заключение: — Бена стара! Прекрасно! Превосходно!

Итак, соревнование выиграно. Волжский автомобильный будет оснащен абразивами советских заводов. Причем более половины из них — для наиболее сложных шлифовальных операций — поставит ленинградский абразивный завод «Ильич».

В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ЧЕСТЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО XXIV СЪЕЗДА КПСС ИЛЬИЧЕВЦЫ ВЗЯЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО ВЫПОЛНИТЬ ЭТИ ПОСТАВКИ, НО И ДАВАТЬ ИНСТРУМЕНТ ЛИШЬ НАИВЫСШЕГО КАЧЕСТВА. А слово у них никогда не расходится с делом.

В светлых корпусах завода уже делают новый абразив из невиданного в природе материала, созданного совместно с учеными.

В ознаменование предстоящего XXIV съезда КПСС ильичевцы решили завершить пятилетку по объему продукции к первому октября.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: Цех инструмента и сверхтвердых материалов.

Фото В. Герасичева.

СЛОВО ОТВЕТСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

Михаил КОТОВ

6 августа 1945 года над утренней Хиросимой мирно светило солнце, люди выходили из домов, направляясь в учреждения, на заводы, в школы. Никто не обратил внимания на появившийся в небе американский бомбардировщик «В-29». В 8 часов 15 минут утра ослепительная вспышка охватила Хиросиму. По приказу президента США Гарри Трумэна на город была сброшена атомная бомба. В одно мгновение она уничтожила около 200 тысяч жителей Хиросимы и превратила в пепел строения города. Через три дня над другим японским городом, Нагасаки, была сброшена еще одна атомная бомба.

Мне хорошо запомнились те августовские дни четверть века назад. Весь мир еще ликовал, празднуя победу над гитлеровской Германией. Казалось, теперь пришел конец всем ужасам, кровопролитию, жестокости... Но Вашингтон возвестил человечеству о наступлении новой эры империалистической политики вооружений, холодной войны, борьбы против национально-освободительных движений. Все это вместе с новым смертоносным оружием составило основу «доктрины Трумэна».

Мы, вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, поняли в те дни, что борьба за мир и спокойствие людей еще не окончена. Хиросима и Нагасаки потрясли человечество, подтвердив необходимость продолжения борьбы. И не случайно, что именно в эти дни зародилось массовое всемирное движение сторонников мира, в ряды которого встали люди самых разных политических взглядов, убеждений, возрастов, профессий.

Всемирный Совет Мира обратился с призывом ко всем людям доброй воли подняться на священную борьбу против атомной угрозы человечеству. Так родилось знаменитое Стокгольмское воззвание, которое скрепили своими подписями более 500 миллионов людей всех стран нашей планеты. Воззвание требовало от правительств оградить человечество от ужасов атомной войны.

Наша страна перед лицом атомной угрозы в условиях послевоенной разрухи была вынуждена создать свое собственное грозное атомное оружие, руководствуясь исключительно интересами сохранения и обеспечения всеобщего мира. Одновременно ни на один день наше правительство не ослабляло своих усилий в борьбе за прекращение гонки атомных вооружений, за запрещение оружия массового уничтожения. Эти усилия, отвечающие воле всего человечества, не прошли бесследно. Заключен Договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия, достигнуто соглашение об использовании космического пространства в мирных целях. Советский Союз внес конструктивные предложения о запрещении химического и бактериологического оружия. Вместе с тем именно наша страна первой показала пример того, как можно использовать атомную энергию в мирных целях. И сегодня атом в руках социалистического содружества служит не только целям обороны, но и находит широкое применение во всех областях созидания.

Советские сторонники мира вместе со всеми миролюбивыми силами других стран горячо одобряют усилия нашей ленинской партии, нашего правительства, направленные на решение жгучих проблем современности — полное и всеобщее разоружение, обеспечение безопасности в Европе, Азии и на Ближнем Востоке, поддержка национально-освободительных и антивоенных движений.

Но в мире все еще неспокойно. За прошедшие четверть века после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки империалисты ассигновали астрономические суммы на выпуск ракет, ядерных боеголовок, самолетов, танков, на строительство военных баз, оснащение сухопутных армий и военно-морских сил. Эта лавина вооружений смела в странах Запада петиции и требования об улучшении системы социального обеспечения, проекты строительства новых жилищ, школ, больниц. Представьте себе, что только средств, которые агрессивный блок НАТО расходует на вооружение в течение одного месяца, хватило бы для орошения Сахары! На вооружении ядерных держав имеются сейчас тысячи бомб, которые в случае их применения в широких масштабах могут привести к гибели сотен миллионов людей, а оставшихся в живых подвергнуть губительному действию радиоактивного излучения.

Вот почему в наши дни приобретают столь важное значение усилия, направленные на обеспечение всеобщей безопасности. Вот почему необходимо потушить индокитайский очаг войны и немедленно вывести из стран этого района американские агрессивные войска. Вот почему необходимо добиться мирного урегулирования на Ближнем Востоке и прекращения так называемых локальных, а фактически жандармских войн.

Долг всех людей доброй воли — неустанно продолжать борьбу за мир и свободу народов. Неисчислимые жертвы второй мировой войны, пепел Хиросимы и Нагасаки призывают людей нашей планеты сделать все для того, чтобы трагедия, которая произошла четверть века назад, никогда не повторилась.

«Спите спокойно, это не повторится»,— высечено на памятнике жертвам Хиросимы. Эти слова призывают человечество к бдительности и к активной борьбе за мир.

Праздник

В этот день мы поздравляем строителей. Неделей раньше поздравили железнодорожников, еще раньше — металлургов. Хорошая традиция — профессиональные праздники. Но, пожалуй, строителям повезло больше всех: ни одно профессиональное торжество не обходится без их участия.

По праздникам мы обычно подводим итоги сделанному. В День металлурга строители могли бы сказать: «В прошлом году поработали неплохо. Выплавили шесть с половиной миллионов тонн стали». И это была бы чистая правда, потому что именно столько стали получила страна за счет построенных и реконструированных мартеновских печей и конверторов. Могли представить отчет строители и ко Всесоюзному дню железнодорожника. Если бы все железные дороги, построенные в прошлом году, собрать вместе, то получилась бы магистраль такой же длины, как расстояние от Москвы до Харькова. В День учителя полтора миллиона школьников могут дарить традиционные букеты не только своим любимым классным настав-

ШИРО

Верно говорят: недюжинный, крупный талант в большинстве своем и незаурядная личность, ее жизненный путь и творческий опыт во многом поучительны для потомков. Ибо в каждой из выдающихся писательских биографий, говоря словами Тараса Шевченко, по-своему отразилась часть истории родины писателя, часть эпохи, в которую ему суждено было жить и творить...

Это суждение относится в полной мере к Юрию Корнеевичу Смоличу — яркой и самобытной личности, крупному современному прозаику, страстному публицисту, одному из зачинателей украинской советской литературы, чья выдающаяся творческая деятельность, в связи с семидесятилетием со дня рождения, отмечена высоким званием Героя Социалистического Труда.

За плечами Юрия Корнеевича огромный жизненный и творческий опыт. Он один из тех, к сожалению, немногих уже, старейших мастеров слова, пришедших в литературу на сломе двух эпох во время революционного бурелома и рядом с такими крупными писателями, как В. Блакитный, Ю. Яновский, Остап Вишня, М. Кулиш, А. Головко, П. Панч, П. Усенко, Иван Ле, И. Сенченко, ставших у колыбели рождения новой пролетарской литературы. Своим творчеством Юрий Смолич проложил глубокую борозду на ниве родной литературы.

Кажется, Дюма-сын однажды заметил: произведения, которые читают, имеют настоящее; произведения, которые перечитывают, имеют будущее. У большинства книг Юрия Смолича завидная судьба. Они не залеживаются на полках. Ибо читатель знает: каждая его книга — это открытие нового, доселе неведомого, к тому же написанного интересно и увлекательно. И его научно-фантастический роман «Прекрасные катастрофы», и биографическая трилогия «Детство», «Наши тайны», «Восемнадцатилетние», и такие замечательные романы, как «Рассвет над мо-

9 АВГУСТА —
ДЕНЬ СТРОИТЕЛЯ

для всех

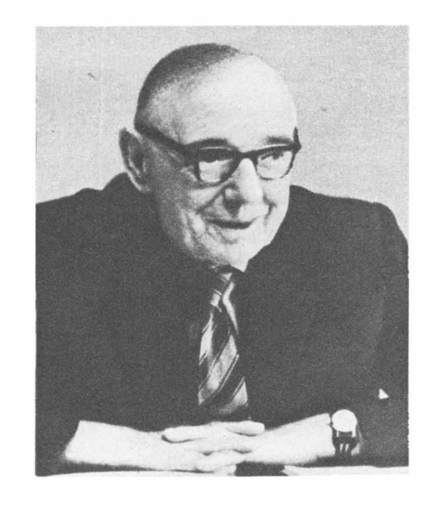
никам, но и незнакомым людям в рабочих спецовках, которые построили новые школы. Как минимум 2 миллиона 250 тысяч тостов за строителей могли бы поднять в прошлом году, потому что именно столько новоселий было отпраздновано в стране в течение 1969 года.

Люди, которых вы видите на нашей фотографии, строят большую электростанцию в степи близ города Кривой Рог. Первые агрегаты Криворожской ГРЭС уже перешли во владение энергетиков, но строители продолжают работу. Сегодня — их праздник. В декабре они с полным основанием могут отметить День энергетика и вместе со всеми своими коллегами вспомнить: «Построенные нами в прошлом году электростанции превышают по мощности все станции, которые работали в стране накануне войны».

А если строители причастны ко всем профессиональным праздникам, то День строителя — праздник для всех.

Фото А. Хрупова

КИЙ МИР ХУДОЖНИКА

рем», «Мир хижинам, война дворцам», «Ревет и стонет Днепр широкий» издаются и переиздаются, читаются и перечитываются не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами. А его «Рассказы о непокое» — воспоминания о пережитом, о борьбе на литературном фронте, о творческой и жизненной судьбе многих писателей, вместе с которыми Юрий Смолич входил в литературу, делил хлеб-соль, радости побед и горести неудач... Умудренный многолетием жизненного опыта, Юрий Корнеевич поведал нам о прошлом нашей литературы, пропустив все это через собственное сердце, обогатив наше представление о глубине отечественной культуры, о выдающихся талантах порой нелегкой и даже трагической судьбы.

Он обладает удивительным умением видеть многое своими зоркими глазами, а увиденное — переплавлять в яркие художественные образы и возвращать его людям в произведениях искусства.

Творческий диапазон Юрия Смолича необычайно широк. Он автор социальных романов и повестей, один из зачинателей украинской научно-фантастической литературы, задушевный рассказчик и очеркист, памфлетист-сатирик, театральный критик и эссеист.

Иногда диву даешься: когда же Юрий Корнеевич успевает все делать — писать такие интересные книги и постоянно, из года в год заниматься большой общественной деятельностью? Долгое время он был одним из руководителей Союза писателей Украины и ныне является членом президиума республиканской писательской организации. Многие годы он был членом Берлинского комитета «За возвращение на родину», а теперь вот уже десять лет подряд возглавляет республиканское «Общество культурных связей с украинцами за рубежом».

Еще мне хочется сказать слово о Юрии Корнеевиче не только как о писателе — о человеке огромного личного обаяния, исключительной скромности, душевной чистоты.

Говорить с ним удивительно легко и просто: его эрудиция, жизненная мудрость всем известны; к нему тянутся люди, потому что он сам любит людей искренне, видит в них прежде всего хорошее, душевное, красивое. Ярким тому свидетельством служит книга с красноречивым названием «О хорошем в людях», написанная Юрием Смоличем вместе с его большим другом Максимом Рыльским.

И за эту любовь люди платят Юрию Корнеевичу сторицей. Хотя я погрешил бы против правды, если бы безоговорочно утверждал, что Юрия Корнеевича любят все, кто его хорошо знает. Такого не бывает да, по глубокому убеждению Юрия Корнеевича, и не должно быть, ибо одинаково хорошее отношение всех возможно только к людям безликим и беспринципным.

Не любят коммуниста-писателя Юрия Смолича националистические отбросы из мюнхенских и канадских «самостийных» мусорников за его гневно обличительные памфлеты, за его непримиримость к тем, кого он сам ненавидит.

Ставя точку в конце своей первой книги мемуаров, «Рассказы о непокое», Юрий Смолич в послесловии с грустью замечает: «Страшное это дело писать воспоминания. Как будто подытоживаешь собственную жизнь и результат отбиваешь чертой: все!.. Дальше уже не будет ничего: отчет сдан. Но еще страшнее — заканчивать писать воспоминания. И не потому, что возникает смутный вопрос: а что же дальше? А потому, что записываешь лишь десятую, сотую, тысячную частичку того, что стоит — мог бы, можешь, должен! — записать. Непременно надо же записать то, что знаешь, наверное, только ты...»

Мне понятна эта естественная человеческая грусть. Зачем лукавить? Ведь семьдесят не семнадцать и даже не сорок семь...

Но перо писателя в твердой руке. Кажется, оно не знает усталости. И потому «Рассказы о непокое» продолжаются...

В конце минувшего года читатель получил вторую книгу мемуаров. Как и первую, ее раскупили мгновенно. Она имела широкую прессу на Украине и за границей. И вот только что — к юбилею писателя — вышла еще одна книга из серии о непокое с весьма красноречивым названием — «Я выбираю литературу». По содержанию она хронологически предшествует двум предыдущим. Ее нельзя рассматривать как чисто автобиографическую. Повествуя о себе, писатель все время видит перед глазами свое поколение, а также социальные и творческие процессы, свидетелем и активным участником которых ему довелось быть.

А сколько еще планов! Сейчас Юрий Корнеевич заканчивает работу над завершающей книгой серии рассказов о непокое. В нее входят литературные портреты его современников, замечательных украинских писателей... Юрий Корнеевич хочет закончить работу над этой книгой к осени текущего года, а уж после нее снова возвратиться к романистике. Уже накоплено немало материала, все четче вырисовывается замысел нового романа. Книга эта предполагается своеобразным продолжением его дилогии о гражданской войне на Украине «Мир хижинам, война дворцам», «Ревет и стонет Днепр широкий» и, таким образом, будет завершением трилогии.

Писатель не избегает современных тем. Просто он убежден, что понятие современности нельзя толковать прямолинейно и уж, во всяком случае, не следует путать со злободневностью. Современность нельзя измерить календарем и часами. Все дело в силе эмоционального воздействия писателя и его произведений на современного читателя.

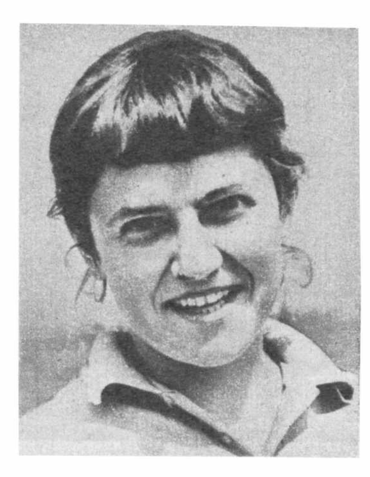
Современность лежит на пути из прошлого в будущее. Дверь в будущее, говорит Юрий Корнеевич, мы уже открыли. Дверь в прошлое тоже должна быть открыта, ибо нельзя идти в будущее, не зная своего прошлого.

Книги Юрия Смолича «Рассказы о непокое» по-настоящему современны. В этом убеждают сотни писем-отзывов, адресованных автору. И что характерно — письма преимущественно пишет молодежь. А сколько в этих письмах благородного непокоя и пытливости. Они так интересны и содержательны, что из них самих можно составить книгу о нашем молодом современнике, о его раздумьях и помыслах.

Вот почему Юрий Смолич с такой страстью обращается ко всем, кому выпала честь быть участником первого приступа в процессе становления и самоутверждения украинской советской литературы. Отложить на некоторое время другие творческие замыслы и — пока не поздно — записать все, что подскажет ему память, разум, сердце и совесть, о его жизни в общем литературном процессе, о его побратимах, друзьях, единомышленниках или противниках в творческих поисках. И адресовать эти свои записи прежде всего молодому поколению литераторов и читателей, влюбленных в литературу.

Леонид БОЙКО

Замечательными победами отметили советские спортсмены свой праздник. На многих международных соревнованиях с успехом выступали штангисты, мотогонщики, стрелки, волейболисты. В № 31 журнала «Огонек» мы рассказали об убедительной победе сборной команды страны по легкой атлетике над американскими спортсменами, а на этой странице знакомим вас с чемпионами мира по авиационному спорту, борьбе и высшей школы верховой езды.

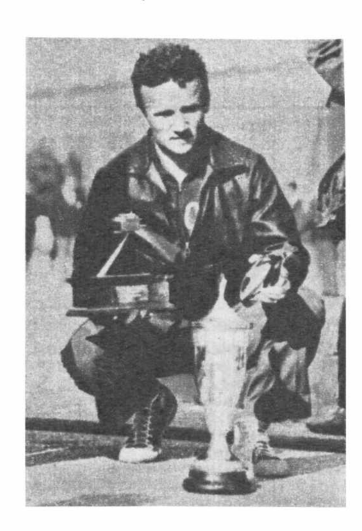

В НЕБЕ НАД АНГЛИЕЙ

Воздушные виртуозы — мастера высшего пилотажа недавно собрались в Халлавингтоне на VI чемпионат мира. Две недели гудели в небе Англии спортивные самолеты. Чтобы победить в этих труднейших испытаниях, спортсменам надо было показать высокие результаты в обязательной и произвольной программах, а сверх того выполнить задания, которые им давались только после того, как они садились за штурвалы своих машин.

Ни разу не уступив лидерства опытным летчицам из США и ФРГ, студентка Московского авиационного института Светлана Савицкая завоевала звание абсолютной чемпионки мира по высшему пилотажу. Так же успешно провел соревнования и капитан команды СССР, инженер из Куйбышева Игорь Егоров. Он опередил пятьдесят спортсменов из одиннадцати стран. Помимо Кубка Арести, Игорь Егоров завоевал также призы общества британских самолетостроителей, королевского общества аэронавтики и приз Би-би-си. Зинаида Лизунова, занявшая второе место, получила приз за лучшие показатели в ходе выполнения неизвестной обязательной программы, а Лидия Леонова — награду за высший класс в первой программе.

Советская команда выступала на отлично себя зарекомендовавших спортивных «Яках».

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА МИРА

— Можно попросить Елену Владимировну?
— К сожалению, нет, она на экзамене.
— Но она же только на днях вернулась из ФРГ...
— Ну и что же? Там Елена Владимировна сдавала экзамены, а здесь принимает.

Такой телефонный разговор произошел у нас с одной из сотрудниц биологического факультета Московского университета. Сдает... Принимает... В этих двух глаголах, в сущности, вся жизнь преподавателя университета, кандидата биологических наук, чемпиона мира по высшей школе верховой езды Елены Петушковой.

А началось все с глагола «сдает»...

В шестнадцать лет Лена Петушкова успешно сдала вступительные испытания в конноспортивной школе «Урожай», и тренер школы сказал ей: «Ну что же, привыкай к седлу, к лошади. Желаю удачи». Когда Лена, окончив школу, сдала экзамены в университет, она была уже своим человеком на манеже, седла не оставила, успешно сочетая учебу с тренировками, окончила университет, и в 1962 году о ней заговорили в конноспортивных кругах. Аспирантка биологического факультета успешно сдала не только кандидатский минимум на университетской кафедре, но и экзамен в спортивном манеже: девушка заняла третье призовое место на первенстве СССР.

А потом Елена защитила и кандидатскую диссертацию и сдала «кандидатский спортивный минимум» на международных турнирах в Голландии, Швейцарии, ФРГ. К тому времени, когда на биофаке университета Елена Петушкова начала читать лекции и принимать экзамены у студентов, она вошла в состав сборной команды страны, и строчка «Елена Петушкова на Пепле» стала все чаще мелькать в спортивных отчетах.

Когда-то, в детстве, Лена увлекалась балетом, участвовала в школьных спектаклях и, может быть, поэтому высшую школу верховой езды восприняла как танцы на лошади. Вороной конь Пепел стал ее постоянным партнером на всех турнирах и чемпионатах. И сколько же внимания, времени и сил души отдала Елена Петушкова своему любимцу! В конце концов Елене Петушковой удалось достигнуть удивительных успехов и создать в выездке лошади свой стиль, который один из знатоков конного спорта справедливо назвал лирическим. Это было совсем не просто: ведь в 1965 году, когда Елена Петушкова заняла приметное место среди сильнейших конников страны, советская школа выездки пользовалась уже всемирным признанием. Еще на Олимпийских играх в Риме Сергей Филатов завоевал золотую медаль. На Токийской олимпиаде Сергей Филатов, Иван Кизимов и Иван Калита стали бронзовыми призерами командных соревнований, а тот же Филатов занял третье место и в личном зачете. И вот в олимпийской команде СССР, которая должна была выступить в Мехико, место прославленного наездника Филатова заняла Елена Петушкова.

С ее участием команда на сей раз вернулась домой не с бронзовой, а с серебряной медалью. В личных же соревнованиях Петушкова заняла шестое место, что было достаточно почетно для дебютантки.

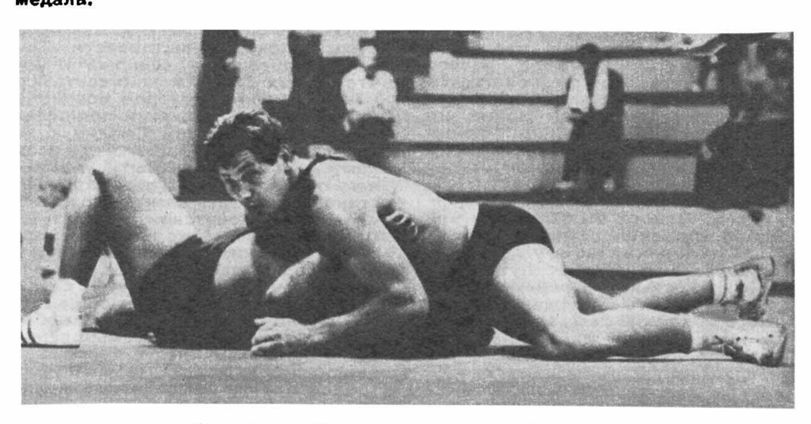
Командное первенство в Мексике завоевали конники ФРГ, и среди них Петушкову особенно заинтересовала Лизелотта Линзенхофф. Петушкова, видимо, поняла, что с этой наездницей ей придется столкнуться еще не раз, и не ошиблась. В 1969 году на чемпионате Европы Лизелотта Линзенхофф завоевала личное первенство, в то время как советская спортсменка была лишь третьей. И вот на чемпионате мира, который был разыгран в этом году в конце июня в ФРГ, на родине Линзенхофф, борьба за золотую медаль снова развернулась между двумя амазонками — советской и западногерманской. Однако на этот раз Елена Петушкова не отдала первенства и оставила Линзенхофф на втором месте... А вернувшись домой с полной победой (советская команда завоевала также и «Гран-при»), Елена Владимировна тут же приступила к своим обязанностям университетского преподавателя. Вот почему ее не смогли позвать к телефону.

И. ПЕТРОВСКИЙ

9 золотых медалей

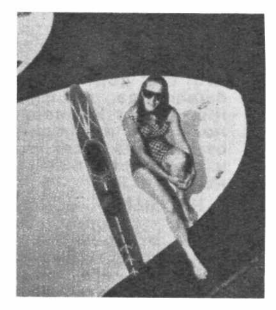
Советские борцы издавна славятся своей силой. И вот в канадском городе Эдмонтоне на чемпионате мира они снова добились успеха. Пять золотых, одну серебряную и две бронзовые медали привезли домой наши «классики». Для студента Романа Руруа это была привычная победа: уже трижды до этого он побеждал на чемпионатах мира и стал олимпийским чемпионом в Мехико. Виктор Игуменов тоже в четвертый раз получает золотую медаль, а вот Анатолий Назаренко и Валерий Рязанцев впервые поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета. В третий раз стал чемпионом мира наш замечательный тяжеловес Анатолий Рощин. Ему 38 лет.

Не менее успешно выступили в Канаде и «вольники». Юрий Шахмурадов, Геннадий Страхов, Владимир Гулюткин и Александр Медведь стали чемпионами мира. А. Медведь уже в шестой раз завоевывает золотую медаль.

Александр Медведь на ковре в Канаде.

Фото ЮПИ, ТАСС.

Лыжи летом

Мы привыкли любоваться прыжками с трамплина зимой — и вдруг лыжники летом на водной глади Москвы-реки! Но необычного здесь нет ничего: идут соревнования по воднолыжному спорту.

— Этот спорт очень молод,— рассказывает старший тренер Центрального водноспортивного клуба ВМФ Виктор Александрович Воронцов,— но у него уже много сторонников. Соревнования проходят по трем видам: слалому, фигурному катанию и прыжкам с трамплина. Наши воднолыжники вышли на международную арену всего лишь в 1967 году, и в официальных международных соревнованиях мы еще не участвовали. Сейчас в спортивную школу мы берем 12—13-летних, я же думаю, что водным спортом нужно начинать заниматься с шести-семи лет.

...Стремительно летит за катером девушка в оранжевом. Повороты на воде, прыжки. Выступает Наташа Воронцова, чемпионка Москвы среди девушек, кандидат в мастера спорта. Дочь Виктора Александровича стала абсолютной чемпионкой Вооруженных Сил.

— Мне девятнадцать лет,— рассказывает Наташа.— Два года назад я окончила школу, а теперь работаю в Министерстве речного флота. В детстве я занималась фигурным катанием, потом—академической греблей, ходила в бассейн. В двенадцать лет стала на водные лыжи и последние четыре года выступаю в соревнованиях. У меня неплохо идут слалом и фигурное катание. Моя младшая сестра, Ира, тоже увлеклась водным спортом. У нас теперь это семейное увлечение, а мама болеет за всех нас.

И. ШИБАЛКОВА

Чемпионка мира Елена Петушкова
на коне «Пепел».

Фото Л. Бородулина.

Спортивный клуб «Пламя». Вверху — старт легкоатлетов, внизу — в бассейне клуба.

Фото А. Бочинина.

Н. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

Далеко за пределами Липецка славятся велогонщики Тракторного — В. Кобзев, В. Волкова, Р. Посаднева, В. Сметанин, В. Кондрашов на различных соревнованиях достойно защищают спортивную честь своего завода. Не раз принимал участие в международных шоссейных гонках по дорогам Франции, Польши, Болгарии, Турции, Англии электромонтер Н. Фадеев. За четыре года на Тракторном заводе двадцать человек стали мастерами спорта по велоспорту. В секции занимаются более двухсот юношей и девушек...

Еще двадцать лет назад мастер спорта Н. Куликов сумел увлечь городками многих молодых рабочих, и сейчас заводские городошники одни из сильнейших не только в Липецкой области, но и в стране. На городошных площадках Тракторного не раз проводились крупные соревнования.

В последнее время большие успехи сделали заводские легкоатлеты, ученики замечательного тренера Евгения Тищенко. Инженер-экономист Зоя Ткаченко — лучшая пятиборка спортивного общества «Труд». Не раз успешно выступали на крупных соревнованиях В. Смолянинова, Л. Филатова, Л. Мордовкина, К. Чеботарев, А. Тищенко.

На заводе часто проводятся открытые старты, показательные выступления лучших легкоатлетов. Успешно работает детская спортивная школа, в которой занимаются около тысячи мальчиков и девочек. Лет пять назад пришел в детскую спортивную школу Толя Тищенко. Он увлекся метанием копья, и вот в прошлом году молодой спортсмен стал победителем чемпионата страны среди юниоров.

В распоряжении спортсменов Тракторного завода отличная база — гимнастический зал, двадцатипятиметровый бассейн, стадион с трибунами на десять тысяч мест, десятки баскетбольных, волейбольных и городошных площадок. И главный спортсмен завода — его директор Василий Яковлевич Клименков. Более двадцати лет Василий Яковлевич сам увлекается спортом и делает все, чтобы физическая культура вошла в жизнь рабочих. По инициативе Василия Яковлевича методом народной стройки без больших затрат построен стадион и велотрек.

На заводе есть две доски славы — трудовой и спортивной. И вот что примечательно: почти все передовики производства — отличные спортсмены. Да, спорт на заводе не самоцель, а средство для достижения цели. Этому и подчинена вся деятельность заводского спортивного клуба «Пламя». Возглавляет клуб заслуженный тренер РСФСР, мастер спорта Юрий Житенев. Его называют «беспокойный председатель»: он ни минуты не сидит без дела. А дел у председателя хоть отбавляй. Переход на пятидневную рабочую неделю открыл перед спортивным клубом большие возможности. Теперь спортивные площадки имеются не только на территории завода, но и заводского пансионата. Каждую субботу и воскресенье там царит оживление: идут соревнования по легкой атлетике, баскетболу, волейболу, настольному теннису.

Правление спортивного клуба поставило перед собой большую задачу: в ближайшие два года привлечь к занятиям спортом две трети рабочих и служащих. Это задача трудная, но вполне выполнимая.

ИМЯ КЛУБА — «ПЛАМЯ»

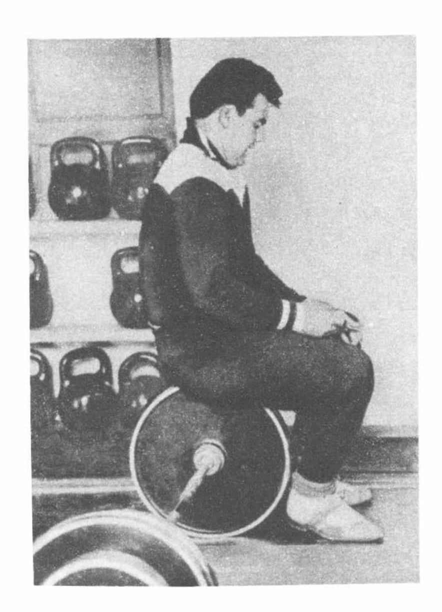

Коля Фадеев — электромонтер Тракторного завода, велогонщик.

Тренируются самбисты.

Тренер Евгений Тищенко и его питомцы.

В. ВИКТОРОВ

ПОПРАВКА ЯНА ТАЛЬТСА

КРУШЕНИЕ

С эстонским штангистом Яном Тальтсом читатели «Огонька» впервые встретились два года назад («Огонек» № 24, 1968). В то время Тальтс не имел равных соперников, и мы все были убеждены в том, что на олимпийском помосте в Мехико его ждет золотая медаль. Громкие успехи сопутствовали этому удачливому атлету. Недаром журналисты поставили его первым среди лучших спортсменов 1967 года. И очерк о нем в «Огоньке» так и назывался: «Сколько весит удача?» А удача Тальтса весила ни много ни мало 510 килограммов и являлась новым мировым рекордом для штангистов полутяжелого веса.

Таким победным аккордом и завершался рассказ о Яне Тальтсе, но серия его побед на этом не закончилась. В конце июня 1968 года на чемпионате Европы в Ленинграде Тальтс буквально разгромил по всем статьям второго по силе полутяжеловеса мира шведа Бу Юханссона, который, отправляясь на чемпионат, заявил, что едет за четырьмя мировыми рекордами. Тальтс обогнал Юханссона на 17,5 килограмма и установил новый мировой рекорд в сумме трех движений — 512,5 килограмма. Что же касается третьего призера, финского штангиста Каарло Кангасниеми, то он проиграл Тальтсу больше двадцати килограммов, и на пресс-конференции журналисты удостоили его всего лишь одного вопроса, звучащего приблизительно так: «А откуда вы и что здесь делаете?»

Всем тогда казалось, что Каарло Кангасниеми, недавно перешедший в полутяжелый вес из среднего, больше не решится на единоборство с Тальтсом, и вдруг две недели спустя на плечи Тальтса, словно штанга, вырвавшаяся из рук, обрушилась потрясающая новость: скромный Каарло повторил его мировой рекорд в сумме трех движений, а во втором движении — рывке — даже перекрыл.

Тут было над чем поразмыслить первому кандидату в олимпийские чемпионы, но Кангасниеми не оставил ему на это времени: еще две недели спустя финн на два с половиной килограмма превысил рекорд Яна в сумме трех движений, а затем поднял 522,5 килограмма, причем в рывке установил новый рекорд — 157,5 килограмма.

Этот последний свой удар Каарло Кангасниеми нанес, когда до олимпиады оставались считанные недели, и Тальтс успел ответить ему лишь одним мировым рекордом — в толчке. Но финн и не пытался отодвигать его на второй план в этом коронном для советского штангиста движении, видимо, вполне довольствуясь своим превосходством в жиме и рывке.

Расчеты Кангасниеми оказались точными. В Мехико он начал борьбу с Тальтсом с того, что в жиме обогнал его на 12,5 килограмма, в рывке увеличил разрыв еще на 7,5 килограмма, и мировой рекорд Тальтса в толчке — 197,5 килограмма — лишь наполовину снизил образовавшийся грозный разрыв.

Подняв в сумме трех движений огромный вес — 517,5 килограмма, Каарло Кангасниеми доказал, что по праву получил свою золотую медаль. Правда, Тальтс выступал в Мехико после тяжелой травмы (на его плечи действительно обрушились не только новые рекорды финского атлета, но и штанга, которую, тренируя рывок, он не удержал). Правда, Тальтс потерял много сил, сгоняя перед соревнованиями четыре килограмма (полутяжеловес не может весить более 90 килограммов). Правда, эта жестокая сгонка веса безнадежно снизила его результат в жиме. Но кто обязан был учитывать все эти «правды»? А я, с грустью наблюдая за Тальтсом в олимпийском Мехико из третьего ряда театра на проспекте Инсургентес, на сцене которого выступали штангисты, неожиданно вспомнил его последние слова, сказанные во время нашей беседы весной в Таллине. «Придется мне, наверное, бросить спорт или потяжелеть. Не могу я больше сгонять вес».

Я записал эти слова и подумал, что собственный вес атлета может быть не только его союзником, но и самым безжалостным противником. Подумать только, в юности Ян начал заниматься штангой именно потому, что мечтал набрать вес, стать побольше, потяжелее, как все мужчины в его семье. А теперь вес лишал его возможности побеждать.

Куда же деваться Яну Тальтсу? В полутяжелом весе его всегда будут преследовать лишние килограммы, а если он попробует перейти в следующую категорию, то окажется беспомощным рядом со штангистами такого типа, как Жаботинский. Правда, все упорней ходили слухи о том, что международная федерация вскоре узаконит новую весовую категорию, которая в отдельных странах уже получила права гражданства — первый тяжелый вес, но и там Тальтс, судя по всему, должен был столкнуться с противником не менее грозным, чем Каарло Кангасниеми.

СНОВА СОЮЗНИК

Серебряная олимпийская медаль обрадовала бы многих спортсменов, но не такого, как Тальтс. Бывает, конечно, и хуже — ведь в Мехико Бу Юханссон оказался лишь четвертым, но разве это утешение? Утешением Тальтсу было то, что, вернувшись из Мехико, он доказал и себе и другим, что успех атлета нельзя взвешивать на весах, как чугунную штангу, что личная его удача весит значительно больше полутонны хорошо обработанного и отшлифованного металла. Потерпев поражение на олимпийском помосте, Тальтс не склонил головы — он решился на переход в первый тяжелый вес, в новую весовую категорию, где вместе с ним будет пробовать свои силы известный американский тяжеловес Роберт Беднарски.

Да, это была сила! Еще в июне, выступая во втором тяжелом весе, готовясь к Олимпиаде, Беднарски заставил говорить о себе, побив мировой рекорд Жаботинского в толчке, а в сумме трех движений поднял 580 килограммов, что было третьим результатом в мире.

Казалось бы, что после этого Роберту Беднарски обеспечено право выступать в Мехико в тяжелом весе, но хозяева команды США предпочли «легкому» штангисту Беднарски (его собственный вес был равен всего 113 килограммам) Джона Дьюба — стосорокакилограммового гиганта.

Итак, собственный вес снова превратился для Тальтса из противника в союзника, и раз вопрос был решен, надо было уже не сбрасывать, а как можно быстрее набирать килограммы, иначе с Беднарски не справишься. Но у штангиста каждые лишние сто граммов — это не жировая прослойка, а упругие мышцы. Лежа на печи сильнее не станешь. Толще — да, сильнее — нет. Нужны новые тренировочные нагрузки, новые упражнения, новые килограммы, навешенные на гриф штанги. И при этом надо все время помнить, что в погоне за весом нельзя терять скорость. Ведь, кроме жима — силового движения, есть еще и рывок и толчок. Увлечение тоннажем — дело опасное...

А тут до Роберта Беднарски еще надо добраться! У Тальтса и дома хватало соперников. Вот почему, когда осенью 1969 года в Таллине я встретился с Яном Тальтсом и попросил рассказать о Роберте Беднарски, он начал свой рассказ не с Варшавы, а с Киева.

— Да, еще в Мексике, проиграв Кангасниеми, я стал подумывать о переходе в первый тяжелый вес и с первых же шагов испытал большие трудности,— так начал свой рассказ Ян Тальтс.— Не так-то просто мне было доказать свое право на место в строю таких силачей, как Владимир Голованов, Владимир Стороженко, Анатолий Калиниченко и многие другие. По крайней мере десять первоклассных атлетов сошлись в первом тяжелом весе, и никто еще не знал границ своих возможностей. Ясно было лишь одно — что маневрировать в этом весе можно в очень широких пределах: границы новой категории распространяются от 90 до 110 килограммов. А где же для меня самое выгодное соотношение мышечной массы и нервной уравновешенности? Пойди определи! И решить это надо как можно быстрее, ведь от этого зависела путевка в Варшаву, где в конце сентября должен был состояться очередной чемпионат мира, а значит, и встреча с Робертом Беднарски.

Всего полгода оставалось на тренировки и предварительные соревнования, а тут, испытав впервые свои силы, весной в Киеве, я сразу же травмировался. Да так, что возник вопрос о моем выступлении на личном первенстве страны в Ростове. Но как же я мог не поехать в Ростов? Ведь там если не совсем, то по крайней мере на две трети решалась поездка в Варшаву. И я поехал в Ростов. И занял четвертое место после Голованова, Яблоновского и Стороженко. А потом за месяц успел и травму залечить и вес набрать солидный, так что первая моя встреча с Кауко Кангасниеми, младшим братом Каарло, на соревнованиях в Таллине прошла вполне благополучно; я победил да еще с новым всесоюзным рекордом. Если в Ростове в сумме трех движений я поднял 517,5 килограмма, то теперь набрал на двенадцать с половиной килограммов больше, и притом в толчке одолел 200 килограммов. А потом была поездка в Японию, и там мне удалось увеличить рекорд страны в сумме трех движений еще на десять килограммов и в толчке поднять 205 килограммов.

Что и говорить, мои аргументы были достаточно вескими, и все же я должен был пройти еще одно испытание до отъезда в Варшаву. На сей раз я вышел на помост в ГДР и опять установил новый всесоюзный рекорд — 542,5 килограмма, а главное, добился первого успеха в жиме — поднял 190 килограммов, установил новый мировой рекорд.

Однако успокаивать себя я не стал. Мой главный соперник Роберт Беднарски держал в своих руках мировые рекорды и в рывке, и в толчке, и в сумме трех движений, и я знал, что победить его в Варшаве будет невероятно трудно. Но должна же мне наконец улыбнуться удача после Мексики! И я решил: «Нет, Беднарски так легко, как Кангасниеми, не выиграет...»

«Я ПРОСТО ПОДНЯЛ...»

Однако не будем забегать вперед. Так же, как сюжет рассказа требует постепенного нарастания событий, так и тяжелая атлетика любит постепенное нарастание веса.

Итак, Варшава. До отказа переполнен спортивный дворец «Торвар». Каждый день новые сенсации, новые чемпионы, и только мы, тяжеловесы, живем, как на укромном сборе,— с утра тренировки, держим жестокий режим и затаенно ждем своего часа. Смешно даже вспомнить: за всю неделю, пока мерились силами такие же новички, как и мы — штангисты наилегчайшего веса и старо-

жилы чемпионата — представители следующих шести весовых категорий, в том числе и недавние мои соратники — полутяжеловесы, я видел соревнования только по телевизору, да и то урывками. И Роберта Беднарски видел лишь мельком, мы тренировались в разное время. Да и какой толк во встречах с ним? Еще раз убедиться в том, что американец действительно в боевой форме и держит на взводе 106 килограммов собственного веса? И это в то время, когда мои килограммы таяли не по дням, а по часам: я чувствовал себя неважно. А за час до начала соревнований меня ждал первый удар.

Как всегда, прежде чем выйти к штанге, мы поднялись на площадку весов, и Беднарски сошел с этой площадки, как с пьедестала почета — судьи зафиксировали в протоколе 105,6 килограмма,— а у меня оказалось всего девяносто девять с половиной. Три я потерял за эти дни. Так опять килограммы играли со мной злую шутку.

Да, Беднарски был уверен в своем успехе и не считал нужным скрывать это ни от нас, своих соперников, ни от журналистов. Он заявил во всеуслышание, что выиграет чемпионат с новым рекордом—575 килограммов. И в этом не было ничего невероятного — ведь поднимал же он 580, когда выступал во втором тяжелом весе! Я чувствовал, как вокруг нас закипают страсти, и сказал себе: «А ты не волнуйся, Ян. Ты просто поднимай свои килограммы, а там видно будет...»

Я решил начинать жим с небольшого веса — 180 килограммов, чтобы зафиксировать вес уверенно, но и Беднарски не очень торопил события, он зафиксировал следующий вес — 182,5 килограмма. И тут-то произошла первая осечка. Не знаю уж почему, но ни я, ни он не смогли использовать оставшихся у нас двух попыток. И вот теперь наступало время рывка, где американец был сильнее. И он-то своего не пропустил. Мне удалось поднять 155 килограммов, а Беднарски вырвал 160, установил новый мировой рекорд и обогнал меня в сумме двух движений сразу на 7,5 килограмма...

Беднарски начал толчок с того же веса, что и я,— 200 килограммов. Потом поднял 205 килограммов, видимо, считая, что, набрав сумму 547,5 килограмма, обеспечил себе победу. А раз так, то и третью свою попытку в толчке Беднарски нечего беречь, и он, конечно, попытается довести сумму хотя бы до 550 килограммов.

Вот на что мы рассчитывали и из тренировочного зала, где я разминался, готовясь к решающим усилиям, старались по звукам, доносящимся к нам со сцены, угадать, выйдет ли Беднарски к следующему весу — 207,5 килограмма.

Мы ждем. А Беднарски? Пропускает? Выходит к штанге? Если он возьмет и этот вес, тогда меня могут выручить только 215 килограммов... Это — безумие!.. Так и есть, американец не отказался от попытки. Уже пущен секундомер. Теперь у него в запасе всего три минуты, а помост по-прежнему пуст. Если он не выйдет, то лишится третьей попытки. Но помост пуст. Ждет зал. Ждут судьи. Пульсирует по циферблату стрелка хронометра. А когда прозвучал звонок, мне сообщили: «Беднарски пропускает». Беднарски испугался еще не поднятых мною 212,5 реальных килограммов. Он пропускает! Но это же против правил! Он должен был заявить о том, что пропускает вес, до того как пустили секундомер. Нет, теперь за мной последнее слово. Если удастся поднять 212,5, я догоню американца... Догоню? Нет, перегоню. Ведь я же на шесть килограммов легче, чем он.

Штанга готова. Пора! Кружится голова от нашатыря. Горит тело от растирки. Горят нервы, натянутые в струнку. Но спина в порядке, ноги легкие... Толкну! И я просто подошел и поднял этот вес. Я просто поднял. А удивился тому, что сделал, уже потом, когда выстоял под громадной тяжестью, дождался отмашки судьи, еще подержал и только тогда бросил штангу.

Я не сразу понял, что вопреки всем правилам Беднарски готовится к третьей зачетной попытке, на которую он не имел никаких прав. А что было дальше, широко известно. Два бесконечных долгих часа, дождавшись решения апелляционного жюри, я беседовал с журналистами, сидел с друзьями, не дождавшись, уехал в гостиницу и только ночью узнал: победа за мной...

ЖИЗНЬ ДОПИСЫВАЕТ ОЧЕРК

Вот что рассказал Ян Тальтс, и мне, признаться, показалось, что на этом можно ставить точку, что вряд ли в его жизни случится еще что-нибудь более яркое, более значительное. И я ошибся. Жизнь предложила другую, более весомую, более эффектную концовку этого очерка. Судите сами...

Уже к весне нынешнего года всем вдруг стало ясно, что в спор с Яном Тальтсом, мировым чемпионом и рекордсменом, как равные вступают два молодых, неизвестных атлета, о которых Тальтс в беседе со мной даже не упоминал. В марте на Кубке дружбы в Минске Тальтс победил, набрав вполне приличную сумму — 540 килограммов, но выступавший вне конкурса его земляк сельский штангист Карл Утсар поднял в рывке 161 килограмм, чего никогда не удавалось Тальтсу. И это была лишь заявка, продолжение последовало вскоре, через месяц, на чемпионате страны в Вильнюсе.

Ян Тальтс не смог принять участия в этих соревнованиях из-за болезни, но Карл Утсар добился победы с тальтсовской суммой — 545 килограммов, причем в рывке на сей раз поднял еще больше — 165 килограммов и установил новый мировой рекорд. А рядом с ним на пьедестале почета оказался еще более молодой штангист— Валерий Якубовский. И он тоже показал, что как равный собирается вести борьбу с Тальтсом. Якубовский поднял 540 килограммов и в дополнительном подходе установил мировой рекорд в жиме — 195 килограммов...

И тут-то снова сказал свое слово Тальтс. «Не вздумайте сбрасывать меня ни с площадки весов, ни с помоста. Я еще не сложил оружия». Именно так можно было расшифровать его выступление на матчевой встрече штангистов финского рабочего союза и эстонского сельского спортивного общества «Йыуд». Тальтс принял участие в этих соревнованиях вне конкурса и установил там новый мировой рекорд в жиме — 195,5 килограмма, а в сумме трех движений побил мировой рекорд, принадлежавший Беднарски, подняв 550 килограммов.

Ян Тальтс как бы поставил на место двух своих молодых соперников, доказав всем, что именно он имеет право представлять свою страну на чемпионате Европы. И Тальтс действительно был включен в сборную, но сразу же после его отлета в Венгрию Валерий Якубовский появился на помосте в Подольске и установил там сразу два мировых рекорда: в толчке 214 килограммов, в сумме трех движений 560 килограммов.

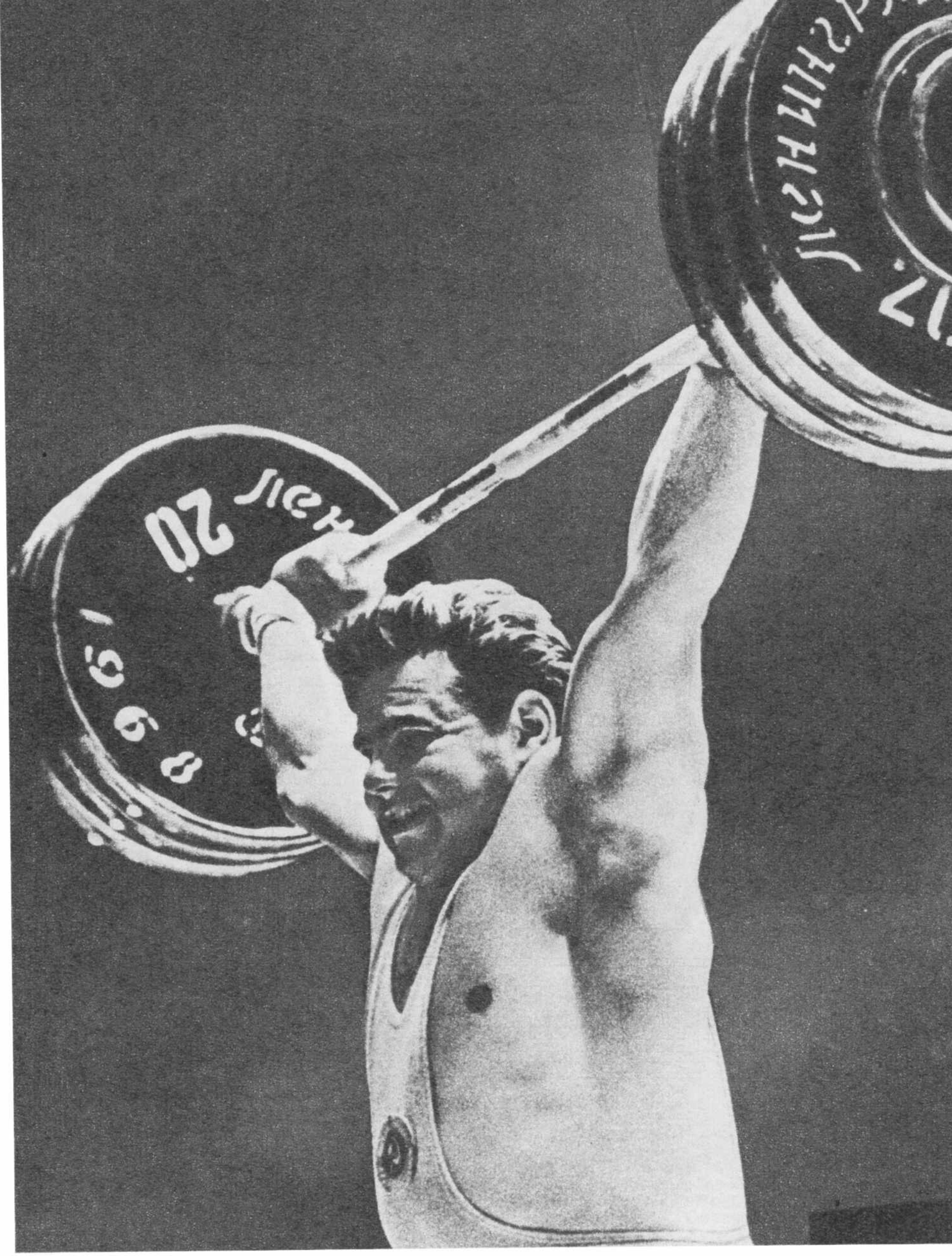
Ах, цифры, цифры! Какими красноречивыми и какими надоедливо-однообразными вы умеете быть! Вот сейчас, упомянув об этих двух сокрушительных результатах Якубовского, я подумал, что если не остановиться на них подробней, то, пожалуй, они проскользнут незамеченными. А это ведь цифры с большой буквы! Они доказали, что Якубовский не собирается пасовать, прекращать своего спора с самим Тальтсом и именно поэтому дал ему бой в толчке, где так силен Ян Тальтс, именно поэтому сразу на десять килограммов увеличил мировой рекорд, установленный Тальтсом в мае.

Что же должен делать после этого экс-рекордсмен мира на чемпионате Европы? Просто выиграть? Нет, теперь этого Тальтсу мало. Теперь на помосте в венгерском городке Сомбатхей его главным соперником будет Валерий Якубовский, хоть он и остался дома, в Москве.

Вот как лихо закрутила жизнь сюжет этого, как мне казалось, дописанного очерка. И новая концовка вполне может поспорить с прежней, варшавской, хотя Беднарски, главный соперник Тальтса, в Венгрию не приехал. Ян Тальтс с первого же движения, жима, показал, что намерен превысить мировой рекорд Якубовского. Тальтс поднял 185 килограммов, затем — 195 килограммов и заказал рекордный вес — 200... И он поднял этот вес! Поднял! Но когда он опустил его на помост, два угловых судьи попытки ему не засчитали, утверждая, что атлет продержал штангу в воздухе меньше двух секунд.

Совсем нетрудно представить, какой это был удар для Тальтса. Ведь для того, чтобы поднять 562,5 килограмма (сумма меньше этой была бы для него равносильна поражению), каждый грамм должен быть на учете, а у него вырвали из рук сразу пять килограммов! И, может быть, поэтому так неудачно выступил Тальтс в следующем движении — рывке. Он показал всего лишь третий результат — 152,5 килограмма, подняв на два с половиной килограмма меньше, чем в Варшаве. И тогда-то повисли над Тальтсом еще не побежденные им 215 килограммов, те самые 215 килограммов, которые год назад на чемпионате мира в Варшаве, когда он вел борьбу с Беднарски, казались безумной утопией. Теперь только 215 килограммов — новый мировой рекорд — могли дать ему в сумме 562,5 килограмма, обеспечить победу над Якубовским, вернуть ему славу сильнейшего атлета мира...

И Тальтс поднял 215 килограммов! Поднял так четко и уверенно, что зал и охнуть не успел... Мы видели на телевизионном экране, как два человека с трудом волокли штангу на весы. Но разве можно удачу штангиста взвешивать на весах, как штангу? Еще не созданы те весы, на которых можно было бы взвесить волю, самообладание, бесстрашие, а ведь именно эти драгоценные человеческие качества и обеспечили победу Яна Тальтса.

Вес взят!

Фото А. Бочинина, Л. Бородулина.

50 ЛЕТ НАЗАД

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ 27 ИЮЛЯ 1920 ГОДА

В апреле 1920 года В. И. Ленин предложил представителям РКП в Исполкоме Коминтерна поставить вопрос о созыве II конгресса Коминтерна в России в близком будущем и начать идейно-политическую подготовку к нему...

Конгресс был созван в июле 1920 года. Представители 37 стран принимали участие в его работе. Первое заседание состоялось в Петрограде, а последующие — в Москве.

В Петрограде, в Таврическом дворце, Владимир Ильич Ленин, встреченный шумной овацией делегатов, выступил с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Доклад и «Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала», написанные В. И. Лениным, стали основой всех решений II конгресса.

На этих страницах — снимки, сделанные пятьдесят лет назад, снимки одного июльского дня, когда Москва торжественно-празднично приветствовала делегатов II конгресса Коминтерна. Комментарии к ним — строки из «Правды» конца июля 1920 года.

Всмотритесь в эти снимки, вчитайтесь в эти строки. В них — частичка нашей истории. В них — документы эпохи. «Правда» от 24 июля 1920 года сообщает:

«27 июля — праздник в честь конгресса... Во исполнение постановления Исполнительного Комитета Моск. Совета от 15-го июля с. г., в честь 2 конгресса III Интернационала день 27-го июля объявляется всеобщим праздничным днем рабочей и красноармейской демонстрации с сохранением установленной заработной платы».

«В день 27-го июля, как в день общенародного торжества в честь 2 конгресса III Интернационала, состоится массовая рабочая и красноармейская демонстрация, парад войскам моск. гарнизона и открытие выставки образцов трофеев гражданской войны, предметов снаряжения, обмундирования, вооружения и др. боевых средств Красной армии».

«Правда» 27 июля 1920 года публикует № 1 «Вестника 2-го конгресса Коммунистического Интернационала». В нем призывные строки: «Ко дню 2-го конгресса III Интернационала. Рабочие! Работницы! Красноармейцы! Все трудящиеся Москвы! Во вторник, 27-го июля, московский пролетариат приветствует пролетариат всего мира в лице членов 2-го конгресса III Интернационала. Все на улицу в этот день! Все в рабочие колонны пролетарской демонстрации! Все на сборные пункты к районным советам! Да здравствует мировой пролетариат!».

«Правда» от 29 июля 1920 года. Аншлаги:

«Праздник в честь 2-го конгресса Коммунистического Интернационала». «Красная Москва — III Интернационалу. Демонстрация 27-го июля». «Во вторник красная Москва вслед за красным Питером праздновала великое событие — съезд III Интернационала. Красная площадь с одиннадцати часов утра заполняется стройными линиями красноармейцев. Беглый взгляд на эти ровные, красивые ряды сразу показывает, чем стала теперь Красная армия — исчезли последние остатки партизанского налета, перед нами твердая, правильно построенная, достигшая полной зрелости регулярная армия.

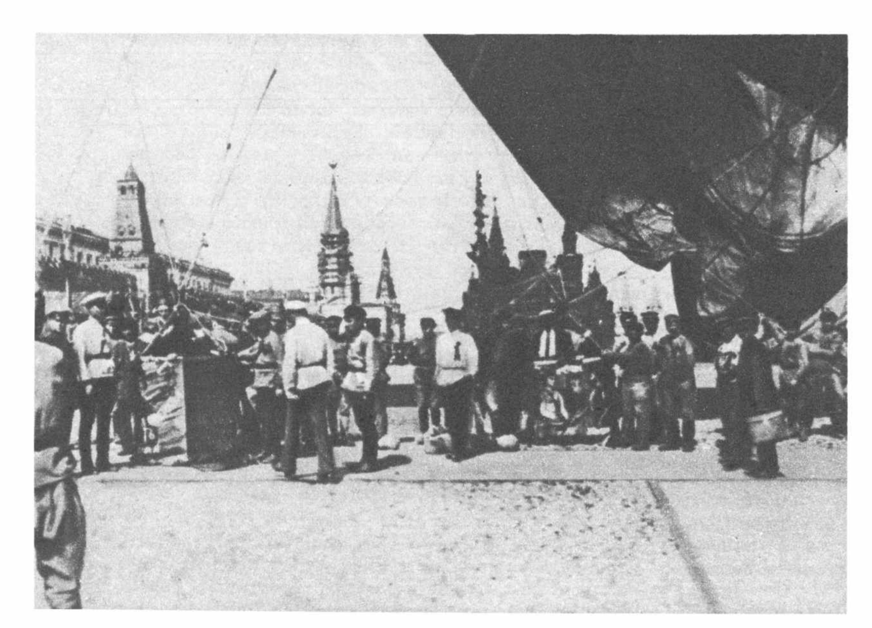
Длинное здание торговых рядов покрыто разноцветными пятнами огромных плакатов и длинных, спускающихся с крыши почти до тротуара знамен. Слева, от Театральной площади, тянется в воздухе к месту торжеств большая серебряная «колбаса». У церкви Василия Блаженного покачивается готовый к подъему второй воздушный шар. Аэропланы проносятся над крышами, между башен.

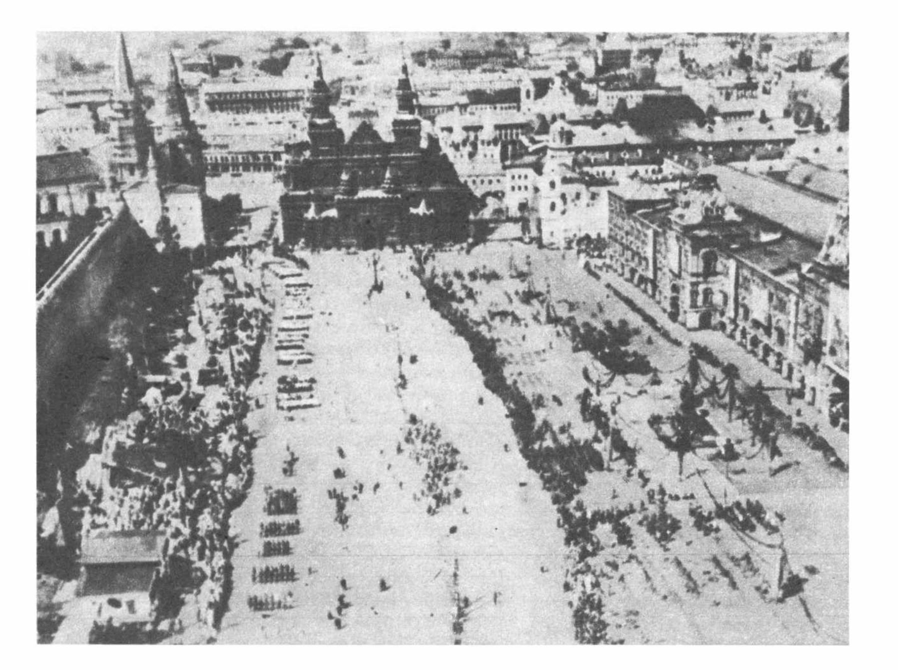
Вдоль кремлевской стены расположилась выставка трофеев гражданской войны. Здесь французские и английские орудия всех калибров и разновидностей, танк, прожекторная станция, тракторы, огнеметные машины...

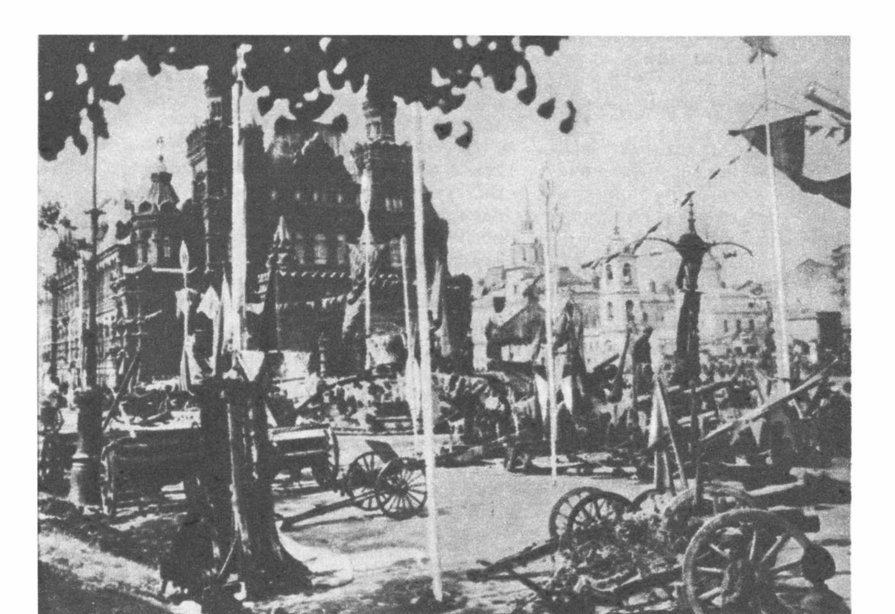
...Это бесконечное шествие длилось с полудня позже чем до пяти часов... От этого непрерывного движения веяло огромной, организованной и сознательной силой. Оно приподымало и увлекало зрителей...

Праздник 27-го июля удался вполне, он вошел одной из страниц в работу самого конгресса...»

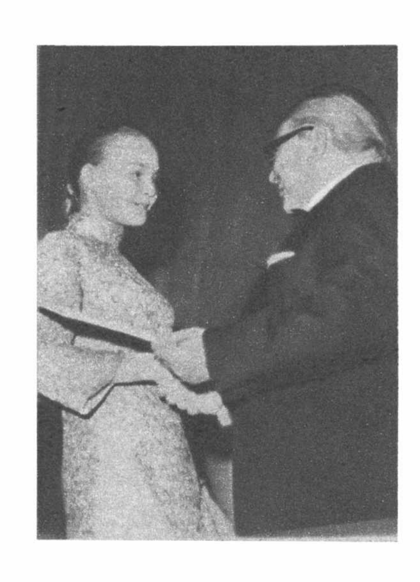

ДРУЖЕСКАЯ АТМОСФЕРА

Н. ТОЛЧЕНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Одним из радостных сюрпризов XVII Международного кинофестиваля в Карловых Варах был фильм о Карлововарском фестивале. Да, да, это не ошибка. Именно так: чехословацкие кинематографисты успели показать созданную ими документальную ленту о большой интересной работе фестиваля, в котором на конкурсе участвовало 25 фильмов из 22 стран, в том числе Вьетнама, Монголии, Перу, Бразилии...

В фильме о фестивале, участники его — теперь уже на экране — увидели эпизоды волнующей встречи с Президентом ЧССР. Людвик Свобода и его супруга посетили Карловы Вары специально, чтобы отметить высокую общественную ценность фестиваля как международного форума, рождающего творческие контакты, столь необходимые для укрепления дружбы и взаимопонимания между народами всех стран.

Вот на экране обмениваются рукопожатиями седовласый Людвик Свобода и генеральный директор «Чехословацкого фильма», председатель Комитета фестиваля д-р Иржи Пурш. Президенту и его супруге представляют членов жюри, а также многих участников фестиваля и гостей; Людвик Свобода их приветствует.

Сердечную беседу Президент ЧССР имел с А. В. Романовым, председателем Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, и членами советской делегации, в составе которой С. Герасимов, Т. Макарова и их молодые талантливые воспитанницы — Ж. Болотова и Н. Белохвостикова.

Глава Чехословацкого государства Людвик Свобода во время фестивального тоста сказал, что глубоко верит в силу киноискусства и главную его гуманную миссию видит в укреплении благородных идей человечества.

В таком направлении и строилась обширная фестивальная программа. Она включала в себя багаж не только 25 конкурсных фильмов — в нее вошли многие ранее созданные произведения из разных стран, рассказывающие о борьбе людей мира за свободу, о подвигах героев, сражавшихся против фашизма.

Особое место заняли во внеконкурсной программе фестиваля картины, знакомившие зрителей с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. В их числе — советский фильм «Кремлевские куранты» режиссера Виктора Георгиева и документальная киноповесть о Владимире Ильиче, созданная кинематографистами ГДР Аннели и Андре Торндайками.

На торжественном просмотре, посвященном ленинскому юбилею, шли короткие картины о Ленине, созданные в ЧССР, Венгрии, Болгарии и Польше.

Гуманные цели и задачи, поставленные перед Карлововарским фестивалем его руководителями и организаторами, особенно отчетливо выразились на том важном заключительном этапе, каким явилось присуждение премий.

Большой приз — «Хрустальный глобус» — вручен режиссеру Кену Лоах (Великобритания), создателю фильма «Кес». Этот фильм, вероятно, и впредь не оставит равнодушным ни одного зрителя. Все примут близко к сердцу судьбу мальчика Билла, его напряженную душевную жизнь. Трогательна любовь мальчика к прирученной им птице, которой он дал имя Кес. Но сокол убит злыми людьми, и, как волнует нас душевное страдание мальчика! Это не мелодрама. Фильм поднимает важные проблемы, требуя внимания и заботы к формирующейся личности подрастающего человека, требуя не назойливо, но вдумчиво и серьезно.

Главная премия фестиваля единодушно присуждена картине советского режиссера Сергея Герасимова «У озера» (студия имени М. Горького). Фильм этот убедил всех широтой раздумий о жизни, вниманием к людям, современникам, имеющим не мещанские взгляды и интересы... Совсем еще юной актрисе Наташе Белохвостиковой, играющей в этом фильме, вручена премия за лучшее исполнение женской роли.

Главную премию получил еще один фильм. Это болгарская картина «Черные ангелы» режиссера Вуло Радева по книге Милки Грыбчевой «Именем народа». Герои фильма — патриоты, борцы против нацистов и их прислужников во второй мировой войне.

Премия за лучшее исполнение мужской роли вручена артисту Матье Карьеру. Он играет в фильме «Дом Борие» (режиссер Жак Даниель Валькроз). Жюри поддержало творческие усилия молодого актера, который ищет в своем герое прежде всего психологическую, нравственную суть...

Международное жюри под председательством профессора Броусила (ЧССР) вручило две премии: ленте «Зеленая стена» (Перу) режиссера Армандо Роблеса Годоя и бразильскому фильму «Хозяева земли» (режиссер Пауло Тьяго). Обе картины, безусловно, интересны, но режиссер из Перу Армандо Роблес Годой поистине стал всеобщим любимцем фестиваля, показав нелегкое существование молодой семьи, самоотверженно осваивающей земли джунглей. Гибнет от укуса змеи их сын, маленький Ромуло. Отныне еще труднее станет для молодых супругов борьба с джунглями. Но где жизнь — там и трудности. Фильм призывает к мужеству, показывает силу человека. В этом большая ценность картины.

Участники XVII фестиваля в Карловых Варах привезут домой самые различные награды и премии, но, конечно, они достались не всем. Однако, гостеприимные хозяева фестиваля обнадеживающе говорят: «Впереди ведь фестиваль XVIII. Ждем вас. Приезжайте».

Карловы Вары.

На снимке: председатель жюри кинофестиваля Карел Земан вручает приз Наташе Белохвостиковой.

Фото ЧТК — ТАСС.

ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ

К 125-летию со дня рождения Абая Кунанбаева

Владимир ДРОБЫШЕВ

Еще в начале прошлого века южные земли Зауралья были так же малоизвестны европейцам и почти так же таинственны, как загадочная Джунгария и экзотический, замкнувшийся в самоизоляции Китай, хранимый трудными верстами пути к нему. Многочисленные народы, населяющие здешние земли, знакомы были образованному обществу России под общим довольно смутным и неясным названием кара-казаков (кайсаков) или киргиз-кайсаков. Могучий Державин именно туда, в киргиз-кайсацкие степи, упрятал добродетель, сию «розу без шипов», ибо так и не мог увидеть ее где-нибудь поближе...

А между тем народы, там живущие, имели свою немалую историю, сохраняемую в преданиях, имели свой сложившийся характер, свой облик. И хотя знания их о европейцах вряд ли были многим больше, но свою историю знали они вглубь вплоть до XIV века...

Однако положение менялось: Россия все больше продвигалась в сердце Азии, все больше и больше узнавала о своих соседях. В то время жил на приграничных землях обширной, растущей Российской империи маленький царек, глава кочевого рода Тобыкты. Звали царька Кунанбаем. Властный и жестокий, как все феодалы, Кунанбай умело и ловко правил своими соплеменниками. Где лестью, а где и силой держал он в страхе и покорности свой род, преумножая табуны и богатства свои. Разумеется, Кунанбай нажил много врагов среди своих соперников, таких же, как он, баев. Больше он ничем не отличался от подобных себе царьков. Быть может, и забыли бы его казахи, если бы не событие, на первый взгляд самое обыкновенное. 10 августа 1845 года среди голубых гор Чингиз-тоо в богатой юрте царька родился мальчик, которого мулла нарек Ибрагимом. Но у него было и еще одно имя — имя, ставшее гордостью рода Тобыкты и славой всего казахского народа. Наследника Кунанбая звали Абай.

Вольный степной казах был безрелигиозен и поэзию, хорошую народную песню ценил выше любых догматов веры. Ульгенчи, поющие старые, чужие песни, и акыны — певцы-импровизаторы были среди казахов самыми почетными и желанными людьми.

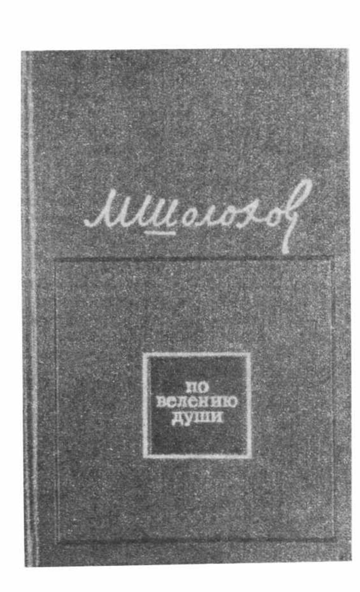
Чтобы послушать хорошего певца, казах не прочь был проскакать на своем коне хоть какое расстояние. И не будет преувеличением сказать, что поэзия — в крови казахского народа. Вся история, весь быт, вся кочевая жизнь его были насыщены поэзией до предела. И нет ничего удивительного, что десятилетний Абай, когда отец отдал его в медресе муллы Ахмет-Ризы в Семипалатинске, уже отлично знал устную поэзию казахов. Здесь мальчик изучал арабский и персидский языки, узнал классическую восточную поэзию. Не суры Корана, а творения Фирдоуси, Навои, Низами, Авиценны и других просветителей Востока формировали его мировоззрение. Здесь же, в Семипалатинске, по своей воле стал Абай посещать и русскую школу. Но отцу мальчика нужен был преемник его дела, а не знаток поэзии. Так через три года Абай снова оказывается в родном аиле, среди бескрайних степей, где под печальные напевы пасли стада его соплеменники. Кунанбай, державший власть во всем уезде, отнимал земли у целых родов, брал взятки, вершил неправедный суд. Этому он хотел научить и своего сына. Но душа юноши не могла примириться с отцовской волей: слишком много он узнал за три года учения.

Еще в медресе стал писать Абай стихи, но талант его расправил крылья в зрелые годы. Лишь после 30 лет Абай усиленно занялся поэзией. К тому времени сам он был уже главой рода, побывал еще раз в Семипалатинске, где подружился с русскими ссыльными и через них познакомился с лучшими образцами русской литературы: с произведениями Пушкина и Лермонтова, Крылова, Толстого, Щедрина и Белинского. В русских переводах читал он и мировую классику — Гете и Байрона, Сократа, Аристотеля и Платона. Впоследствии, на закате жизни, он писал в «Назиданиях»: «Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно. Надеяться на то, что проживешь только хитростью, значит быть жертвой невежества... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче... Узнавай у русских доброе,

---

ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

Ю. ВЕРЧЕНКО

В июне 1967 года в станицу Вешенскую приехала большая группа молодых прозаиков и поэтов из социалистических стран, молодых советских литераторов. Как шутили тогда, по количеству писателей на душу населения Вешенская занимала в те дни первое место в Советском Союзе и мире. И вот здесь — в доме Михаила Александровича Шолохова и на берегу тихого Дона — проходили заседания «Писательского университета», по выражению Вадима Кожевникова, возглавлявшего эту поездку. Вспоминается тот горячий обмен мнениями, когда схлестывались порою разные точки зрения на то или иное литературное произведение, развертывалась дискуссия о судьбе романа — и всегда в завершение неторопливые, емкие и афористичные слова Михаила Александровича, которыми он как бы подводил итог обсуждения той или иной проблемы. Думая сообща с молодыми своими коллегами о роли современной литературы, ее месте в жизни, о долге и ответственности писателя перед своим народом, М. А. Шолохов звал молодых писателей следовать лучшим традициям нашей советской литературы, быть боевыми и наступательными в борьбе с буржуазной идеологией, всегда быть верными интересам партии, интересам народа.

Вспоминается, в частности, разговор о праве писателя на ошибку.

— Мне кажется,— говорил Михаил Александрович,— нам, писателям, независимо от ранга, от возраста, нельзя ставить себя в привилегированное положение. Насчет «свободы ошибок»: хорошо ошибаться колхозному бригадиру, его поправит председатель. Это ошибка локального характера, ошибка, которая не принесет вреда другим. Писатель, ошибающийся в своем печатном произведении, заставит ошибаться тысячи читателей. Вот в чем опасность нашей профессии. Свобода духа, свобода творчества — это хорошо с одной стороны. Но, ради бога, давайте аккуратней насчет ошибок. Каждого из нас читают, у каждого из нас если не «глобальный читатель», как кто-то здесь выразился, то определенно — тысячи внимательнейших и придирчивых читателей...

Год тому назад издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» начало выпускать серию публицистических произведений советских писателей-классиков, адресованную сегодняшнему молодому поколению. Первая книга — «Литература и время» Л. Леонова вышла в прошлом году. И вот перед нами вторая книга — сборник М. А. Шолохова «По велению души» (составитель Ю. Б. Лукин). Она продолжает серьезный, вдумчивый разговор о жизни, о партийности и гражданственности советского писателя. И, конечно, интересна и поучительна не только для молодого читателя; разошлась же она в книжных магазинах буквально молниеносно.

В книге собраны основные публицистические выступления Шолохова в печати, по радио, выступления устные. И все они — очерк «По правобережью Дона» (1931) и гневная статья в «Правде» о падеже совхозного скота (1932), или же статья «За честную работу писателя и критика» (1934), и знаменитая «Наука ненависти», написанная в трудную пору первой годовщины Великой Отечественной войны, и отклики на события в Испании, Корее, Вьетнаме, и десятки, десятки других выступлений и статей, составивших данную книгу,— всегда выступления остроактуальные, четко выражают отношение советского человека, советского писателя к тем или иным событиям и фактам.

М. Шолохов зримо в книге не присутствует. И в то же время он тут, не где-то рядом, а прямо перед читателем, с открытым взглядом, со своим, только ему присущим шолоховским юмором, с горячим сердцем убежденного коммуниста-борца, верного сына партии и своего народа. Все материалы в сборнике — речи и выступления на съездах КПСС, на съездах колхозников, писателей,

узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения». Абай не только говорил, советовал. Он многое сделал для того, чтобы народ его узнал культуру русских. Благодаря ему стихи Пушкина и Лермонтова стали известны казахской степи. А было это трудно: до самой революции процент грамотных казахов был ничтожен — лишь двое из сотни человек могли читать. Но для песни нужно лишь сердце и желание слушать. Абай стал перекладывать на музыку не только свои стихи, но и переводы из русской поэзии. «Мысль, как птица, стремится ввысь,— говорил он,— и тень ее—мелодия». Сегодня трудно даже представить себе, какое впечатление произвело «Письмо Татьяны», переведенное Абаем и положенное им на музыку. Светлое, чистое, сильное и прекрасное чувство, переданное поэтом, нашло отзвук в сердцах казахов. Вскоре «Письмо Татьяны» вытеснило из обихода даже традиционную песню, исполнявшуюся в свадебных обрядах. Так песня стала главным помощником Абая в распространении культуры среди своего народа. Поэт внимательно вслушивался в русскую песню, искал в ней новые ритмы и чувства. Он перевел на казахский язык «Горные вершины» Лермонтова и сочинил к стиху мелодию, перевел текст романса Рубинштейна «Я видел березку...». Стихи самого Абая также становились песнями и получили всенародное распространение. Ульгенчи распевали в аилах на мотивы популярных казахских песен даже некоторые басни Крылова, переведенные Абаем. Именно под влиянием творчества Абая сформировался новый тип сказителя, знающего не только фольклор, но и образцы классической русской и мировой литературы. Эти «неграмотно-образованные» сказители были настоящими проводниками культуры, борцами за нового человека. Они же сохранили и произведения самого Абая, ибо первые стихи его были опубликованы только в 1889—1890 годах на страницах «Дала Уалаяты» («Степная киргизская газета»), издававшейся в Омске. Первый же сборник стихотворений поэта вышел лишь через пять лет после его смерти, в 1909 году, в Санкт-Петербурге. Но казахи говорили: «Абай вечно с народом». Его философский трактат «Назидания» многие знали наизусть. Вечером у костра любили старики толковать те или иные изречения Абая, открывать в них глубинный смысл, которому надлежит следовать в жизни.

Абай считал ценным в творчестве практическую необходимость. Первая заповедь «Назиданий» гласила: «Если найдется человек, который увидит здесь нужное для него слово, то пусть выпишет слово и превратит его в дело, если же никому не нужны мои слова, то пусть они останутся словами». Народу Абая были очень нужны его слова. Они были основой дела — дела просвещения, дела сплочения угнетенных. Тематика, содержание, выразительность и реалистичность образов стихотворений Абая были созвучны сердцу даже самого простого и невежественного пастуха. Знатоки же поэзии находили в них новизну формы (Абай ввел более десятка стихотворных размеров в казахскую поэзию), восхищались оригинальностью мелодий его песен. Но самое главное, за что почитали соотечественники своего поэта, хорошо выразил Мухтар Ауэзов, автор широко известных романов «Абай» и «Путь Абая»: «Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет солнце». За утверждение жизни, за оптимизм, за веру в торжество справедливости, за бескорыстное служение своему народу — за все это народ признал Абая верным своим сыном, защитником своим и выразителем народной души.

Некоторые пытались изобразить Абая ограниченным националистом или апологетом казахского феодализма. Но это были тщетные попытки. Абай хорошо понимал, что присоединение Казахстана к России, завершившееся при его жизни, в 60-х годах прошлого века, имело огромное значение. Великий поэт был чужд национальной ограниченности, воспевал идеи братства всех народов. В его аиле находили приют и бежавшие из Сибири на родину кавказцы, сосланные царским правительством за революционную деятельность, и спасавшаяся от преследования властей татарская молодежь. Вера в будущее — огонь, горевший в груди Абая. Он писал:

Настанет время, узел лжи разрубит меч,
Падет пустая голова с надменных плеч.
Настигнет нечестивцев месть, от кары не уйдут,
Возмездие придет, свершится правый суд.

И, веря в это, Абай настойчиво призывал молодежь посвятить жизнь свою служению народу. В стихотворениях «Пылает юности огонь...», «Пока не знаешь — помолчи» и многих других он говорит о долге гражданина, о нормах поведения человека, призывая народ трудиться для всех («Ты работай для блага земных племен»). Абай был глубоко современным поэтом. Всего две-три поэмы его — о прошлом, но и они дышат заботами и печалями того времени, когда их писал поэт. Да иначе и не могло быть. Воспевая труд, красоту его, Абай был непримирим к угнетателям народа. В стихотворениях «О, казахи мои!», «Джигиты, дорог смех...», «Бесчестный зверя жадней...», «Вот я волостным стал...», «Управитель начальству рад...» поэт острие своего сарказма направляет против баев, против религиозного фанатизма, каждой строкой стихов призывая народ задуматься над печальной судьбой своей, стремясь раскрыть труженику глаза.

Он понимал трагедию человека, обогнавшего свой век, ибо опередивший время всегда рискует оказаться в одиночестве, даже если у него есть друзья и последователи. Потому так тянулся поэт к молодежи, называя время, проведенное в беседах с юношами, лучшими минутами своей жизни.

«Народная память, взыскательная и суровая, надолго сохраняет для потомства имена тех отдельных людей, чья деятельность была направлена к его благу, чье сердце билось для его счастья, а ум работал для усовершенствования жизни современников»,— писал о великом казахском поэте Леонид Соболев. Стихи поэта, оригинального и самобытного, стали сегодня известны не только казахскому народу. Глубоко национальный поэт, «человек-маяк своего народа», по меткому замечанию Леонида Леонова, стал поэтом, которого чтут далеко за пределами его родной земли.

У всех народов есть имена, ставшие подлинным символом национальной души. Таков наш Пушкин. Таков Абай у казахов. Абай Кунанбаев жил и творил в исторически переломное время для казахского народа. Гуманист-просветитель, жизнелюб, поэт, музыкант и талантливый композитор, философ и справедливый судья — Абай стал настоящей энциклопедией жизни казахов, первым классиком письменной казахской литературы. Стихи его, песни, им сочиненные, стали народными в полнейшем смысле этого слова. Их и сегодня знают, любят, поют среди бескрайних просторов Казахстана. Хорошо известно имя Абая и всем другим народам нашей многонациональной Отчизны.

на встречах с трудящимися, письма и телеграммы, статьи и очерки — звучат живым шолоховским голосом, отмечены пристальным вниманием к человеку, глубокими психологическими наблюдениями.

Читатель ощущает событие, как бы происходящее сейчас, в эту минуту, невольно становится его участником, вместе с автором переживает и болеет за него. Эмоциональное воздействие на читателя этого ощущения реальности и действительности происходящих событий трудно переоценить.

Сборник с особой силой, по-новому раскрывает великую страстную силу шолоховского слова. Актуальность затрагиваемых автором проблем наполнена духом молодости, боевитости, ощущение которых не покидает читателя до последней страницы книги. И вовсе не в шутку воспринимается шутливая подпись М. А. Шолохова в телеграмме издательству «Молодая гвардия»: «...Ваш туго стареющий молодогвардеец».

Молодость писателя в его беззаветной преданности делу партии, в высокой гражданственности его литературного творчества, в стремлении всегда и везде быть в первых рядах борцов за дело партии.

«По велению души» М. Шолохова не только и не просто сборник материалов, раскрывающий литературную и общественно-политическую деятельность писателя. Биография М. Шолохова является ярким образцом жизни целого поколения советских людей, отдавших и отдающих свое сердце, свой ум и талант общепролетарскому делу, верному служению своему народу. Именно в этом особая притягательная сила книги, ее значение в идейно-политическом воспитании молодежи.

Так было в грозные годы военных испытаний, в годы хозяйственного строительства, так было и остается в борьбе за утверждение нового, в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии.

«Все мы — сыны нашей великой Коммунистической партии... Партия, родная наша мать, ты нас вырастила, ты нас закалила, ты ведешь нас в жизни по единственно верному пути»,— говорит писатель.

Высокая партийность, идейная убежденность, принципиальность, безраздельная преданность делу ленинской партии, любовь к Родине, вера в рабочий класс, в свой народ, непримиримая ненависть к врагам Советской власти, высокие чувства пролетарского интернационализма — вот те качества советского человека, которые раскрывает книга на живом примере публицистического творчества М. А. Шолохова.

М. Шолохов любит молодежь, верит в нее как в продолжателя великого дела Ленина, Коммунистической партии.

Дело отцов, старшего поколения предстоит продолжить и развивать дальше нашей молодежи. Комсомол, славная советская молодежь являются верными помощниками партии во всех ее делах и свершениях. Советских юношей и девушек отличает беззаветная преданность делу ленинской Коммунистической партии, чувство патриотизма и пролетарского интернационализма, любовь к Родине и своему народу.

М. А. Шолохов твердо и последовательно утверждает в своем творчестве принцип социалистического реализма, непоколебимо стоит на ленинских позициях партийности литературы и страстно отстаивает эти принципы на протяжении всей своей жизни.

Выступая в Шведской королевской академии, Михаил Александрович говорил: «Многие модные течения в искусстве отвергают реализм, исходя из того, что он будто бы отслужил свое. Не боясь упреков в консерватизме, заявляю, что придерживаюсь противоположных взглядов, будучи убежденным приверженцем реалистического искусства... Я говорю о реализме, несущем в себе идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем социалистическим. Его своеобразие в том, что он выражает мировоззрение, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им пути борьбы».

М. Шолохов — страстный непримиримый боец против буржуазной идеологии. С большой силой непоколебимой убежденности и верности делу социализма он говорил на II съезде писателей: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Выступая на XXIII съезде КПСС, писатель-коммунист М. А. Шолохов говорил:

«Место писателя в общественной жизни мы, советские литераторы, определяем как коммунисты, как сыновья нашей великой родины, как граждане страны, строящей коммунистическое общество, как выразители революционно-гуманистических взглядов партии, народа, советского человека».

Писатель с мировым именем, крупный общественно-политический деятель, М. Шолохов всю свою сознательную жизнь, талант непревзойденного мастера художественного слова отдает партии полностью и безраздельно; вместе с партией растет и закаляется; как коммунист и гражданин «по велению души» он всегда на переднем крае борьбы за претворение в жизнь политики партии, за честь и славу своей великой Родины.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

НУЖНА ЛЮДЯМ

Талант не удовольствие, талант — это тяжелая обязанность. За врученный вам талант отвечаете перед Россией.
Нестеров.

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Русский пейзаж... Он возвестил о своем рождении сто лет тому назад — весенним криком саврасовских грачей.

Сто лет. Как много замечательных художников внесли за эти годы свою лепту в живописную песню о Родине!

«Нам непременно нужно двинуться к свету, краскам и воздуху,— писал в 1874 году Крамской,— но... как сделать, чтобы не растерять по дороге драгоценнейшее качество художника — сердце?»

И лучшие русские пейзажисты сочетали блистательное мастерство с высокой духовностью.

Истинно русские, песенные полотна Саврасова. Лирические поэмы кисти Левитана. Чистые, нежные краски Древней Руси Нестерова. Жизнелюбивые, полнокровные полотна Юона, Рылова, Грабаря, Кончаловского, Сергея Герасимова... Строгие ритмы, силуэты нового в пейзажах Дейнеки, Нисского, Пименова.

Бесконечно сложно сказать новое слово в искусстве, найти свой язык в живописи. Особо трудно это сделать в пейзаже.

Среди наших современников есть мастер, сказавший новое слово и открывший новую красоту в русском пейзаже.

Николай Ромадин. Его полотна на первый взгляд традиционны. Они исполнены в духе лучших заветов московской школы живописи. Но чем дольше всматриваешься в картины художника, тем все более постигаешь особенный ромадинский почерк. Проникаешься ощущением неповторимого, единственного, тончайше найденного состояния природы. Живописец своими холстами решает задачу, поставленную Саврасовым:

«По пейзажу должно суметь даже час дня определить, только тогда пейзаж может считаться настоящим!»

У Ромадина предельно выражены месяц, день и час, когда острый глаз, верная рука и горячее сердце живописца открыли еще одно чудо творения природы.

И мы видим уже не холст, не придуманный сюжет, а постигаем жизнь во всей ее тонкости и силе. Мы верим художнику. Мы мучительно вспоминаем страницы своей жизни. Мы горюем и радуемся вместе с живописцем. В нашей памяти встают светлые зори юности, картины плодоносной осени, нам зябко от холодных зимних ночей... Мы уходим с выставки Ромадина, потрясенные ощущением какого-то колдовства, словно бы пережили путешествие по России, глубоко почувствовав свою сопричастность Отчизне.

Неотразимы чары художника, способные заставить затормошенного городского жителя в одночасье перенестись к суровым берегам Белого моря, побродить бессонными белыми ночами в Заонежье, послушать шум сосен в древнем бору Керженца, вдохнуть аромат ранней весны на Удомле, полюбоваться тихой красой реки Царевны... Заставить дрогнуть дремлющие лирические струны сердца. Разбудить поэзию, которая таится почти в каждой душе.

В этом магическая сила пейзажей Ромадина. Ибо в них звучит сама душа живописца — чуткая, трепетная, сложная.

Паустовский сказал: «Его полотна — поэма о России. У Ромадина много общего с Есениным, и, подобно Есенину, он может с полным основанием сказать: «И буду славить я всем существом в поэте шестую часть земли с названьем кратким — Русь».

МАСТЕРСКАЯ НА МАСЛОВКЕ

Высоко. Одиннадцатый этаж. В большой мастерской тихо. Шум города почти не слышен. Ровный, мягкий свет.

Ромадин. Небольшого роста, кряжистый. Очень быстрый. В его походке есть особая легкость, которая приходит после многих, многих сотен исхоженных верст. Его скуластое смуглое лицо открыто. Под крутым лбом — острые светлые глаза, настороженные, внимательные.

— Калечат, калечат природу. Горят леса,— горько произносит художник, и взгляд его становится злым, цепким, будто я поджег лес...

И вдруг он улыбнулся. Улыбка ясная, солнечная. Только глаза с натеками век остаются строги.

В нем что-то от лесника, бывалого, видавшего всякие виды и потому доброго, сердечного, хотя и не без язвительности. Он один из тех людей, которых на мякине не проведешь. Все повидал и испытал. Знает, почем фунт лиха...

Его сильные, хваткие руки все время чем-то заняты: то подсыпают рыбкам корм в аквариум, то чистят черенок длинной колонковой кисти, то перекладывают большие монографии — Ван-Гог, Делакруа, Ренуар, Гоген, Александр Иванов, Венецианов.

— У меня есть первое издание Пушкина и первое издание Гоголя. Вот так...— И снова быстрой походкой перебегает мастерскую и усаживается на узкую тахту.

Ромадин скуп на слова. Его трудно разговорить. Он все чего-то ждет, и ты чувствуешь на себе его острый взгляд.

— Родился в глубинке, в Самаре, в 1903 году. Скоро семьдесят. Отец — железнодорожник. В детстве много разъезжали. Повидал пустынные края — Мерв, Кушку... Азия. Пески. Жара. Может быть, потому особенно любы мне наши края — ласковые реки, зеленые луга, леса.

Вдруг замолк, на миг погасли глаза. Задумался.

Тихо. Тихо. Холодный свет скользит по стенам. Бесчисленные этюды — пейзажи. Шкафы с книгами. В углу улыбается загадочно «Вакх» Коненкова. Рядом сверкает «Купава» Врубеля. Бронзовая группа Паоло Трубецкого. Подлинники.

— Отец мой писал маслом. Самоучкой. Всякие пейзажи от себя и копии. В комнатах вкусно пахло маслом, лаком. Я обычно стоял позади, и он мне казался небесным существом. А он вдруг возьмет и, не оглядываясь, мазнет кисточкой прямо по носу. И спустит меня мигом на землю.

Ромадин беззвучно смеется, и морщинки разглаживаются на лбу и собираются у глаз.

— Я был как все мальчишки. Дни летом торчал на Волге. Рыбачили. Купался. Чуть стал постарше — бегал с ребятами на Афон. Там ходили стенка на стенку. Приходил домой с фонарями... Вдруг все изменилось. Отец попал в катастрофу, и мы сразу обнищали. В одиннадцать лет начал продавать газеты. 1914 год. Война. Было что выкрикивать. Событий хватало.

Вдруг Николай Михайлович вскакивает и убирает большие картоны с кожаного стеганого старинного дивана. Этот коричневый большой диван мне кажется безумно знакомым.

— Узнаешь? — говорит Ромадин, лукаво усмехаясь.— Это диван из зала Ван-Гога — Музея нового западного искусства, который мы в одно время прихлопнули. Дело прошлое, а зря.

И тут я вспомнил, как мы с Володей Переяславцем, молодые и вечно голодные, как черти, студентами часами сидели и любовались Ван-Гогом. Давно это было...

— Купил его в комиссионном, вскоре после закрытия музея.

Он берет меня под локоть своей небольшой энергичной рукой и ведет к дивану.

— Кем только я не был! — продолжает Ромадин.— Газетчиком, булочником, переплетчиком, а потом ушел в 1919 году добровольцем воевать... Были у меня два брата двоюродные — Шурка и Ваня. Они

Н. Ромадин, ГРОЗА.

В РОДНЫХ МЕСТАХ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА.

Н. Ромадин. ВЕСНА. ИЗ СЕРИИ «ВРЕМЕНА ГОДА».

Н. Ромадин. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ.

КРАСНЫЙ ИНТЕРЬЕР.

потом ушли к Чапаеву. Ваню беляки зарубили. Хороший был парень. Научил меня на гармошке играть.

Ромадин пружинисто вскакивает и через мгновение играет на губной гармошке что-то печальное, неспешное. Самарские переборы. Вздыхает гармошка.

— Да, жалко Ванюшу. А ведь сколько их тогда было порубано.

УЧИТЕЛЬ

Весьма примечательно, что Ромадин, пройдя, как, впрочем, многие его сверстники, школу ВХУТЕМАСа, после окончания его нашел нужным заняться серьезным изучением творчества Александра Иванова, копированием его работ. Таким образом, художник на первых порах приобщился к высокой живописи. Кстати, эти копии привлекли внимание и весьма расположили к молодому мастеру Павла Дмитриевича Корина, который с тех пор становится его старшим другом и советчиком.

Именно Корин познакомит Ромадина с великим Нестеровым — одним из последних могикан русской классики.

Вот как вспоминает о первой встрече с Нестеровым Ромадин: — У меня была открыта в 1940 году персональная выставка на Кузнецком мосту. Корин под великим секретом объявил, что сегодня ее посетит Нестеров, который очень редко когда появляется в многолюдстве. Но... секрет как-то узнали многие, и когда в зале появился похожий на послушника, весь в черном, в сапожках, Корин, чтобы предупредить меня о приходе Михаила Васильевича, зал был полон народу.

Я увидел Нестерова. Сухой, подтянутый, он снял кашне резким жестом и отдал швейцару. Блеснуло пенсне, я увидел жесткое лицо аскета и мудреца.

Он обошел с Кориным выставку, внимательно рассматривая каждую работу. Я шел сторонкой, прислушиваясь. Но Нестеров молчал. Потом вдруг сказал:

«Павел Дмитриевич, пройдемте еще раз».

Пошли... и опять Михаил Васильевич вполголоса, как бы про себя, произнес: «Впечатление не ослабевает».

Он познакомился со мной поближе и пригласил к себе. С трепетом я вошел в маленькую квартирку на Сивцевом Вражке, служившую ему одновременно и мастерской. Более чем скромно обставленная, всего две маленькие комнаты.

Никогда не забуду его слов, сказанных при этой встрече: «Отправляйтесь от натуры, ваш труд будет ценнее, ваша вера крепче, и живопись будет добротнее...»

Теперь я знаю, что после встречи со мной он сказал искусствоведу Дурылину: «Талант есть, только бы хватило характеру...»

Ромадин задумывается, что-то мучительно вспоминая... Наконец быстро встает и исчезает.

Столь же внезапно он появился. В руках у него несколько открыток — старых, пожелтевших, исписанных четким, твердым почерком.

— Вот письма ко мне Нестерова. Неопубликованные. Берег. Не давал никому.

Я обомлел... В руках у меня обыкновенные копеечные почтовые открытки. Почерк на редкость четкий, твердый. Гляжу — дата 1942 год, год смерти Нестерова, когда ему было уже восемьдесят лет... Воля, несгибаемый характер светились в этом почерке.

Вот эти письма:

«30 июня 1942 года.

Дорогой Николай Михайлович!

Письмо Ваше от 9 мая получил на днях... Ваша энергия в работе меня радует. Что же касается участия на выставках, то я их никогда не любил особо и без крайней необходимости участия в них не принимал. Но это дело вкуса, и советовать тут что-либо я Вам не буду. Главное не сидеть сложа руки, работать во всю силу и совершенно добросовестно перед собой... Мы здоровы, продолжаем оставаться в том же неясном положении, я больше лежу, скоро устаю. Словом, мои 80 лет сейчас мне не радость...

Юбилейные торжества окончились, много было шума, и все это меня изрядно утомило. Здесь сейчас чередуются выставки, но так как я сейчас из дома не выхожу и их не вижу, то и говорить о них не стоит. «Шумит» Петр Петрович[1], он человек талантливый, искусство любит!

Наш привет просим передать Нине Герасимовне. Желаю Вам доброго здоровья и благополучия.

Мих. Нестеров».

«Дорогой Николай Михайлович!

Сердечно благодарю за поздравления и пожелания. Минувшие дни прошли шумно. Я все еще лежу в постели, писать трудно, и Вы извините меня за краткость письма: — устаю.

Наш привет просим передать Нине Герасимовне.

Жму Вашу руку

Мих. Нестеров.

12 июля 1942 г.
Москва».

«Дорогой Николай Михайлович!

Благодарю Вас, Нину Герасимовну, Ксению Георгиевну и Кирилла Держинских за добрую память, за «тост»... за любовь... благодарю за все.

Радуюсь, что Вам живется «ничего себе» там у себя «в беседке» (о ней уже не раз упоминалось в письмах).

Мы живем по-старому, надеждами на скорое улучшение наших дел, а пока я полеживаю, похварываю и только.

Работаете ли Вы? Пожалуйста, работайте не покладая рук: в этом наше — «все»... наше спасение.

Будьте здоровы и благополучны. Мои Вам все шлют свой привет. Я жму Вашу руку.

Мих. Нестеров.

25 июля 1942 г.».

Я прочел эти драгоценные строки.

Благородный, твердый, немного суровый встает образ учителя... Непреклонный, прямой до конца. Ведь последняя открытка написана за три месяца до смерти...

— Нестеров для меня был все,— промолвил Ромадин,— и отец и учитель. Его слова были законом, его жизнь — примером служения искусству. Навсегда я запомнил слова, которые сказал он глубоким вечером перед моим отъездом из Москвы. Это была последняя встреча с Нестеровым. В квартире не топлено. Учитель сидел, укутавшись в плед... «Талант — не удовольствие,— сказал он мне.— Талант — это тяжелая обязанность. За врученный вам талант отвечаете перед Россией».

НА УЛИЦЕ РЕПИНА

Киев. Конец июля 1970 года. Сегодня на улице Репина в Русском музее открывается выставка живописи Ромадина.

Часы перед вернисажем... Мерцает янтарный паркет. Пустынно. Принесли огромные букеты роз— белых, палевых, алых. Расставляют в вазах по залам. Розы отражаются в зеркале паркета.

— Сам-то наконец ушел. Умаялся... Все дни все бегом, бегом, а ведь не двадцать лет.

В ответ — неясный шепот. Доброжелательный вздох. И снова тихо.

На стенах музея десятки пейзажей. До моего слуха явственно доносится тихая музыка природы — шум леса, пение ветра, щебет птиц... Пляшут блики солнца в стеклах растворенных окон. Зеленые ветви рябины горят тысячами рдяных звезд. Ликует, шумит летний Киев...

Бегут, бегут минуты. Залы безлюдны.

Появляется Ромадин. Лицо темное, усталое. Взгляд пристально, тревожно еще раз ощупывает каждое полотно. В руках простой карандаш. Он стремительно подходит к холсту и вмиг заделывает ему одному видимую точку — отлетела краска. Поправит мгновенно сбившуюся этикетку...

Он берет меня под руку и быстро подводит к маленькому полотну:

— «Село Хмелевка». Здесь пекли хлеба, растили хмель, варили брагу, готовили всякую снедь для Стеньки Разина и его ватаги. Вот там за бугром, в протоке Волги, ставил атаман свои струги подальше от глаз царевых слуг. Густой лес на берегах укрывал буйную братию.

Золотое солнце расцветило волжские просторы. Село прилепилось к берегу великой реки. Село как село. Но как по-новому заговорил этот незамысловатый пейзаж в лучах старого сказания!

— Много, много легенд таит в себе русская земля. И они звучат в именах озер, сел и рек.

«Река Царевна». Половодье. Любимая тема художника. Зеленая пойма. В тихих водах плавают сиреневые, розовые облака, пушистые купы цветущих верб. Пейзаж написан будто с птичьего полета. Полное впечатление, что и мы парим над зачарованным краем.

— Здесь плыл когда-то Петр Первый. Искал пригодный северный путь для флота. И вот именно тут его застигла весть о рождении дочери. На радостях царь повелел наименовать реку Царевной. Так гласит предание.

Мы летим над причудливо изрезанной островами поймой. Внизу одинокий рыбак. К небу тянется дымок костра. Еле дрожат ветки осин. Весна. Тишина...

Гулко звучат наши шаги по пустым залам.

«Розовый вечер». Зима. Скрипят полозья саней. Похрапывают косматые лошадки. Бегут по розовому сияющему снегу лиловые тени. На бледно-зеленом закатном небе румяная луна. Вечереет.

— А ведь розовый — как горит? — спрашивает Ромадин. И вдруг вынимает белый листок. Складывает его вчетверо. Обрывает один уголок. Потом, загадочно улыбаясь, разворачивает бумажку. Посреди листа — ровный кружок размером с ноготь. Художник, продолжая улыбаться, подносит его к холсту и прислоняет к пылающему розовому снегу.

И... о, чудо! В белом оконце — шероховатая масляная краска сизого, почти серого цвета.

— Ну как?— щурится Ромадин.

Я молчу. Много я слышал об опытах художника Крымова — великого мастера тона. Он любил показывать ученикам светосилу в своих картинах. Зажигал спичку и подносил ее к полотну, сравнивая силу света огня и светосилу живописи. Но это было...

А сейчас я увидел новый чисто ромадинский предметный урок — как сложен истинный цвет в станковой живописи. Как порою глубок тон даже в кажущихся ярких и светлых местах. Как неуловимо сложен цвет.

Я подчеркиваю слово станковой живописи в отличие от декоративной или монументальной живописи. Станковая живопись требует мастерства особого... Цвет такой картины не имеет ничего общего с локальной открытой краской. Колорит станковых полотен симфоничен. Он плод непрестанного труда и наблюдений... Правда, подобное искусство доступно не всем художникам, и в этой простой истине скрыто очень многое.

Близится час вернисажа. Ромадин волнуется, куда-то спешно уходит. Я снова остаюсь один.

«Художник Федотов». Зловещий кривой серп месяца заглядывает в темное полукружие окна. За маленьким мольбертом, согнувшись, сидит Федотов. Перед ним начатый холст. Далеко за полночь, догорает свеча, а он, позабыв про все, пишет, пишет... Огромная тень на стене повторяет движения руки мастера. Мерцающий, коптящий свет выхватил из мрака убогую постель, гипсовые пыльные антики, нехитрую утварь.

Неистовый Федотов пишет. Тишина. Из прихожей доносится храп верного Коршунова.

В этой нищете, хаосе и мраке рождается новая картина. Вопреки нужде, голоду, наступающей тьме... Правда, художник будет сломлен, его ждет безумие и смерть... Но вечно будут жить его творения. Таким мы видим его на картине Ромадина.

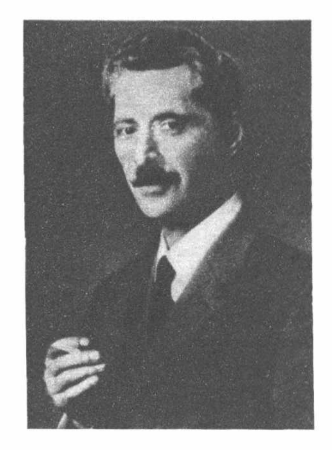
Станковая живопись... Александр Иванов, Федотов, Суриков, Серов, Левитан... Каких нечеловеческих усилий требует она порою от художни-

[1] П. П. Кончаловский.

Гарольд РЕГИСТАН

Из лирического дневника

Довидженья!

1

Над Белградом закат.
Тесный номер
Гостиницы «Славия».
По стеклу и бетону
Стекает закатная кровь.
Завтра утром — домой!
Не дождусь!
Ты прости, Югославия,
Что тоскою плачу
За твою доброту и любовь.

Ты прекрасна.
Ты вся
Из прозрачной лазури и сини.
Из мохнатых коричневых гор
И серебряных рек.
Я влюблен в твой народ,
По-славянски веселый и сильный,
Но по дому грущу.
Так устроен — увы — человек.

Я скучаю
По черному хлебу,
По крепкому чаю,
По друзьям и делам,
По березоньке белой в пути.
У меня ностальгия.
Я так о России скучаю,
Что меня
(Ты ведь тоже отчизна!)
Пойми и прости!

2

До свидания,
До встречи,
Сербо, друг мой синеокий.
Великан с улыбкой детской,
Дай-ка лапу —
Вот рука!
Я не раз в осенний вечер
О тебе в Москве далекой
Не одну друзьям легенду
Расскажу наверняка.

Например,
Представлю в лицах,
Как стоял ты, словно глыба,
На кипящем перекрестке,
Всем мешавший великан,
Там, где до сих пор хранится
След от каблука Принципа,
Отпечатанный в цементе
В назидание векам.

Ты стоял, с трагичным видом,
В след Принципа вставив ногу,
Руку, словно с пистолетом,
Грозно выкинув вперед.
«Вот эрцгерцог с пышной свитой
Выезжает на дорогу!..
Паф!.. Паф!.. Паф!..»
И... рассмеялся
Окруживший нас народ.

Смех на лицах у прохожих.
Что-то нам кричал подросток.
В сотый раз гудел автобус.
И шофер грозил в окно.
Мы с тобой смеялись тоже,
Отойдя от перекрестка.
А ведь знаешь, Сербо,
Это
Не особенно смешно.
Не смешно! А если где-то,
Скажем, в Западном Берлине,
Не в Берлине, так в пустыне
Прогремит тот выстрел вновь.
И рабочая планета,
Протестуя, руку вскинет.
Но в ответ рекою хлынет
Человеческая кровь!
И планета содрогнется...
Вспышки атомного взрыва
В нестерпимом, жгучем страхе,
Замирая, будет ждать.
Словно конь,
Что вдруг взовьется
На дыбы перед обрывом
И застынет на мгновенье,
Чтоб навеки прахом стать!

Ну, да хватит нам об этом.
В наши дни не так-то просто
Нож кровавый третьей бойни
Над землею занести.
Стал мудрей народ планеты.
И моя страна форпостом
Звездным
И ракетоносным
Твердо стала на пути.

Так давай же в час разлуки
Говорить о зорях ясных,
О форели, что под солнцем
Словно слитки серебра.
Пусть твои большие руки
Обнимают только счастье.
Не смотри печально, Сербо.
Сам грущу я.
Но пора!..

3

Пора. Прощай и ты, Сибина.
Хотя и рядом ты сейчас,
Уже не горы и долины,
А вечность разделяет нас.

Неповторимо все, что было.
Стою с повинной головой
За то, что ты меня любила
И видела, что я не твой.

И все-таки смеялись сосны.
Рассвет в лицо лазурь плескал.
И озорная речка Босна
Девчонкой прыгала со скал.

И все-таки ты вся лучилась
Любовью, песней и теплом.
Как хорошо, что не случилось
То, что случается потом.

И нам подарен был за это
День непрерывной красоты —
От солнцерыжего рассвета
До синезвездной темноты.

И вместе с днем ты вся менялась.
Ты каждый миг была иной.
На зорьке весело смеялась —
Подружка Босны озорной.

Была ты в полдень величава.
Себя торжественно несла,
Как эта гордая дубрава,
Что кроны к небу вознесла.

А вечером ты как-то сжалась.
Была тиха. Была добра.
Ведь к завершенью приближалась
Твоя печальная игра.

И кофточкою грела плечи.
Шептала, словно невзначай:

ка! Отдачи целиком без остатка, без компромиссов. Но зато какое истинное счастье, какое полное удовлетворение дарит она творцу!

...«Умба река». Свинцовая, синяя, злая. Белопенная. Она ярится не зря. Трудно преодолеть пороги на пути к Белому морю. А море рядом. Ревет река, ворочает огромные валуны, грохочут камни. Ветер гнет ель, срывает клочья пены с гребней волн. На берегу село Умба. На высоком крутояре сосновый лес.

— Дикие места,— произносит в один миг подошедший Ромадин. — Медведей полно, а волков вот нет.

«Лесное озеро». Седые лапы елей раскинулись над темным стеклом воды. Густое зеленое кружево дремучего леса манит побродить по чаще, послушать шепот берендеева бора.

— Какого здесь зверья только нет! Из них рысь самая опасная. Не считая Топтыгина... А посмотри, какие ели разные. Как горит рябинка. В подлеске — липка, ольха. Когда писал этюд, надо мною все носилась белка. Дразнила, что-то цокала.

Многие большие русские живописцы писали бор... Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Нестеров, Шишкин. Каждый по-своему... И у Ромадина свой особенный язык. Никто, как он, не умеет, сохраняя лирическое состояние, превосходно чувствуя живописную среду, так ювелирно писать интимные детали, столь характерные для природы России. Посмотрите на золотой дождь листьев, на огоньки куста рябины, на колючую хвою елей.

Мы продолжаем свой путь по залам.

«У сельсовета». Ночь. Пепельный лунный свет растворил синюю темень. У заснеженной избы сельсовета двое розвальней. Понурые лошади замерзли. Им давно пора быть в теплом стойле. Но хозяева заседают. Видно, у них дела неотложные. Горят бледно-желтые окна. Поскрипывает снег под копытами коней... Переливаются, мерцают звезды в ночном небе. Тихо.

— Видишь, вон звезда упала. Это Вечность...— промолвил Ромадин.

— Разные бывают состояния у человека и у природы тоже. Вот одна из моих любимых картин.

Лицо его, безмерно усталое, становится добрым, мелкие морщины на лбу вдруг разглаживаются.

«Весенний воздух». Керженец. Половодье. Залило лес. У маленького острова бортник, долбленный из осины. На нем приплыл художник. Вот он сидит под огромным зонтом и старательно пишет. В картине разлита неописуемая благодать. Влажный воздух трепещет в лучах весеннего солнца.

— Какое счастье бродить по России, видеть прекрасный мир. Работать, писать и пытаться донести эту красоту людям... Правда, не все принимают это. Вот на днях мне сказал один деятель: «Нет у вас тематики, товарищ Ромадин». Ну, что ж поделаешь...

Тут глаза мастера, светлые, острые, стали печальными. Глубокие морщины собрались у переносья. Видно, не первый раз он слышал такие вот речи.

Наконец долгожданный час наступил. Сотни людей собрались на открытие.

Председатель Союза художников Украины Василий Бородай сказал:
— Мы ждали с великим нетерпением эту минуту. Наш цветущий Киев приветствует вас, замечательного русского народного художника. Мы благодарим вас за то, что вы нам подарили чудесное путешествие по России... От всего сердца большое вам за это спасибо.

Горячие аплодисменты были ответом на эти слова.

Ромадин, смущенный, побледневший, стоял, крепко сжав пальцы. В его серых глазах блестели слезы. Художник был счастлив.

ЭРОЗИИ...

Ромадин — станковист. Это весьма ординарное в недавнем прошлом качество ныне обретает новое существенное звучание.

Дело в том, что сегодня у некоторых художников утрачен вкус к

— Довидженья!
До новой встречи!
А было в голосе:
— Прощай!

Прощай. Прости меня, Сибина,
Хоть я и знаю, что, любя,
Прощает женщина мужчину
Не для него,
А для себя.
Ведь он уйдет и позабудет
Один случайный день в пути,
А женщина до смерти будет
Его в душе своей нести.
Останется лишь только в песне
Твоя печальная игра.
Ты видишь — в ней мы снова
вместе.

Так не тоскуй!
— Пора?!
— Пора!

4

Память, стой!
А как же брошу
Одинокую могилу,
Что над пашней деревенской
Возвышается вдали?!
Там лежит
Солдат хороший,
Человек простой и милый,
Друг мой,
Радуле Стийенский,
Честный сын
Своей земли.
На тебя
С тоской и болью
Смотрят горы-исполины.
Только в их объятьях вечных
Смог покой ты обрести.
Ох, и горькая на долю
Выпала тебе судьбина:
Восемнадцать бесконечных
Лет
В разлуке провести!

Над тобою
Дуб могучий
Ветви долу клонит ночью.
Плачет маленькая птаха
С грудкой
Алой, как восток.
Ты влюблен был в эти кручи
И в дымок над крышей отчей.
Грустно мне,
Что только прахом,
Ты в родную землю лег.

К скалам
Хаты жмутся робко.
Люди встали ранней ранью.
Но не пахнет хлебом сытно
Воздух над селом певца.
Камни острые на тропке
Сквозь ботинки ноги ранят...
Вот и домик глинобитный
Без дверей и без крыльца.
Пол из глины.
Посредине
Круг — очаг из камня сложен.
В потолке дыра пробита.
Смотрит небо в дымоход.
Занавеска из сатина.
А за ней
Из досок ложе.
На кольце висит корыто.
Внук твой
Соску в нем сосет...

Спи, поэт.
Пусть пухом будут
Для тебя родные камни.
Пусть растут в народе смело
Песни,
Что посеял ты.
Ведь не зря
На зорьке люди
Заскорузлыми руками
К изголовью неумело
Каждый день
Кладут цветы.
Ни обвалы,
Ни пороша
Не закроют путь к могиле,
Что над пашней деревенской
Возвышается вдали.
Так прощай,
Солдат хороший,
Человек простой и милый,
Коммунист,
Поэт Стийенский,
Верный сын
Своей земли.

5

А вот с тобою в час прощанья
Грустить нам, право, недосуг:
Мы, Светозар, однополчане,
Мой черногорский брат и друг.
Хоть воевали наши части
За сто земель
И сотни верст,
Мы за одно с тобою счастье
В атаку поднимались в рост.
Лгать нам, солдатам, не пристало.
И мы признать с тобой должны:
Да, время сложное настало.
Но нашей дружбе мы верны.
Не зря, не зря у вас поется
(И в песне — дружбы торжество!):
«А кто сказал, что черногорцев
На свете миллион всего?!
Вы наших братьев бы спросили
И услыхали бы тотчас,
Что нет такой на свете силы,
Которая бы разлучила
С Россией
Черногорцев, нас!»

Слова я эти слышал всюду,
В столице древней и в селе.
Но вспоминать я все же буду,
Как в первый раз
В полночной мгле
Услышал их на той дороге,
Что даже днем была грозна.
За тучей
Голые отроги
Змеею обвила она.

Мы до разъезда двести метров
В поту, в бензине и в пыли,
Моля, чтоб нас не сдуло ветром,
Не меньше двух часов ползли.
И облегченно всем вздохнулось,
Когда хромой ногой своей
К хибарке сторожа приткнулась
Стальная кляча наших дней.
На стук твой, Светозар, из хаты:
— Ну, кто там?! — грозно
донеслось.

Ты улыбнулся хитровато
И отчеканил:
— Русский гость!

И вспыхнула свеча в оконце.
Хозяин вырос на крыльце.
Была теплей и ярче солнца
Улыбка на его лице.

Он руку сжал мне крепко, сильно
И словно выдохнул с трудом:
— А ведь и правда из России!..
Вот счастье!.. Проходите в дом!..
И обхватил меня за плечи,
Седой и очень молодой...

Мы запивали сыр овечий
Полувином-полуводой.
И ели щи из общей плошки.
И общей ложкой брали мед.
Как будто жили в той сторожке
С хозяином не первый год!

Но был я потрясен, не скрою,
Когда он ватник скинул свой
И в полумгле Звезда Героя
Сверкнула искрой зоревой.

А он потупился смущенно:
— Майор... Был ранен восемь раз
За то, что нет на свете силы,
Которая бы разлучила
С Россией черногорцев, нас!

И я не только помнить буду
В глазах героя боль и грусть,—
Везде и всем, всегда и всюду
О нашей дружбе петь клянусь.

Что связью кровной и старинной
Она крепка и хороша,
Что приняла меня, как сына,
Ее славянская душа.

Что и в горах, на тропках узких,
И в городах,
Как с братом брат,
Со мною говорил по-русски
Серб,
Черногорец
И хорват.

Хочу, чтоб знали все в России,
В Иркутске, в Бресте и в Орле,
Об этой сказочно-красивой
И очень близкой нам земле.

Что здесь — серебряные воды,
Что здесь — лазоревый простор.
И подпирают небо
Своды
Коричневых мохнатых гор.

Что здесь
Оплаченную кровью,
Святую дружбу бережет
С неугасимою любовью
Навеки братский нам народ.

станковой живописи. Они предпочитают ей живопись декоративную, обобщенно-монументальную. Спору нет, и эта форма художества может быть прекрасной. Но почему вдруг возникли разговоры об отмирании станковой живописи, об ее якобы несовременности?

Небольшие полотна Ромадина... Манера его письма, тонкая, валерная, присущая только станковой живописи, почитаема не только искушенными ценителями искусства, но и массовым зрителем, несколько уставшим от огромных напряженно-декоративных холстов на наших выставках. Хотя этим холстам, по моему мнению, нельзя отказать в таланте.

«Помилуйте! — может воскликнуть «строгий критик».— К чему вы призываете! Ромадин — станковист. Ну и бог с ним! Таким были Саврасов и Куинджи. Его мотивы пейзажей встречались у Шишкина и Рылова. Где же новь? Не ретроград ли Ромадин?»

Нет!

Ведь не вина живописца в том, что свою любовь к России он выражает самой сложной формой живописи — станковой. Манеру, которой писали Констебль и Клод Моне, Левитан и Нестеров.

Мотивы... Думается, надо просто быть более внимательным к изучаемому предмету, ибо мало кто проник так глубоко в самое сердце исконной Руси, как Ромадин.

«Ну вот, и договорились! — воскликнет весело мой оппонент.— Русь. Где же двадцатый век? Где зримые приметы сегодняшнего?»

Природа, к великому счастью для человечества, имеет свои незыблемые константы — небо, леса, реки, поля, землю и другие, как может показаться, в общем довольно привычные и тривиальные слагаемые. Ведь тоненькие нитки шоссейных дорог, или ажурные мачты высоковольтных линий, или даже вышки силосных башен не изменили кардинально природу русского пейзажа. Поэтому отличить ель или сосну эпохи Владимира Мономаха от ели или сосны наших дней довольно трудно. Искать «зримые черты нового» в каждом пейзаже по меньшей мере наивно.

Однако, несмотря на «старомодность» Ромадина, мне бы хотелось подчеркнуть именно современность и гражданственность его лиры.

Потому что именно сегодня особенно дорого и необходимо искусство, воспевающее природу, воспитывающее в людях любовь к прекрасному, к России, к ее нивам и рощам, озерам и лесам. Любовь к Родине...

В почвоведении (да простят меня за откровенный прозаизм) есть понятие эрозии — выветривания. Это большое зло. Оно несет гибель посевам, уничтожает пашни.

Эрозия... Это не только явление природы. Явление эрозии, то есть выветривания, весьма типично и для процессов, происходящих в современном искусстве и культуре Запада, где эрозия прекрасного стала бичом времени, проклятием XX века.

Разрушение, выветривание прекрасного, культ уродства, жестокости, цинизма приводят к потере любви к красоте, к жизни, к природе, к Родине. Так происходит на буржуазном Западе самая страшная из эрозий — эрозия духа.

Это — явление эпидемическое...

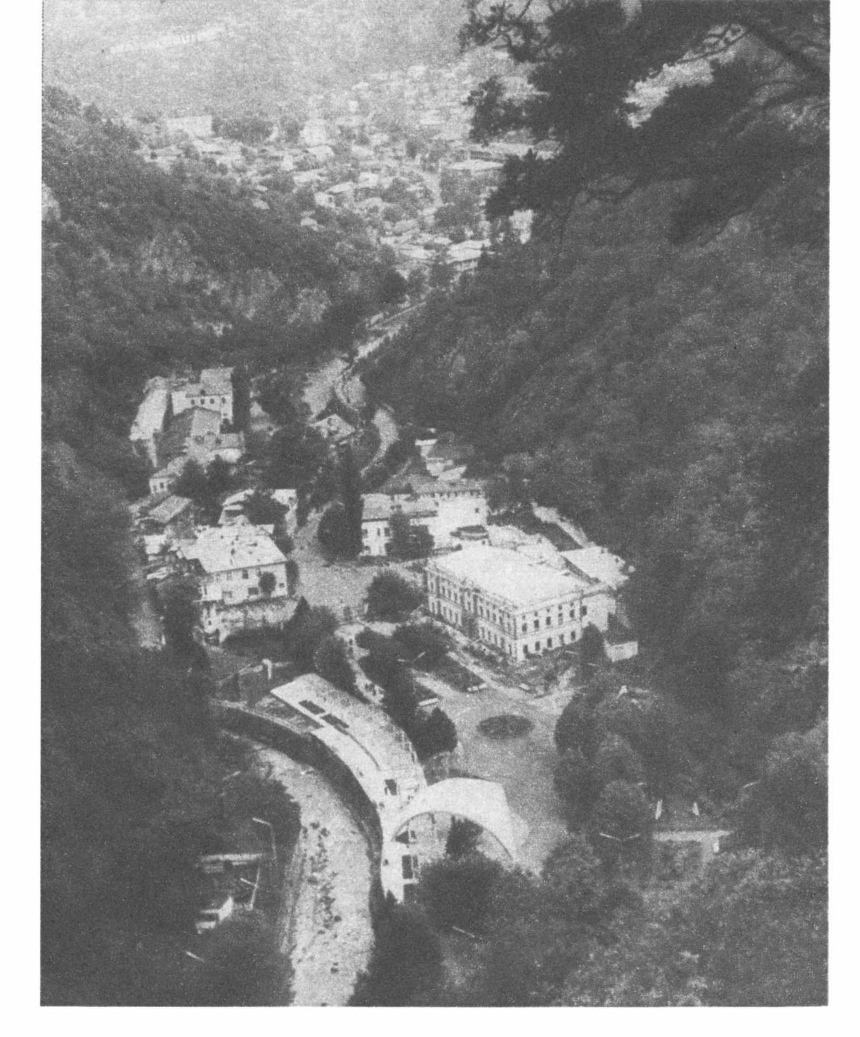
Но, пожалуй, пора вернуться к живописи.

К великому счастью, корни реалистических традиций в нашем искусстве достаточно крепки, и есть все основания предполагать новый взлет станковой реалистической живописи. Этому порукой новые работы наших талантливых мастеров на последних выставках. Превосходный пример такой яркой и самобытной живописи — пейзажи Владимира Стожарова...

В мире искусства, как, впрочем, и во всем огромном мире, происходит ожесточенная борьба добра и зла, света и тьмы, прекрасного и уродства.

И вот поэтому такие, с первого взгляда мирные и, казалось, почти старомодные пейзажи Ромадина оказались весьма современными, боевыми средствами ведения большой битвы за Человека, за Прекрасное, против распада и цинизма. Таково призвание истинного искусства.

Такова тяжелая обязанность таланта!

Так выглядит Боржоми с верхнего плато.

Фото Г. Хамашуридзе.

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОРОДОК

Ия МЕСХИ

Идешь навстречу бегущей горной речушке Боржомке: деревья растут, прижимаясь к земле, потому что земля стоит вертикально реке. По отвесным склонам падают в ущелье и плавают в нем запахи хвои. Цветут ромашки, и поют птицы. Милые старые мостики зовут то на один берег, то на другой. А там полянки с лесными пнями, а там грозные скалы нависают над водой, но Боржомка не боится их, кипит на камнях и весело плетет свои белые кружева.

Боржомская сторонка,
Грузинские края,
Беги, шуми, Боржомка,
Веселая моя!..

Или так, за одно мгновение в вагоне канатной дороги взвиваешься вверх. Здесь ровное-ровное плато. И кажется, что тебя, крошечную мошку, каким-то ветром занесло на гигантский стол, вокруг которого, нахлобучив свои каракулевые шапки, уселись горы: плато им по пояс! Обсуждают свои распри с молниями? Ах, наверное, пируют!..

Но довольно. Все равно не хватит слов. Лучше рассказать, что думал об этих местах такой великий чувствователь красивого, как Петр Ильич Чайковский. Он здесь был в 1887 году. А уехал — и долго в его письмах к друзьям в разных вариациях звучала одна и та же фраза: «Скажу Вам, что это одно из прелестнейших мест, мною виденных...», «По-моему, это одно из самых божественных и чудных мест в мире».

А вот что он писал отсюда: «...Все здесь так хорошо, что я совершенно влюблен в Боржом... Знаете ли, иногда, ей-богу, я проливаю слезы восторга от красот, на которые на всяком шагу наталкиваешься!..»

Хотел было приехать в эти края В. И. Ленин. В письмах к Серго Орджоникидзе Владимир Ильич говорил, что нервы у него болят и не проходят головные боли, что он просит подыскать ему пригодное место для отдыха, а также прислать подробную карту и сведения о местности. Видимо, Г. К. Орджоникидзе предлагал выбрать или Боржоми, или Абастумани, потому что в следующем письме от 17 апреля 1922 года Владимир Ильич пишет: «т. Серго! Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман совсем-де, не годится... узкая котловина; нервным негодно; прогулок нет, иначе как лазить, а лазить Надежде Константиновне никак нельзя. Боржом очень годится...»

Да, Боржоми очень годится. И высота подходящая, и природа мягкая, и прогулки, прогулки, прогулки... Владимир Ильич готовился ехать в Боржоми. Только сильно пошатнувшееся здоровье помешало ему проделать долгий путь из Москвы за Кавказский хребет.

А боржомцы ждали его и приготовили уединенный дом в Ликанском парке.

О красоте здешних мест много написано. Но главное — вода, всемирно знаменитая боржомская вода. Знакомая людям свыше ста лет, она продолжает и ныне оставаться королевой минеральных вод. Маленький наливочный заводик выпускал минеральную воду сначала по тысяче бутылок в год, потом по тысяче в день. Все больше и больше. Теперь два современных завода выпускают более полумиллиона бутылок боржоми ежедневно. А гидрогеологи, пробурив во многих точках окрестности ущелья, обнаружили такие промышленные запасы этой воды, которые позволят со временем еще в два раза увеличить розлив.

Здесь уже давно научились отлично консервировать эту воду, то есть готовить ее к дальним дорогам и долгому хранению. Придумали даже такое: выпускать сухой боржоми в порошке. В качестве питьевой воды в ресторанах, может быть, и это неплохо? Больше настоящего, бутылочного боржоми достанется больным.

Словом, все помыслы к тому, чтобы вывозить этот бесценный дар природы в города нашей страны и за рубеж. И это правильно, если взгляд на Боржоми как на место добычи воды не оставляет в тени другую сторону медали: его высокие курортные достоинства. Ведь у бутылки газированного боржоми нет полного тождества с бутылкой той же воды, выпитой из источника. Хоть физико-химический состав ее абсолютно неизменен, все же естественную теплоту и еще коекакие нюансы лечебной воды, идущей прямо из-под земли, не заменишь ничем. И только здесь, где каждая цветочная клумба взывает: «Просьба боржомской водой не поливать!» — примешь ванну из боржоми. И климат тут, несмотря на ущелье, исключительно благодатный. И красота здешнего пейзажа работает на медицину, восстанавливая утраченный нервный покой. И прогулки к древним крепостям, к местам, где родился великий поэт Шота Руставели, где сражался полководец Георгий Саакадзе, к пещерному городу Вадзия, этому «восьмому чуду света»...

Что же сделать, чтобы побольше людей увидели, узнали все это, набрались бы здесь бодрости и здоровья? Разве нет в Боржоми санаториев и домов отдыха? Есть, конечно. Но их так мало, как будто открытие Боржоми произошло на днях. А может быть, это и вправду так?

...Года два назад воды разбухшей в верховьях Куры хлынули на Боржоми. Снесли городские мосты, разрушили жилые дома, беспечно стоявшие у самой реки, испортили автодорогу на левом берегу, а на правом — железнодорожное полотно. В эти дни и ночи все были на ногах. Город, лишившись дорог и мостов, оказался расколотым пополам и отрезанным от внешнего мира с обеих сторон. С обеих, потому что две другие его стороны составляют высокие горы.

Горная река долго неслась на таких бешеных скоростях, что одолеть ее вплавь или на лодке никто не мог. Между тем надо было быстро соединить один берег с другим хотя бы как-нибудь. Нашли голубку, которая высиживала своих птенцов, переправили ее по единственно уцелевшему на самой окраине мосту на тот берег, привязали к лапке капроновую нить и пустили. Она перелетела реку в центре города. А за капроновой нитью потянулся шпагат, к шпагату привязали веревку, к ней — канат, к канату — металлический трос. «Вытянули репку!» Появился висячий мост. Его назвали «Голубиный». Рабочие стекольного завода укрепили на нем фигурки голубя.

Несчастье как бы встряхнуло всех — и самих боржомцев и членов правительственных комиссий, приезжавших сюда в связи с наводнением. Все вдруг ясно увидели, что городок заслуживает большего внимания к себе, что он очень запущен и ему необходимо обновить свой гардероб.

Очень активно стали строить в Боржоми. Одели в бетон берега Куры, повесили над ней три новых моста и начали сооружать большой, железобетонный. На плато появился новый корпус дома отдыха, в городе — многоэтажные жилые дома, в Курортном парке — Музей Славы, у въезда в Боржоми — 2-й наливочный завод. Начали строить железнодорожный вокзал, крытый рынок, водопровод, канализацию. Поселок из финских домиков для пострадавших от наводнения скоро станет туристским кемпингом. Заканчивается сооружение большой гостиницы. Такого строительного подъема боржомцы не испытывали никогда.

Вот генеральный план застройки Боржоми (кстати, существующий с 1958 года и не утвержденный до сих пор!). Ему посвящена целая комната в Музее Славы. Мы знакомимся с ним у председателя горисполкома Джемала Копалиани. Довольно трудная задача — застроить Боржоми: места немало, но площадки разобщены ущельями. И теснота. И крутизна. А с другой стороны, именно эти трудности дают простор художнику: твори, используй каждый изгиб, склон, поляну, впадину в скале!..

Смотрю на будущую улицу Ираклия в 16-этажных жилых башнях.

— Ну, как? Хорошо?

У председателя в глазах энтузиазм. Ничего не скажешь: улица выглядит красиво, как говорят, вписывается в склон. Правда, чем-то напоминает Пицунду с ее пансионатами, а может быть, Варну или еще что-нибудь. А так хочется, чтобы напоминала Боржоми, только Боржоми!..

Знаете, какие дивные есть в этом городе старые улицы? Улица Бараташвили, улица Орджони-

кидзе. Дома из дерева, крыши двускатные, островерхие, с мансардами и балкончиками, украшенными резьбой. Сплошные кружева из дерева. Удивительная легкость, изящество, устремленность к солнцу. И тоже стоят под склоном, как эхо, повторяя контуры гор, ажурный рисунок сосен, елей, бука, берез. Откуда такая уйма вкуса и деликатности? Где эти мастера, творившие своими руками поэмы из простой деревянной доски? Затерялись их следы в городском хозяйстве за ненадобностью.

Правда, нынче время бетона и стекла, но смотря где и смотря в каких пропорциях. Надо ли насыщать ими лесной курортный городок? А если даже без этих материалов невозможно обойтись, то можно и при этом сохранять, приумножать и развивать традиционно боржомские мотивы. Можно, если посмотреть на дело внимательно, с единой мыслью не посрамиться перед волшебницей-природой, которая подарила людям такой чудесный край!

С удивлением узнаю, что Боржоми не имеет своего архитектора, тогда как он должен иметь не просто рядового архитектора, а художника высокого класса. Не имеет он и «зеленого архитектора». Потому-то прекрасная новая набережная обсаживается хвойными деревьями, которые тотчас буреют, воспринимая шоссейную пыль. И совсем без призора остаются в городе вопросы цвета: что красить и во что?

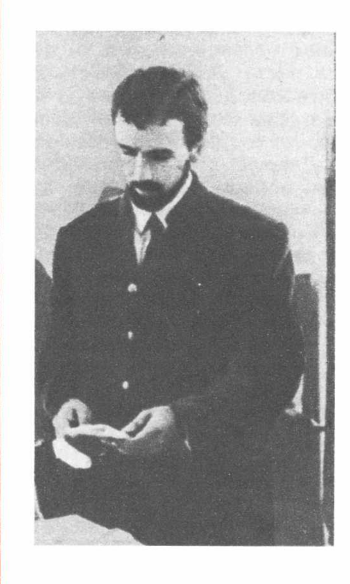
Нельзя не порадоваться тому, что Боржоми начинают облюбовывать композиторы, строят себе Дом творчества. Наконец-то! А по дороге в парк из одного здания с резными балконами разносятся звуки фортепиано. Городская музыкальная школа. Невольно остановишься послушать пассажи, потому что в общем-то не хватает музыки в Боржоми! И тут снова вспоминаются строки из письма Чайковского: «К счастью, я нашел чудесный способ никого никогда не видеть и не встречать, кроме своих. Стоит только не ходить на музыку. Здесь два раза в день играет музыка...»

Представляете — два раза в день в парке, подобно боржомской воде из бювета и так же безвозмездно, льются звуки струнного оркестра! Конечно, Чайковский бежал от этого, но нам, простым смертным, разве нельзя было предоставить такое удовольствие?

Шестнадцать тысяч жителей в Боржоми. Летом городок разбухает втрое. Это почти непосильная ноша. Поэтому боржомцы стараются побольше строить. Побольше и поскорей. Правда, они и понравиться стараются. За последние годы очень похорошел Курортный парк: устроено много оригинальных уголков для отдыха, неназойливо выглядывают из-за кустов скульптуры лесных зверей, кто-то придумал посыпать дорожки зеленым песком — шлаком от производства ферромарганца. У въезда в город с большим вкусом оформлен источник минеральной воды. Значит, можно красивое делать еще красивее?

А что нового, какие заботы и споры у вас, дорогие наши курортные городки, не достигшие ранга респектабельных Сочи, Кисловодска, Ялты?..

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ

Алеша Погребной уезжает в Приморье.

— Вот здесь на Чукотке поселок Лаврентия,— показывает Лариса Мурзикова Люде Магкеевой.

Татьяна **ЛОТИС**

Фото автора.

День был обычный — солнечный, теплый, ветреный, один из многих... Для студентов же, которые собрались у 421-й аудитории, день этот был особенный, решающий: кончились годы учебы в Институте культуры. Сегодня предстояло распределение...

Пока члены комиссии усаживались за длинный стол, покрытый зеленым сукном, выпускники толпились в коридоре, тихо переговаривались; впрочем, слово «распределение» не упоминалось: бывает, что люди накануне чего-то значительного не говорят об этом: слишком поглощены мысли и чувства,— а говорят о пустяках... Потом студентов стали вызывать по одному на комиссию.

Непохожие, по-разному входили они, здоровались, некоторые спокойно, уверенно, другие, запинаясь от волнения. Еще бы: если ты кончаешь режиссерское отделение факультета культпросветработы, то можешь стать режиссером народного театра, или кукольного, или даже ТЮЗа; если тебя привлекает работа администратора — директором дворца культуры, если педагогическая деятельность — педагогом или методистом в доме народного творчества...

Заместитель декана Иван Романович Тимошин, десять лет назад окончивший этот же институт, представляет комиссии студентов. Почти каждый из них—общественный деятель: член комитета комсомола, староста, профорг... Словом, все выпускники в общественной жизни института так или иначе участвовали.

— Алексей Погребной,— знакомит комиссию Иван Романович.— В группе пользуется авторитетом. За время учебы выявились незаурядные режиссерские и актерские данные. Приехал к нам из Приморья, туда же и хочет поехать на работу.

Ректор института Ф. И. Коровин говорит комиссии:

— Выпускники из Приморья молодцы: любят свой край, и все возвращаются домой.— Обращаясь ко мне, ректор добавил: — Погребной — настоящий парень, советую побеседовать с ним...

«НАСТОЯЩИЙ ПАРЕНЬ»

Через дубраву мы идем с Алешей Погребным от институтского корпуса к каналу Москва — Волга. Хорошие здесь места. Дубовая роща, такая редкая в Подмосковье, а рядом канал, хочешь — лови рыбу или купайся, хочешь — наблюдай, как плывут огромные теплоходы, проскакивают ракеты, то и дело бередя канал шумной волной...

Погребной — высокий, широкоплечий юноша с удивительно добрым лицом. Внимательные глаза, черные волосы и широкая борода делают его похожим на человека прошлого века, мыслителя или путешественника. Говорит о себе спокойно, неторопливо. Родился в приамурском селе, отец — шофер, мать — счетовод; в семье еще два брата: один — офицер в армии,

другой — инженер, сестра учится в художественном училище.

— В детстве, когда родители были на работе, с нами оставалась бабушка; она брала нас в церковь, учила молиться, и даже еще в школе я верил, что есть бог. Приятели смеялись надо мной, но я все уразумел, только когда начал изучать естественные науки... В самодеятельность пришел, можно сказать, случайно: вместе с товарищем подготовили к празднику интермедию. Получилось. Все пришли в восторг... Легкий успех, признаться, вскружил нам голову. Потом мы поняли, сколько труда требует искусство, без которого уже не могли.

...В пятнадцать лет Погребной уехал из дому — учиться в культпросветучилище, одновременно вел кружок художественной самодеятельности на Уссурийском авторемонтном заводе. Там впервые поставил пьесу. Когда окончил училище, имел стаж руководителя драматического коллектива. Но прекрасно понимал, что знаний еще очень мало. Заработал денег на дорогу в Москву и приехал поступать в институт...

— Все эти годы,— говорит Алеша,— я, как мог, «грабил» культурную Москву: не пропускал ни одного интересного спектакля, старался узнать, увидеть как можно больше, осмыслить, понять, научиться... Приходилось работать не только по специальности. Брался за многое: был экскурсоводом, воспитателем в общежитии, грузчиком, занимался почтовыми перевозками. Но убежден, что и эти занятия не потерянное время. Было интересно наблюдать за людьми, знакомиться с новыми специальностями...

Вы спрашиваете: не страшновато ли начинать самостоятельную режиссерскую работу? Пожалуй, не боюсь. У нас во время учебы была практика, и я уже тогда чувствовал, что людям интересно работать со мной на репетициях, видел, как они радовались после спектаклей... Вы спрашиваете о моих мечтах, планах на будущее... Конечно, я, как всякий режиссер, стремлюсь ставить настоящие пьесы, с серьезными проблемами, чтобы своими постановками показать людям, сколько хорошего в нашей жизни, сколько внутренней красоты вокруг нас; чтобы зрители, посмотрев спектакли, начинали задумываться о своей жизни и становились бы чуточку лучше. Ведь в этом — цель искусства, его назначение.

Дома я не был уже три года, хочется поскорее туда приехать, начать работать. Но в то же время грустно расставаться с Москвой, со среднерусской природой, березовыми рощами, со всем тем, что полюбил...

МУРЗИКОВА ЕДЕТ НА СЕВЕР

А в 421-й аудитории комиссия продолжает свою работу... Москвич Вася Фомичев уезжает в Тюменскую область. Люда Магкеева — на родину, в Осетию. Женя Булах, уроженец Алупки, едет в Рязанскую область, где был на практике и ставил спектакль. Валя Шеламова, которая в институтских спектаклях всегда играла мальчиков — из-за маленького роста,— едет в Барнаул... Бектен Абдылдаев приехал в Москву из Киргизии и собирается обратно на родину...

В комнату входит девушка с длинными рыжеватыми волосами, Лариса Мурзикова. В институте все знают, что она мечтает о Севере.

— Поезжайте на север Горьковской области,— приглашает Мурзикову представитель из Горького.— Жилплощадь предоставляем, места у нас красивые.

Мурзикова от севера Горьковской области отказывается.

— Хотите Хабаровск?..

— Я хочу на Север.

— А Комсомольск-на-Амуре?..

— Мне хотелось бы на Крайний Север...

— Я Мурзикову помню,— вдруг заявляет член комиссии.— У меня есть сюрприз для нее.— Она копается в толстой папке и говорит: — Вот на выбор: Ненецкий национальный округ и поселок Лаврентия на Чукотке.

Мурзикова удовлетворена: это как раз то, что она хотела.

Член комиссии педагог Зоя Васильевна Ершова, преподающая в институте режиссуру уже десять лет, увлеченно рассказывает о Ларисе Мурзиковой:

— Родители Ларисы — рядовые колхозники, и приехала она из деревни довольно глухой. Вначале Ларису ошеломила Москва. Кроме того, девушка не представляла себе всей сложности труда, к которому должна была у нас подготовиться. И мало-помалу встал серьезно «вопрос о Мурзиковой» — о ее дальнейшем пребывании в институте. Получив крепкое внушение, она на какое-то время замкнулась, ушла в себя: вероятно, переживала, пересматривала свои позиции. Потом к ней вернулась живость, общительность, она стала относиться к себе строже, взыскательней, посерьезнела. По ее отношению к занятиям мы увидели, что девушка словно переродилась. На практике Лариса была в Новомосковске, во Дворце культуры химиков. А год был ленинский — особенно ответственный для художественной самодеятельности. Поэтому даже опытным руководителям было не такто легко работать. Ларисе в Новомосковске пришлось доводить чужую постановку, и она справилась с этим блестяще. Мы предложили зачесть Ларисе спектакль как дипломный, но она отказалась и за короткий срок подготовила второй.

Коллектив полюбил Ларису, привязался к ней. Ее уговаривали остаться там работать, предлагали прописку и квартиру, но она отказалась, так как мечтает о Крайнем Севере.

Лариса живет рядом с институтом, в общежитии.

Я зашла к ней.

Вместе с Мурзиковой в комнате еще трое девушек. На стене их гордость — четыре афиши. Это дипломные, первые пока спектакли. На афишах крупными буквами напечатаны фамилии режиссеров — их фамилии.

В связи с отъездом Ларисы на Север в комнате царит переполох. Девчонки завидуют подруге. Люда Магкеева каждое утро заявляет решительно:

— Лариса, я поеду с тобой!

Ее поддерживает и Валя Шеламова:

— Как же мы расстанемся, девочки?

И в который по счету раз все начинают обсуждать сначала: как Лариса после Москвы будет переносить холода... Магкеева увлечена детским театром; Валя Шеламова хочет создать театр поэтический... Девочки взяли атлас в библиотеке, и Лариса показывает подругам поселок Лаврентия на Чукотке. Край света — место ее будущей работы... О чем бы ни говорили в этой комнате, опять и опять возвращаются к Северу и завидуют Ларисе...

— Лариса, почему же все-таки Крайний Север? — спрашиваю я.

— В Москве или другом центре всегда можно посмотреть профессиональный театр. А в поселке Лаврентия нет ничего. И мне хочется работать с людьми неизбалованными. Ведь им искусство особенно нужно!

Решение комиссии Лариса считает справедливым. И счастливым.

— Вы знаете,— убежденно говорит Лариса,— мне всегда везет. Мне повезло, что я попала в Институт культуры, где было так интересно учиться. Мне и на соседок по комнате повезло... Уверена, на Севере мне тоже повезет!

ИНТЕРВЬЮ С РЕКТОРОМ

День Федора Ивановича Коровина — тоже обычный — уплотнен до предела. Совещание с хореографами, срочный вызов в горком; встреча с архитекторами: рассмотрен проект нового четырнадцатиэтажного здания МГИКа; государственные экзамены, где он председательствует.

Кончилась сессия. Во все концы страны разъезжаются студенческие строительные отряды.

В Институте культуры своя специфика: студенты будут не только строить, но и выступать с концертами, читать лекции о кино и театре, работать в районах методистами, консультантами...

В кабинете ректора идет совещание. Здесь беседуют секретарь комсомольской организации Павел Шевчук, командир строительного отряда Слава Каграманян — в прошлом году его отряд построил за месяц для колхоза огромное здание — и Толя Чернышев, командир отряда «Астрахань-70». Он опять едет в Астраханьскую область.

Обсудив с ребятами проблемы трудового семестра, ректор Коровин отвечает на мои вопросы.

Корреспондент. Федор Иванович, расскажите, пожалуйста, в чем отличие нынешнего выпуска от предыдущих.

Ректор. Нашему институту в юбилейном году исполняется сорок лет; он был организован по инициативе Надежды Константиновны Крупской. География наших выпусков год от года неизменно расширяется. Не только Мурзикова, многие наши студенты стремятся в отдаленные места: Тюменская область, Салехард, Комсомольск-на-Амуре, Якутск...

Раньше мы выпускали дирижеров-хоровиков, режиссеров народного театра, дирижеров оркестра... В нынешнем же году выпускаем еще и балетмейстеров.

Корреспондент. Что вы считаете основным в подготовке студентов?

Ректор. Думаю, что руководители самодеятельных коллективов должны не только научить людей музыке или пению, но в первую очередь быть хорошими, политически подготовленными организаторами и воспитателями. Поэтому мы уделяем большое внимание общественным дисциплинам: истории партии, научному коммунизму, политэкономии. Среди ведущих дисциплин хочется отметить эстетику и этику. Как правило, подавляющее большинство выпускников едет в села и деревни, рабочие поселки, небольшие города... Значит, их основная задача — нести культуру в народ. Надо сказать, что нас часто благодарят обкомы и горкомы партии, местные управления культуры. Мы получаем вырезки из газет, где теплые слова говорятся в адрес наших выпускников, печатаются рецензии на их постановки и концерты.

Корреспондент. Институт следит за дальнейшей судьбой студентов?

Ректор. Конечно. Если человек окончил институт, то совсем не значит, что его судьба нас больше не волнует. Нередко наши педагоги Попов, Любимов, Ковалев встречают бывших учеников на смотрах-конкурсах областных или республиканских. Мне приходится тоже постоянно быть членом жюри на республиканских конкурсах художественной самодеятельности.

Мы знаем о многих интересных работах наших бывших студентов. Вот, например, наш выпускник Сиренко в свое время был направлен в Касимов, Рязанской области. С драматическим коллективом он поставил «Палату» Алешина. Этот спектакль потом показывали в Кремлевском театре. Или Филипченко. Вместе со своей женой, тоже нашей студенткой, он уехал работать в совхоз «Заря коммунизма», Московской области. Там удалось им создать хороший творческий коллектив, уже несколько раз выступавший по телевидению...

Студентов, которые проявляют способности к педагогической работе, направляем в наш филиал в Тамбове или учебно-консультационные пункты в Воронеже, Фрунзе, Саратове, Ростове и Новосибирске. В прошлом году комсомольцы Цибулин и Гейко, отличные баянисты, поехали преподавать в Тамбов. Кстати, оба учатся в заочной аспирантуре Института имени Гнесиных.

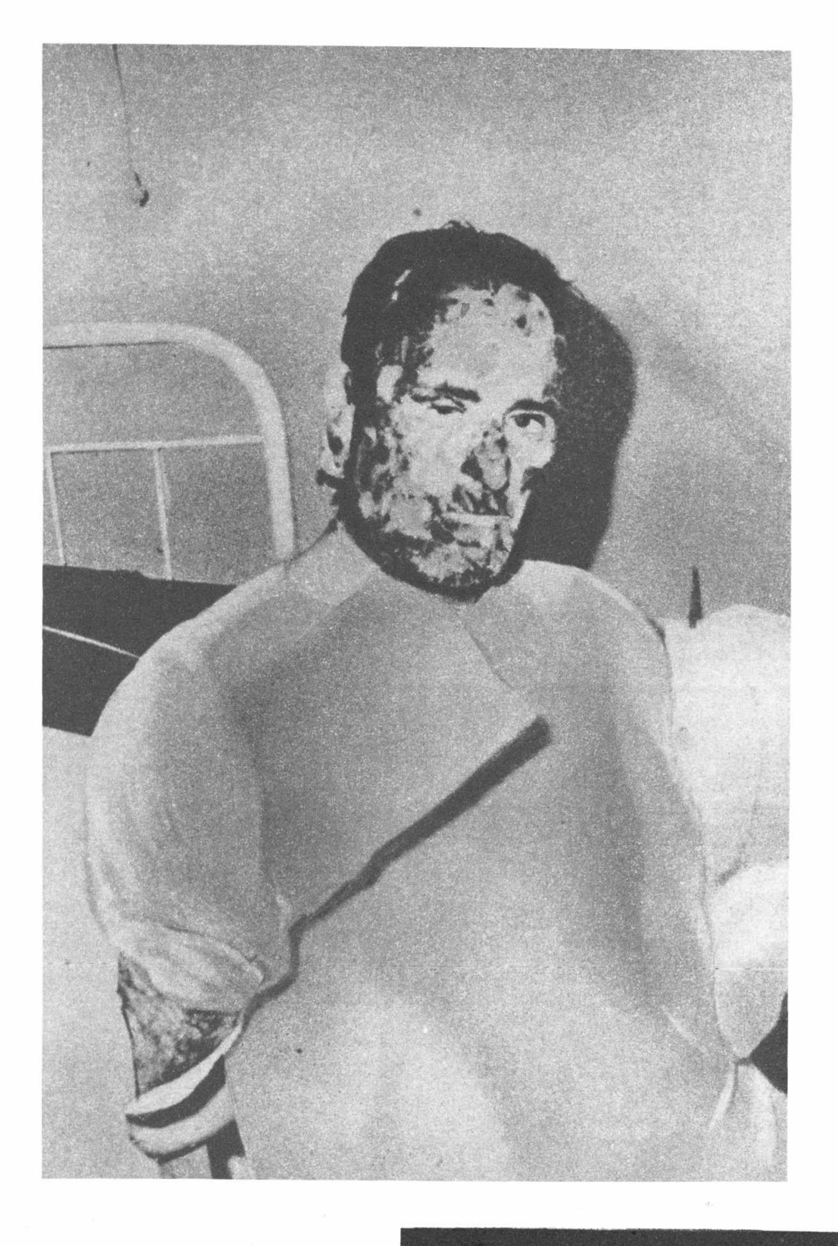
Корреспондент. Сейчас начался новый набор студентов. Кого бы вы хотели видеть в аудиториях института? Каким абитуриентам отдаете предпочтение?

Ректор. Педагоги стараются на смотрах всегда отбирать наиболее способных. Кроме того, наши выпускники, работающие в культпросветучилищах, не забывают свой институт! Они нередко рекомендуют нам талантливых молодых людей.

Как можно больше юношей и девушек мы стараемся принимать из сел и деревень. Пусть даже поначалу у такого студента будет послабее подготовка, чем у горожанина. Правда, ему приходится сначала труднее... Но ничего, потом он свое нагонит!.. Мы твердо знаем, что эти специалисты вернутся к себе в село...

* * *

Мы прощаемся. Уже стемнело. Кончился день распределения судеб... Самый длинный день в институте на Левобережной...

Евгений ЕВСЕЕВ,
кандидат исторических наук

ЖИТИЯ РОТШИЛЬДОВ

Дипломатический прием заканчивался. Солидные гости давно разъехались. Остались лишь только завсегдатаи, любители со вкусом порассуждать о большой политике, перспективах карьеры восходящих звезд политического небосклона этой небольшой североафриканской страны. В центре группы журналистов разгоряченный обильной выпивкой бизнесмен взволнованно говорил собеседникам о некоторых специфических сторонах кризиса на Ближнем Востоке, в делах которого заинтересована некая могущественная политическая сила. Он называл эту силу «третьей великой державой» после США и СССР и предупреждал об опасности проявления чрезмерного интереса к ее действиям. Некоторые восприняли эти рассуждения как плод фантазии подвыпившего гуляки, другие отнеслись к ним с известной долей насмешки и недоверия, и только небольшая часть слушателей понимала, что речь идет об огромной и мощной империи сионистских финансистов и промышленников, империи, которой не найти ни на одной карте. В этой империи нет пограничных столбов, но есть своя иерархия, есть суверены и вассалы. До недавнего времени сионизм представлялся большинству людей явлением незначительным, давно ушедшим в прошлое, и этому способствовали сами сионисты, которые немало трудов положили на то, чтобы затруднить доступ в свою святая святых — систему сионистских организаций, оберегаемую от непосвященных властью капитала и находящимся в его полном распоряжении мощным аппаратом «по промыванию мозгов» — средствами массовой информации.

Но таинственность и секретность — вещи довольно относительные. Июньская война 1967 года стала, как это ни покажется странным, первым крупным поражением сионизма и его пастырей. Изменив своей традиционной тактике, сионисты, не стесняясь, широко отпраздновали в десятках стран победу своих «единоверцев» на Ближнем Востоке. И тайное стало явным. Мир увидел связь, крепкую и нерасторжимую, идеологической системы сионизма и крупного капитала, финансового и промышленного. В липкой паутине, опутавшей добрую половину земного шара, копошились, подстерегая свою жертву, пауки-кровососы — крупнейшие монополистические объединения, концерны, банки, связанные с сионизмом.

Американскому журналисту Ф. Мортону крупно повезло. Заслужив совсем случайно расположение г-жи Ротшильд, он получил в награду возможность покопаться в семейных архивах клана Ротшильдов и написать на такого рода документальной основе его историю.

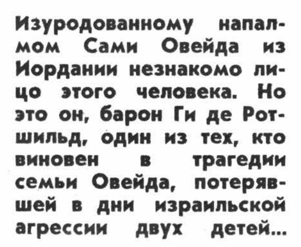
Так появилась рекламно-сенсационная книга о фантастическом могуществе, силе и влиянии потомков франкфуртского жителя Мейера Амшеля, общее число которых только по прямой линии ныне составляет 120 человек. Все вместе они образуют тот самый банкирский дом Ротшильдов, на эмблеме которого видны пять скрещенных стрел, символизирующих пятерых братьев-дельцов, закрепившихся в свое время в Лондоне, Париже, Неаполе, Вене и Франкфурте.

В течение целого года история Ротшильдов, написанная Мортоном, считалась первым среди бестселлеров в США, принося автору десятки и сотни тысяч долларов.

Едва ли франкфуртский торговец, ростовщик и меняла Мейер Амшель, взяв для своей фамилии Ротшильд немецкое «дас роте Шильд», что означает «красный щит», думал, что его потомки войдут в число властелинов капиталистического мира, приобретут баронский титул и корону, венчающую герб с претенциозным девизом «Согласие, честность, изобретательность».

Журнал «Пари матч» заметил как-то, что описание «деяний» Ротшильдов могло бы заполнить целую энциклопедию. Это они финансировали в свое время Людовика XVIII, Карла X и Луи-Филиппа, которому доставляло большое удовольствие бывать на интимных обедах у барона Джемса де Ротшильда в Париже. Родоначальник лондонской ветви Натан Ротшильд крепко держал в своих руках большие и малые финансовые проблемы Соединенного Королевства, а три других брата оказывали «помощь» Португалии, Дании, Австрии, Италии... К концу своей жизни, отмечает «Пари матч», угловатый Натан, робкий Кальман, душа парижских салонов красавец Джемс и их два брата вложили в дела 3 000 миллиардов франков. Их замки, их дворцы, а главное, размеры империи их владычества намного превосходили по своим масштабам владения могущественнейших королей Франции и владения королевы Виктории.

Были революции, были войны, рушились, рассыпались в прах династии и государства, но негласные короли Ротшильды продолжали здравствовать, повествовал «Пари матч», стремясь внушить читателю незыблемость власти капитала.

Изуродованному напалмом Сами Овейда из Иордании незнакомо лицо этого человека. Но это он, барон Ги де Ротшильд, один из тех, кто виновен в трагедии семьи Овейда, потерявшей в дни израильской агрессии двух детей...

Фото из журнала «Экспресс» и сборника фотодокументов 2-й Международной конференции в поддержку арабских народов.

В многочисленных «житиях» Ротшильдов встречаются восторженные описания блестящих финансовых операций, якобы проведенных Ротшильдами безукоризненно честно и оправдавших ротшильдовский официальный девиз «Согласие, честность, изобретательность». Мелькают астрономические цифры финансовых афер и биржевых сделок, проведенных Ротшильдами в странах Старого и Нового Света. Рассказами о блеске золота, о нестерпимом сиянии миллионных бриллиантов, о сказочной роскоши, в которой живут отпрыски этой фамилии, журналисты — подданные империи Ротшильдов изо всех сил старались заглушить голос правды, свидетельствующий об их жестокой эксплуатации огромной армии пролетариата во многих странах мира. А сколько усилий было приложено к тому, чтобы оповестить мир о необычайной щедрости дома Ротшильдов, который, являясь «благодетелем» государства Израиль, основал семейные благотворительные фонды в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и даже финансирует (почему бы и не позволить себе такой маленькой слабости?) проект обучения грамоте всех индейцев Мексики. Правда, о том, что Ротшильды финансируют агрессивные действия израильской военщины против арабских стран, а также разного рода организации, осуществляющие подрывные акции и диверсии против стран социализма, почему-то умалчивается...

Потребовалась бы суперэлектронная машина, чтобы учесть все скрытые ответвления и связи этого финансового клана, для которого не существует ни государственных границ, ни законов разных стран. Недаром один из зарубежных авторов, Х. М. Сашар, в «Курсе современной еврейской истории» писал: «Что может быть более убедительной иллюстрацией фантастической концепции всемирного еврейского правительства, чем семья Ротшильдов, объединяющая в своем составе граждан пяти государств и оказывающая решающее влияние на экономическую жизнь многих стран далеко за пределами Европы».

...30 августа 1966 года состоялась церемония открытия нового здания израильского кнессета (парламента) в Иерусалиме, и устроители ее продумали все до мелочей. Они прекрасно знали, что и строительство здания и размещение кнессета в Иерусалиме противозаконны: древний город, согласно резолюциям ООН, должен был иметь интернациональный статут. Однако односторонним актом, не признанным официально ни одним государством, правители Израиля превратили Иерусалим в столицу страны, переведя туда резиденцию парламента и часть министерских кабинетов.

Строительство кнессета велось с размахом и помпой. По желанию Ротшильдов, за счет которых возводилось здание, к эскизам и проектированию были привлечены архитекторы с громкими именами.

Среди гостей, приехавших на церемонию его открытия, находилось более ста парламентариев. По словам «Нью-Йорк таймс», они съехались в Иерусалим со всего света. Их приветствовал президент Израиля Залман Шазар, ныне покойный премьер Леви Эшкол, Кадиш Луц, спикер кнессета, тогдашний президент Всемирной сионистской организации Наум Гольдман. Честь разрезать ленточку перед входом в кнессет была предоставлена вдове главного сионистского толстосума, «пожертвовавшего» деньги на строительство,— леди Дороти де Ротшильд. Такой жест сионистской верхушки Тель-Авива был не знаком вежливости и благодарности, а признанием существующего порядка вещей, при котором некоронованными королями Израиля являются Ротшильды...

В мире денег все делается ради денег. И в знак признания «заслуг» Ротшильдов в создании государства Израиль клика тель-авивских вассалов клана назвала одну из главных улиц города именем Эдмона Ротшильда. При этом, естественно, тщательно скрывались такие стороны «жития» Ротшильдов, которые разоблачали подлинное лицо этих «благодетелей народа».

Вот что стало известно из свидетельств очевидцев операции, которую условно можно назвать «Ротшильд». Ее осуществили Гиммлер и Геринг. В период аншлюса, присоединения Австрии к третьему рейху, в руках немцев оказался барон Луи Ротшильд. Ретивые служаки из СС засадили барона в каталажку, приняв как руководство к действию установки своего фюрера относительно «беспощадной борьбы» фашизма с врагами рейха и в первую очередь с евреями. Когда весть об аресте и заключении Ротшильда в конце апреля 1938 года дошла до Берлина, она повергла в состояние невменяемости рейхсмаршала Германа Геринга. Вне себя от ярости, награждая своих референтов отборными печатными и непечатными ругательствами, толстый Геринг орал: «Кого вы бросили в каталажку?! Да вы хоть знаете, что такое Ротшильды? Это же золотые прииски в Африке, свинцовые и медные рудники в Испании. Ротшильды — это не только самые могучие банки, это монополии химии и нефти, оружейные заводы «Виккерс». Ротшильды — это подвалы Английского банка и «Королевский монетный двор». Это финансовая опора нашего союзника и друга Франко. Эта семья связана золотыми узами с американскими миллиардерами Морганами и Рокфеллерами, с Лимэнами и Лазарами. Они связаны с нашим финансистом Шнейдером и нашими монополиями «Норд Дойче аффинери» и «Металлгезельшафт», а также с Круппом и Тиссеном! Кто вам дал право затрагивать жизненные интересы рейха? Не думаете ли вы, что мы уже находимся в состоянии войны с Америкой и можем позволить себе сейчас роскошь ворошить осиное гнездо лондонского Сити и Парижа, подвергать риску наши великие планы преобразования мира?» И рейхсмаршал отдал распоряжение помощникам взять под прямой контроль дело венского Ротшильда. С этого момента первому богачу Австрии ничто не грозило. Его безопасность обеспечивалась личным шифрованным приказом Германа Геринга, решившего, коль скоро это произошло, извлечь максимальную пользу из ареста Луи фон Ротшильда и выпустить его на волю лишь в обмен на добровольную передачу в собственность Германии и самого Геринга всего имущества венской ветви ротшильдовского клана в Австрии и металлургических заводов австрийских Ротшильдов в Чехословакии.

Идея главы «Герман Герингверке» была одобрена в целом и в деталях самим фюрером, который приказал вытрясти по возможности больше золота из банкиров-миллиардеров и отпустить фон барона на все четыре стороны. Такой исход операции устраивал ее участников с обеих сторон. «Идейные» антисемиты — гитлеровцы, не колеблясь, пошли навстречу пожеланиям английской ветви Ротшильдов установить с ними деловой контакт на предмет полюбовного решения вопроса о судьбе главы австрийской династии Луи фон Ротшильда. «Идея» стоила ровно столько, сколько могли предложить за нее сам австрийский банкир и его родичи. А предложить они могли в качестве выкупа за голову пятидесятипятилетнего барона Луи те самые миллионы долларов и фунтов, марок и франков, которые нужны были Гитлеру и его подручным для организации все новых политических афер и военных авантюр. Инициатива в заключении сделки исходила от Ротшильдов, решивших, что венский родственник должен выйти из «затруднительного положения» любой ценой. Их агенты провели предварительный тщательный зондаж позиции Берлина в «венском вопросе» и установили, что Луи фон Ротшильд рассматривается как крупный козырь в политической игре Германии и в нем лично заинтересованы соперничающие между собой Гиммлер и Геринг. Заключительную часть операции «Ротшильд» проводил сам шеф гестапо. Подробности переговоров, состоявшихся между ним и бароном Луи в номере венского отеля «Метрополь», где размещался штаб гестапо и где под надежной охраной эсэсовцев содержался первый австрийский богач, неизвестны. Известен результат. По условиям секретного соглашения между Ротшильдами и Гиммлером барон Луи покупал свободу и разрешение выехать за границу за двести тысяч долларов наличными, в придачу к которым шло все австрийское имущество Ротшильдов и согласие английского лорда Ротшильда на продажу немцам его собственных металлургических заводов в Чешской Силезии. А в это время изувер Эйхман готовился к выполнению инструкций фюрера по «окончательному решению» еврейского вопроса, создавал изобретенную им картотеку, составленную по системе перфорированных карт. В ней числились все евреи Австрии, включая венскую общину, в сто восемьдесят тысяч человек.

По тайным каналам связи в Берлин поступала информация об усилении давления на Германию со стороны влиятельных сионистских организаций и тесно связанных с ними главных денежных воротил и хозяев Америки, Франции, Англии. Все сионисты мира были мобилизованы на спасение того, кто входил в состав семьи, названной еще Теодором Герцлем «самой действенной силой нашего народа». В погожий апрельский день 1939 года операция «Ротшильд» завершилась. В сопровождении эсэсовского офицера барон Луи фон Ротшильд прибыл в аэропорт Вены за пять минут до отлета «Юнкерса-52», направлявшегося в Цюрих. Ничто не держало его в Австрии, из узника он превращался в активного члена «ареопага избранных», перед которым покорно склонял голову мечтавший о мировом господстве ефрейтор Адольф Шикльгрубер, проклятый человечеством, под именем Гитлер.

В годы второй мировой войны роль доброго гения семейства Ротшильдов исправно исполнял... рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Это он уберег наследников парижского дома Эли и Алана от смерти в концлагере. Оба отпрыска Робера Ротшильда — главы парижской ветви — были взяты в плен немцами как офицеры французской армии и всю войну прожили вдали от возможных опасностей в лагере для французских офицеров, откуда они вернулись целыми и невредимыми.

Два века семейство Ротшильдов живет и процветает за счет страданий, несчастий и невзгод миллионов людей различных стран. Ротшильды всегда и везде непременные участники кровавых событий. Нет, сами они, как, впрочем, и вегетарианец Гитлер, не выносят вида крови. Но эта дружная семейка финансировала почти все европейские войны! Иногда, когда это приносило больший доход, Ротшильды, набросив на себя тогу миротворцев, выступали с призывами к миру, который на бирже, по их расчетам, стоил подороже. Беспощадные, когда на их пути встречались те, кто мешал наживаться, Ротшильды пользовались услугами собственной разведки, нанимали на службу специалистов, которые изобретали для них головоломные коды и шифры, посылали через границы своих эмиссаров.

Есть в «житиях» Ротшильдов страницы, которые им хотелось бы забыть. Полоса невезения для них началась в России после февральской революции. Ротшильды и К° для укрепления власти Временного правительства в России одолжили Керенскому один миллион рублей золотом! Увы, пришлось им потом списать этот миллион в убытки. В графу «убытки» попали также ротшильдовские капиталы и нефтяные концессии в Баку, национализированные Советской властью. Не принесла им дивидендов и операция, направленная на то, чтобы задушить молодое государство рабочих и крестьян, тщетно тратились Ротшильды на организацию финансовых вкладов в помощь белым армиям. Наконец, пропали займы, которые Ротшильды щедро давали в свое время последнему самодержцу всероссийскому...

Но не исчезли их надежды вернуть утраченное. И сегодня Ротшильды — среди организаторов и активных участников антисоветских вылазок, среди вдохновителей крестового похода против коммунизма. Словно шагреневая кожа, неотвратимо сокращается их империя. Вычеркнуты навсегда из списка собственности Ротшильдов Витковицкие металлургические заводы, что находятся под Остравой в Словакии. Рудники и шахты Чехословакии стали собственностью чехословацкого народа. Обесценились на бирже их акции транспортных компаний, заводов и фабрик в Венгрии и других странах Восточной Европы. Нависает угроза интересам Ротшильдов в странах «третьего мира». И на защиту этих интересов поставлена государственная и политическая система империализма, частью которой, плоть от плоти которой является династия пауков-кровососов Ротшильдов, представители которой хвастливо заявляли в своем кругу, что без Ротшильдов сионисты не продвинулись бы на Ближнем Востоке ни на шаг. И это недавно подтвердила лондонская «Таймс», опубликовав любопытную статью. В ней содержался разоблачительный материал об экономической мощи и политических возможностях небольшой группы международных банкиров, который показывает, кто же стоит за кулисами мировой политики, кто приводит в движение танковые колонны израильских милитаристов на Ближнем Востоке, десантные части и карательные отряды американских армий в Индокитае, кто финансирует подготовку и проведение «тихих», или «ползучих», контрреволюций, подобных той, которую пытались осуществить правые антисоциалистические силы в Чехословакии, кто участвует в безудержной эксплуатации двух третей населения земли, кто готовит и осуществляет заговоры, создает и устраняет правительства, воспитывает президентов и диктаторов, покорно выполняющих волю и приказы «неизвестных» повелителей.

Нонна Козина — чемпионка мира по стрельбе из лука.

Фото Л. Бородулина.

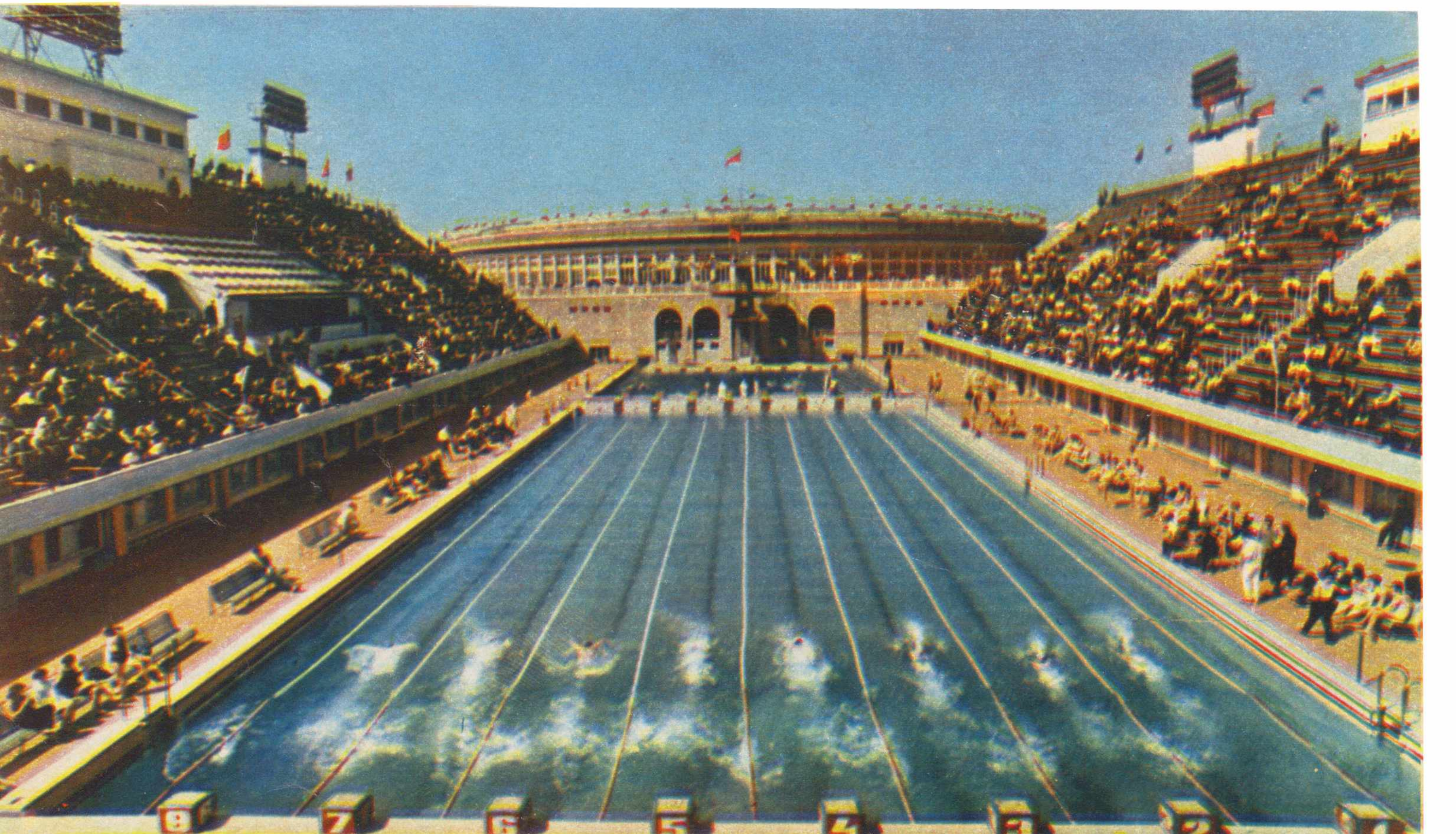

На байдарках.

Балтийская регата.

Бассейн в Лужниках.

Фото Л. Бородулина.

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Жизнь на грешной земле

11

Лето набирало силу быстро, земля напитывалась теплом, как тряпка водой, заполыхали дубровинские леса цветами, засвистели в них соловьи.

Все кругом пело и цвело, только Денис Макшеев все сох, горбился, будто задался целью согнуться в крючок, высохнуть на усух.

Ходил он теперь все время с костылем, нисколько не опасаясь Демидова. Наоборот, он даже старался как можно чаще попадаться ему на глаза в безлюдных местах, но Павел не обращал на это внимания, будто не замечал Макшеева.

Однажды Павел с Гринькой, нарыбачившись вдоволь, заночевали на берегу Оби. Разложив костер, Демидов сидел на плоском камне, глядел, как пляшут отсветы пламени на темной воде. Гринька, умаявшись, похрапывал в наскоро сооруженном шалаше. Шалаш Демидов закрыл сверху брезентом, так как на другой стороне реки погромыхивал гром.

Макшеев вышел из тайги на берег, молчком подошел к костру и протянул к огню руки. Демидов не ждал его, но и не удивился появлению этого человека.

Посидев в безмолвии, Макшеев кивнул на топор, лежавший на куче сушняка, собранного по берегу для костра:

— Что ж ты? Ночь хмарная, темная, и безлюдно, как в погребе. Всю жизнь ты, может, ждал такого...

— Пошел прочь отседова,— негромко произнес Павел.

— В реку меня столкнешь али в тайге где зароешь... Ну?

— Зачем? Живи, воняй дальше.

— Не хочешь, значит? Прощаешь?

— Пошел, сказано! Я б хотел, так из полыньи бы не вытягивал тебя.

— Э-э, нет... Я думал: зачем вытянул-то все же, в чем причина? Чтоб, значит, собственной рукой мне расчетец произвести, чтоб с удовольствием, значит, было...

— Шарики за ролики у тебя совсем, гляжу, закатились.

Сказав это, Демидов поднялся и полез в шалаш, лег рядом с Гринькой. Вскоре пошел дождь, залил костер: Демидов слышал, как шипели, потухая, головешки. А Макшеев — Демидов чувствовал это — все сидел и сидел под дождем на мокрых камнях. Потом захрустели по гальке его шаги, удаляясь.

12

...В конце лета Макшеев, еще более усохший и почерневший, заявился вдруг прямо в мазанку к Демидову. Гринька где-то бегал по деревне с ребятишками, Павел готовил обед на электрической плитке.

— Здравствуй, Павел,— сказал Макшеев бесцветным, ничего не выражающим голосом. В руках у него была хозяйственная сумка.

— Здравствуй.

Демидов ответил на приветствие не тепло и не холодно, тоже равнодушно. И нельзя было предположить, что долгие-долгие годы разделяли этих людей смертельная вражда и ненависть.

Демидов продолжал возиться с кастрюлями. Макшеев понаблюдал за ним и сказал:

— Вот, долг принес. Не думай, что бессердечный.

— Что-о?

— Деньги-то. Бери.

И он опрокинул над столом хозяйственную сумку, вытряс из нее кучу денег в пачках. Демидов помолчал, разглядывая эту кучу.

— Сколько ж тут?

— Много. Ровно пятнадцать тысяч.

Демидов сел, минуты две глядел, шевеля бровями, то на деньги, то на Макшеева. И Макшеев, сидя на другом конце стола, тоже глядел то на деньги, то на Демидова.

Так они и сидели, а между ними лежала эта куча денег.

— А не жалко тебе? — спросил наконец Демидов.

— Жизнь-то дороже. Раз я обещал...

— А Мария что?

— А какое ее тут дело?

— Н-ну, ладно... Спасибо.

— Берешь, значит? — И Макшеев облизнул пересохшие губы.

Демидов на этот раз ничего не ответил, опять они минуты две-три сидели молчком, недвижимые, каменея будто все больше, все крепче. За окном неприкаянно болтался уже не летний, остылый ветерок, скрипел расшатавшейся дощатой ставней на тонких проржавевших петлях. Скрип был тихий, жалобный, тоскливый, но, кажется, ни тот, ни другой его не слышали, сидели, оглохшие.

Вдруг оконная ставня скрипнула погромче. Ржавый скрежет больно отдался в груди Павла Демидова, будто по сердцу его резанули чем-то тупым, зазубренным. Он поморщился от этой нестерпимой боли, медленно, с трудом разгибаясь, поднялся.

— Да-а... Спасибо, говорю...— Голос его тоже был сух и скрипуч, как звук болтающейся ставни. Павел жесткими, заскорузлыми пальцами взял со стола одну пачку денег, другую, третью... Всего их было тринадцать — одна в пятидесятирублевых купюрах, восемь — в десятирублевых и четыре — в пятирублевых. По сто листов в каждой пачке в стандартной банковской упаковке.— Глядь-ка, чертова дюжина.

И Павел мучительно усмехнулся.

Еще когда Демидов стал подниматься, Макшеев начал почему-то бледнеть. Пальцы его рук, лежавших на столе, мелко-мелко задрожали, и он рывком сдернул руки со стола, но куда деть их, не знал, и то совал ладони в карманы старого измятого пиджака, то выбрасывал опять на стол. Потом схватил стоящую на полу сумку, поставил на колени и принялся судорожно мять ее, не замечая, однако, этого.

Демидов опять усмехнулся и вымолвил странное, непонятное:

— Арифметика-то — наука едкая.

Макшеев перестал мять сумку, затих, будто пытаясь добраться до смысла этих слов. Лицо его было теперь серым, землистым. Он еще раз облизал губы, тоже посеревшие, бескровные. И как-то униженно, умоляюще попросил:

— Ты пересчитай... Тут ровно пятнадцать тысяч...

— Я и считаю... С тридцать восьмого по сорок восьмой, значит, я мыкался... Три года поселения считать уж не будем... Десять лет... За каждый год, значит, ты положил мне по полторы тысячи... по сто двадцать пять рублей за месяц... По четыре рубля за день... за каждый день. Ишь какая, объясняю, арифметика.

Демидов говорил сперва громко и отчетливо, выбрасывая фразы толчками, будто сыпал из автомата отрывистыми очередями. Потом горло его стало перехватывать, голос осел, осип. Последние слова он произнес шепотом, вытолкнул из себя с трудом. На Макшеева он не глядел.

По мере того, как Демидов говорил, к щекам Макшеева стала приливать кровь, в складках лба и на переносице проступила мелкая испарина.

— Так что ж... Так что ж...— бессвязно пробормотал он.— А ты все равно возьми...

По дряблому горлу Демидова прокатился крупный и тяжелый комок, будто прочистили ему глотку, и он сказал прежним голосом — крепким и ясным:

— И почто меня, дурака, еще десять лет там не продержали? Теперь бы, может, тридцать тысяч от тебя получил. А? Дал бы тридцать?

Макшеев по-прежнему держал сумку на коленях, не мигая, ничего, может, не видя, глядел куда-то в сторону, в окно, за которым ветер шатал верхушки пожелтевших уже берез.

— Что молчишь? Дал бы? — вскричал Демидов, багровея.

— Дал бы, дал...— машинально и торопливо закивал Макшеев. И, только проговорив это, опомнился, сильно вздрогнул. И до конца понял, о чем идет речь, по-своему что-то сообразив, так же торопливо глотая слова, продолжал: — И сейчас дам... Она, конечно, не тетка... Тюрьма-то. По четыре рубля мало... У меня наберется. Я завтра принесу еще полную сумку... Принесу, говорю, не трожь! Не трогай, Павел...

Это Демидов, шагнув к Макшееву, пытался взять у него сумку, а тот судорожно при-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 29—31.

жимал ее к животу локтями. Но Демидов все же вырвал сумку и, держа ее у кромки стола на весу, сгреб все пачки денег в темный кожаный зев. Затем поставил сумку на стол, задернул застежку-«молнию». Неприятный металлический звук будто пропорол установившееся за секунду до этого в комнате полнейшее безмолвие, и вот стало слышно тяжкое и хриплое дыхание этих двух стариков.

Оба — Макшеев и Демидов — глядели теперь безотрывно на сумку. Макшеев, одной рукой ухватившись за свое колено, а другую сунув в карман, сидел, чуть наклонившись вперед, будто хотел вскочить, да никак не мог осмелиться. Демидов же стоял у стола столбом, навытяжку, а длинные руки его с широкими ладонями висели вдоль туловища, как тяжелые узловатые плети. Лицо его было сухое, жесткое какое-то, чуть бледноватое. Оно было неподвижно, его лицо, только на скулах беспрерывно вспухали и опадали желваки.

Потом они одновременно, оба с великим трудом, оторвали глаза от сумки. Демидов начал поворачиваться не спеша к Макшееву, а Макшеев медленно стал поднимать на Демидова свой взгляд.

Бесшумная молния, казалось, взорвалась в комнате, когда взгляды их встретились. Взорвалась, опалила их лица, обуглила глаза — у того и у другого в неподвижных, свинцово-тусклых глазах ничего не было, кроме прежней ожесточенности, непримиримости, смертельной ненависти.

— Пошел отседова,— тихо сказал Демидов, с трудом разжав тяжелые, сухие губы. Одной рукой схватил сумку со стола и швырнул на колени Макшеева. Макшеев нервно дернулся, чуть не свалился на пол. Удержаться ему помогло, казалось, то обстоятельство, что он обеими руками цепко ухватился за сумку.

— Ты... чего, Павел? — прохрипел он.— Не берешь, что ли?

— Во-он!

И Павел, дергаясь лицом, подскочил к Макшееву, схватил его за шиворот, сильно толкнул к двери. Тот, не выпуская сумки из рук, обернулся стремительно, угрожающе, а заговорил голосом неожиданно униженным и просящим:

— Я же хотел, Павел, как лучше... почеловечески... Ты пойми...

Эти слова разъярили Демидова окончательно.

— Т-ты! — замычал он сквозь крепко стиснутые зубы, ринулся к порогу, ногой ударил в дверь, точно хотел разнести ее в щепки.— Т-ты-ы!

И опять, схватив Макшеева за шиворот, поволок его из комнаты, как щенка.

...Случайно оказавшиеся в тот час на приречной улице колхозный тракторист Ленька и дочка конюха Артамона Клавка с изумлением глядели, как бывший лесник Демидов тащит куда-то за шиворот упирающегося Макшеева. Они слышали, как Макшеев все время выкрикивал умоляюще одно и то же:

— Павел!.. Пашка!..

И как Демидов на каждый макшеевский вскрик отвечал:

— Я понял! Понял я...

— Топить, что ли, волочешь его? — вежливо поинтересовался Ленька-зубоскал, когда Демидов с Макшеевым поравнялись.

— Они же пьяные, Лень! — воскликнула Клавка испуганно.

Эти голоса будто привели Демидова в чувство, он остановился, не выпуская, однако, воротника Макшеева из цепкого кулака. Потом сильно отшвырнул своего врага прочь.

— Оно и утопить нелишне бы...

И, шумно дыша, принялся вытирать ладони об одежду.

А Макшеев, отлетев на несколько шагов, обернулся и встал как-то странно, на раскоряченных и чуть согнутых ногах. Одной рукой он обтер мокрое лицо, а другой покрепче и поудобнее взял сумку за потрескавшиеся кожаные ремни, будто намеревался подскочить к Демидову и размозжить ему этой сумкой голову.

— Значит, так... значит, так... Не берешь?

— Отнеси Марьке... Она за это каждый час рыскует, всю кровь отдает.

— Последний раз спрашиваю! — взвизгнул вдруг Макшеев.

Демидов, уже успокоенный, усмехнулся:

— Высохнете ведь после с Марькой на усух, как полынные стебли... Жалко на вас глядеть мне будет.

— Высохнем?! Тогда... гляди! — трижды выкрикнул Макшеев, сверкая глазами, и побежал к реке.

Улица проходила по самому берегу Оби. В пяти метрах начинался довольно крутой глиняный откос, затем до самой воды шла неширокая песчаная полоса. Макшеев торопливо скатился с откоса, разбрызгивая ногами песок, побежал дальше. У воды остановился, обернулся, прокричал еще раз снизу:

— Тогда гляди, сволочь!

И, размахнувшись, швырнул сумку с деньгами в реку.

— Ой! — воскликнула Клавка.— Чегой-то он?!

Голос Клавки еще не умолк, когда сумка, описав крутую дугу, как черная неуклюжая птица, упала в реку. Течение сразу поволокло ее, отбивая как-то все дальше и дальше от берега.

Едва сумка плюхнулась в воду, Макшеев сорвался с места и, будто намереваясь кинуться за ней в реку, торопливо сделал несколько шагов вниз по течению. Но потом замедлил шаги, остановился...

Сумка, чернея на светло-желтой воде, уплывала все дальше. Молча смотрели на нее Ленька-тракторист, Клавка, Демидов... Молча смотрел и Макшеев. Он стоял сутулясь, безвольно опустив вниз руки, спиной к деревне и к людям...

Когда черное пятно на воде исчезло — то ли сумка потонула, то ли просто уплыла из вида,— Макшеев сел на песок, низко уронил голову.

— Да что... что это он сделал?! — опять воскликнула Клавка.— Что в сумке-то было?

— Ничего там не было,— ответил Демидов.

При этих словах Ленька-тракторист, давно стригущий посерьезневшими глазами то Макшеева, то Демидова, явно пытаясь разгадать, что же произошло между этими людьми, и, может быть, догадываясь даже о чем-то, еще раз сквозь прищуренные веки пристально поглядел на Демидова и повернулся к Клавке:

— Ну, пойдем отсюда.— И взял девушку за руку.

— Дурак. Вот дурак! — проговорила Клавка осуждающе в сторону Макшеева.— Сумка была ведь почти новая, кожаная. Рублей двадцать, однако, стоит.

— Ага... Сумку жалко,— сказал Демидов.

13

Опять зарядили дожди над Дубровинской тайгой, лес стоял мокрый и унылый. Катила и катила Обь бесконечные и бесшумные волны, но если поднимался ветер, река вскипала от злости и, раскачавшись, била и била в каменистые берега всей своей тяжестью.

За остаток лета и за всю осень Демидов ни видел Макшеева ни разу. Тот будто сквозь землю провалился.

Жена его Мария тоже начала вдруг сохнуть, как и сам Макшеев, стареть прямо на виду. Щеки ее поблекли и смялись, за прилавком она стояла растрепанная, с вечно распухшими глазами, видно, она часто и много плакала.

— Взяла бы ты себя в руки, Марька,— сказал ей однажды Демидов.— Смотреть на тебя тошно.

— Что ты сделал, паразит такой, с Денисом моим?! Что сделал? — истерично закричала она.

Павел торопливо ушел из магазина.

Когда расхлябанная дождями земля начала от утренних заморозков костенеть, а с неба нет-нет да и просыпались снежинки, Мария заявилась вдруг к Павлу домой, прислонилась к дверному косяку, зажала лицо платком и опять произнесла сквозь слезы, как в магазине:

— Что ты сделал с Денисом моим? Что сделал?

— Погоди, погоди,— вскочил Павел растерянно.— Сядь, что ли, проходи...

Он усадил ее возле стола, она немного успокоилась, всхлипывала только время от времени и глядела тоскливо в окно, постаревшая, неприглядная.

— Что с ним, с Денисием? — тихо спросил Павел.

— Что... Лежит в дому, как барсук в норе, который месяц на улицу не выходит... Ворочается, будто жжет у него все внутри. Зубами скрежещет по ночам — страшно прямо... Пить начал вот. Ты бросил, а он начал.

— А его и жжет, Мария... Собственное паскудство мучает его теперь, сжигает.

— Я знаю,— вздохнула женщина.— Как он тебя костерит, напившись-то! По косточкам разламывает. Взял, орет, человечье превосходство надо мной, думает? Ишь, простил мне все, из реки выволок и денег не принял за спасение. Ишь, тебя ремнем отхлестал! Благородный какой...

— Я вот все думаю, Мария... Он ладно. Я теперь не удивляюсь, что он прислал тогда тебя ко мне в сторожку. А ты сама-то как на такое... на это решилась?

— Ты полегче чего спросил бы! — воскликнула она.— Дура, битком набитая дура я...— И, захлебываясь хлынувшими опять слезами, продолжала: — Ты еще не знаешь, какая я стерва-то... не лучше Дениса. Что ты в молодости во мне нашел? Ведь тогда, как ты на уговор про свадьбу приходил к нам... я знала, что Денис возле риги тебя ждать будет. Он мне наказал — ты напои его посильней, чтоб память ему отшибло. А какая, грит, останется, я до аккуратной пустоты выколочу. И я постаралась...

— Я это знаю... сразу догадался,— глухо уронил Демидов.

— Ну вот... А это к сторожке — что уж мне...

Демидов полез за папиросой, задымил.

— Вот ты говорил недавно: ни бабы, ни человека из меня не выросло. Так оно и есть... Я бы другая вышла, может, не попадись мне на пути Денис. Да что теперь! Ты, а вместе с тобой и та, другая жизнь, которая у меня могла быть, стороной прошли.

— Да, уж теперь-то что,— согласился с ней Демидов.

— Отчего он бесится особенно — не может постичь, как это ты простил его? Когда спас от гибели — он думал: на деньги большие наконец-то позарился. Ага, говорит, люди все одинаковые! Сейчас их ему не жалко, а то, что себе ты их не взял... Без выгоды, значит, рисковал тогда собой, без выгоды спас и до конца не оставил злости, простил. Почему, стонет, почему?

— Это все обыкновенно понять, Мария,— сказал Демидов.— Не могу я больше с ненавистью в душе жить. Тяжко стало. Отдохнуть захотелось.

Женщина глядела на него теперь удивленно.

— Непонятно. И мне непонятно... Он тебе жизнь изломал, всю перековеркал. Он и я... А ты прощаешь...

— Ну да, прощаю! — вдруг начал сердиться Демидов.— Но только он отчего мучается-то? Отчего его жар сжигает? Он, я соображаю, понимать начал — не передо мной он только виноватый, а перед всеми людьми, перед землей, на которой живет... Свое я ему прощаю, а люди не простят никогда! Ни ему, ни тебе. Потому что если прощать будут таким... и за такое — что же на земле будет?

Мария посидела еще, обдумывая его слова, встала, медленно пошла к дверям. Там остановилась, опять прижалась спиной к косяку.

— Вот зачем я приходила? — произнесла она негромко, измученным голосом. Потом долго терла обеими руками щеки. Уронила руки, вытянулась сильно и туго. Щеки ее были теперь такие же белые, как стен-

ка, возле которой она стояла, глаза блестели нездоровым блеском.— Я вот что, Павел, приходила... Не надо, не надо было тебе его из полыньи вытаскивать... Так лучше было бы. И для него и для меня...

— Эвон что! А ты поняла б меня, коли я не вытащил? Мог, а вот не захотел...

— А кто узнал бы? Один на один вы были...

— Да-а... А сам-то бы я забыл, что ли, об этом? Взял бы да и забыл?

Мария стояла, все так же сильно вытянувшись, будто прибитая к стенке. Она долго пыталась поймать смысл его последних слов, а может, смысл всего разговора. И вдруг, заломив руки, закричала, как подрезанная:

— Господи! Счастье-то какое мимо меня прошло!

И с этим криком выбежала на улицу.

14

Зима начиналась тощая, бесснежная. Обь стала неделю назад, а земля была почти голой. Так, сантиметра на два была она присыпана сухой крупкой, на дубровинских улицах торчали острые гребни затвердевшей грязи. Не проехать было по улицам ни на санях, ни на телеге.

В пятницу ударил вдруг такой мороз, что в тайге гулко застреляли, лопаясь деревья.

Под вечер, как всегда, несмотря на адский холод, нагрянули из города рыбаки, до полночи стучали в закрытые ставни макшеевского дома, хотя привычное для них оконце не горело и Мария прилепила там бумажку с крупными буквами: «Водки нет».

— Стучат... Вот я возьму кочергу да постучу им выйду,— несколько раз говорил Денис Макшеев желчно, расхаживая по комнате в нижней рубахе.

Потом он каждый раз садился к столу, ставил на него локти, зажимал руками голову и сидел так долго, копя — знала Мария — ненависть к ней. И, накопив, бросал через всю комнату, чуть поворачивая заросшее грязными волосами лицо:

— Сука ты! Сучка вонючая... Ты во всем виноватая!

Денис дошел до края, это Мария видела и понимала. Он последний месяц грыз ее за то, что не смогла она тогда в лесу соблазнить Демидова.

— Подстелилась бы ты под него, он отстал бы от нас, я знаю, знаю... А ты, кобыла, этого не сумела.

Сперва Мария возмущалась на такие слова, обижалась, плакала.

— С-сыть! Распустила сопли! — гремел Макшеев.— Не понимаешь, что ли?! Сумела б полюбовницей его сделаться — он бы не стал меня из реки вытаскивать. А он вытащил, он рассчитал все: живи, мол, и размышляй, какая ты плесень и какой я человек хороший...

— Денис, да что об этом думать? — умоляла она его.— Уедем отсюда! Он теперь за нами не потащится.

— Уедем... Пробовали! Не уехать теперь от этого никуда.

Мария чувствовала, как тупеет что-то у нее в груди, в голове.

Где-то за полночь рыбаки стучать в ставни перестали, угомонились, а Макшеев все ходил и ходил по комнате. Затем полез в чулан, выволок рыболовные снасти — удочку-подергушку, черпак, пешню. Пешню он долго осматривал, трогал острый конец, пробовал зачем-то на вес.

— Никак и ты рыбачить собираешься?— приподняла Мария с кровати растрепанную голову.

— Не провалюсь теперь, не бойся,—ответил он со смешком.— Лед сейчас уже крепкий — грузовик вчерась переезжал на тот берег.

Приготовив снасти, он лег, но не спал, все ворочался, все сопел глухо. Встал поздно, когда уж рассвело.

Молча он позавтракал, выпил полный стакан водки. Посидел, подумал, выпил еще один стакан.

— Чтоб теплее было,— пояснил вдруг.—

Ночью отдало вроде, ишь, окна оттаяли. Да не лето все же...

Затем он надел тужурку, баранью шапку, собрал снасти и ушел, бросив от порога вчерашнее:

— Да... Не уехать теперь от этого никуда.

Оставшись одна в доме, Мария убрала со стола, оделась, пошла в магазин на работу. И когда убирала со стола и когда шагала по кочковатой улице, все думала об этих последних словах мужа. Она слышала их не однажды, знала, какое содержание вкладывает в них Денис. Однако на этот раз в голосе мужа было что-то новое, непонятное, пугающее. Голос был, как обычно, с хрипотцой, но в нем не чувствовалось, как всегда, ни злости, ни бессильной ярости. Голос был равнодушный, безразличный к тому смыслу, какой заключали слова, и это настораживало, беспокоило ее все сильнее и сильнее. К тому же, говоря их, Денис криво усмехнулся, лицо его перекосило, оно было все перепахано судорогой, и глаза блеснули тупо, бессмысленно, потухающим каким-то светом...

Мария вспомнила выражение его лица и блеск его глаз, уже дойдя до магазина, открывая замок на дверях. И тут ей ударило больно в голову: а наживки-то?! Раньше, собираясь на рыбалку, Денис загодя готовил всякие наживки, долго возился с ними. А сейчас даже и не подумал о них! Какая ж тогда рыбалка? Господи, да ведь он...

Дрожащими руками она выдернула ключ из полуоткрытого замка, но тут же уронила его на землю, искать не стала, потому что не заметила даже, что уронила, кинулась вдоль улицы к берегу. Зачем бежала, что могло случиться с Денисом там, на реке? Лед окреп, он вчера выдержал грузовик. Но она бежала, не понимая еще, зачем, какая-то сила толкала и толкала ее вперед, а в голове звенели и звенели разламывающие череп звоны...

15

...Выйдя из дома, Макшеев глотнул холодного свежего воздуха, глотнул неосторожно много, до крови, казалось, оцарапав изнутри всю грудь. Хмеля он не чувствовал, хотя только что выпил целую бутылку, но тут голова вдруг сильно закружилась. Впрочем, это быстро прошло, и он широко зашагал к реке, держа тяжелую пешню наперевес, прижимая ее локтем к боку.

Все речное пространство за островком, у противоположного берега, было усеяно рыбаками, как ночное небо звездами. Они сидели то кучами, то россыпью, кое-где стояли на льду брезентовые палатки.

Денис Макшеев, сосредоточенно глядя себе под ноги, точно боялся оступиться, пошел к островку.

Первого, кого он увидел, обогнув островок, был Демидов. Рядом над лункой сидел приемный сын его Гринька, старательно работал подергушкой. Он раскраснелся, глаза его от азарта поблескивали. Клев был отменный, возле лунок Демидова и Гриньки валялось десятка по три окаменевших рыбин.

— Окунь, значит, один идет? — вдруг останавливаясь, проговорил Макшеев.

Демидов глянул на него, но ничего не ответил, отвернулся к лунке.

— А сын-то, ишь...

— Что сын?

— Ловко, говорю, того... Наловчился уж.

Демидов снова поднял недоумевающее лицо. Макшеев усмехнулся как-то странно, одной стороной лица. Будто не усмехнулся даже, а подмигнул заговорщически.

— И правильно, пусть... Нету радостней занятия, кто поймет... Рыбалка-то...

Он пошел дальше. Но вдруг остановился, произнес, тускло поблескивая двумя металлическими зубами:

— Я так и рассчитывал, что ты тут, дядя... Да, я знал...

Его непонятная усмешка, его слова, особенно последние, это любимое им в молодости словечко «дядя» — все не понравилось Демидову, чем-то обеспокоило, вызвало нехорошее чувство. Он забыл про свою удочку, не отрываясь, стал глядеть на Макшеева.

А Макшеев никак, видимо, не мог выбрать место для лунки, все ходил и ходил меж рыбаков. Наконец выбрал, кажется, принялся долбить лед в сторонке от всех. Долбил он долго, раза три нагибался, вычерпывая из лунки ледяные крошки.

«Лед-то всего ничего, сантиметров десять, а он столько возится,— отметил про себя Демидов.— Обессилел, что ли, совсем?»

Павел хотел заняться своей удочкой, но в это время Макшеев бросил пешню. Он отшвырнул ее далеко, будто ненужную, мешающую ему вещь. Демидов быстро положил на лед свою подергушку, жесткие, выцветшие брови его дрогнули, сдвинулись. Умом он ничего не мог еще сообразить, а в сердце больно кольнуло раз, другой...

А Макшеев меж тем вдруг расстегнул и сбросил на лед полушубок. Демидов вскочил, чувствуя, как дрожат колени, не сам вскочил, подняла его будто какая-то посторонняя сила. Сознание же все еще не работало.

— Дени-ис! Держите его! Помешайте! Держите-е!.. — разнесся над белой рекой пронзительный женский голос. Он был страшен, этот голос, своей неожиданностью и мольбой о помощи. Рыбаки повскакивали, не понимая, кто и почему кричит, о чем умоляет: лед, кажется, крепкий, надежный, провалиться никто не мог.

Только Демидов все понял наконец, сорвался с места, тяжко побежал к Макшееву. Гринька испуганно глядел вслед отцу.

А Макшеев стоял возле продолбленной им широкой, диаметром чуть не в метр, дырки во льду. Стоял, вытянувшись в струнку, как суслик перед норкой, и будто терпеливо ждал, когда подбежит к нему Демидов. Грудь его ходила толчками, лицо было багрово-темным. Трясущейся рукой он расстегнул воротник рубахи-косоворотки, словно он жал, не давал дышать.

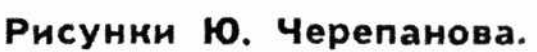
Когда Демидов был метрах в пяти, Макшеев крепко прижал к туловищу руки, шагнул в прорубь и столбом рухнул вниз. Из проруби на лед тяжело плеснулась вода.

Борис ПРИВАЛОВ

ПРО ФУТБОЛ

Психологические рассказы из репертуара доктора Аллопатова.

Рисунки Ю. Черепанова.

Кандидата медицинских наук Александра Петровича Лопатова называли Аллопатовым из-за подписи — Ал. Лопатов. За долгие годы он так к этому привык, что когда его называли Александром Петровичем, то он даже не сразу понимал, что это обращаются к нему.

Медицинская специальность доктора — спортивная травматология. Он работал врачом в командах штангистов, футболистов, хоккеистов, каноистов, шахматистов и шашистов-стоклеточников.

Аллопатова очень любили тренеры. Когда он оказывался свободным, из-за него сразу же начинались междоусобные конфликты: каждый руководитель команды хотел завладеть доктором. Секрет его популярности заключался в том, что, кроме умелого врачевания, Аллопатов обладал еще одним несекретным, но мощным талантом. Один из крупнейших тренеров современности (не будем называть его фамилии, чтобы у него не закружилась голова) сказал об Аллопатове просто, ясно, без словесных выкрутас:

— Его следует применять как патентованное тонизирующее средство, снимающее нервные нагрузки у спортсменов, поддающихся стартовой лихорадке и предматчевым неврозам.

Талант же доктора был таков: он помнил уйму спортивных баек и всегда охотно их рассказывал. А что такое вовремя рассказанная веселая спортивная байка? Это же

классическая психотерапия! Поэтому аллопатовские рассказы, имеющие большую славу среди спортсменов, прозвали психологическими байками. Сокращенно — психбаями.

Когда команда нервничала перед выходом на поле, то тренер шептал доктору: «Аллопатыч, сегодня тяжелый случай... Нужна максимальная доза — три психбая».

Или: «Настроение в принципе бодрое... Один психбай для общего тонуса, и мы будем в полной норме!»

...Когда я встречаюсь с Аллопатычем, то всегда стараюсь вытянуть из него хотя бы один психбай. Расспрашиваю и старых спортсменов. Так вот и собралось у меня кое-что из аллопатовского репертуара.

СПОРТИВНАЯ ТАЙНА

Вы заметили, что в последнее время футболисты обеих команд довольно часто выходят на поле в почти одинаковых по цвету майках и трусах? Неоднократно телевизионные комментаторы извинялись перед зрителями за то, что «черно-белое» изображение не дает возможности различить, кто за кого играет.

— Покупайте цветные телевизоры,— пошутил даже как-то один из комментаторов и добавил:—А пока вы можете различить игроков по цвету бутс — у гостей они несколько более светлого тона, чем у хозяев поля.

Почему же сейчас стало так модно одевать команды одинаково? Во всем виноват Кондратий Пешкин из «Иволги», бывший левый инсайд, а ныне освобожденный полузащитник для особых поручений тренера.

В прошлом сезоне, когда Кондратий играл в «Нарве», там произошло ЧП. Сема, вратарь «Нарвы», хороший, некурящий семьянин, любитель культпоходов, имеющий 67% прыгучести Яшина и добротное хобби, утвержденное тренером (собирал бабочки — не те, которые летают, а те, которые галстуки), оказался хроническим дальтоником! И хотя бы путал только красное с зеленым — нет! Он оказался дальтоником, состоящим на особом учете. Сами понимаете: на особый учет зря не ставят. Сема обладал почти черно-белым зрением. Вы еще помните кино доцветного периода? Тогда вы понимаете Сему. В виде исключения, он из всех цветов радуги слегка улавливал не то палевый и фисташковый, не то оливковый и кремовый, причем обычно безбожно путал и те и другие. Для исследования Семиного глазного дна организовывались специальные научные экспедиции, а иногда его вызывали на какие-то анализы в институт уха, глаза и носа или как он там называется. Сема объяснял команде эти подозрительные вызовы тем, что он якобы в прошлом году подал заявление на удаление гланд и, видимо, с ним хотят предварительно побеседовать.

Однако сколько веревочке ни виться, а конец обнаружится. Так вышло и с Семой: в одном выездном матче он пропустил «пенку» — легкий верхний мяч. Забил его молодой нападающий открыто, на виду у Семы.

Во время разбора игры выяснилось: увидев перед собой этого форварда, Сема решил, что перед ним кто-то из своих.

— Я вас умоляю,— болезненно сморщился тренер.— Что вы говорите, Семочка? Они же в зеленых майках, а мы — в оранжевых!

Семка заспорил, что соперники играли тоже во всем оранжевом. Слово за слово, тайна вылезла наружу, поглядела на всех таинственными глазами, и тренеру чуть не стало дурно.

— Если кто-нибудь кому-нибудь про это расскажет,— сказал грозно начальник команды, бывший чемпион мира по вольной борьбе,— сами знаете, что с тем будет. Это спортивная тайна! Не хватало только, чтобы все узнали: в воротах «Нарвы» стоит дальтоник с осложнениями на глазном дне!

Все шло нормально до той поры, пока Кондратий Пешкин не перешел в «Иволгу». Уходя, он клялся, положив руку на коллективное фото команды, что тайну сохранит.

Но на первый же матч с «Нарвой» «Иволга» вышла в темно-зеленых майках вместо своих обычных белых, сославшись на то, что у них на базе испортилась стиральная машина!

— Ах, подлец Пешкин! — застонал тренер.— Ну, ладно, мы тоже не лыком шиты!

«Нарва», прекратив разминку, ушла в раздевалку и вышла на поле в белых майках.

Судья удивился, но начальник команды объяснил, что ходят слухи, будто второй тайм будут транслировать по телевидению, а на экранах оранжевый и темно-зеленый цвета неразличимы.

На этот раз все обошлось, а Кондратия за разглашение спортивной тайны решено было подвергнуть бойкоту — на поле с ним никто не разговаривал, анекдотов не рассказывал и даже не ругался. Из-за этого он чувствовал себя не в своей тарелке, и тренер «Иволги» заменил его на 25-й минуте.

А потом выяснилось, что есть вратари-дальтоники и в классе «А»! Но о них говорить не хочу: я не Кондратий Пешкин и умею хранить спортивные тайны.

Историю же с Семой я всегда вспоминаю, когда вижу на поле почти одинаково одетые команды. И каждый раз гадаю: что это—элементарное неуважение к зрителю или опять кто-то встал на скользкую тропу не к ночи будь помянутого Кондратия Пешкина?

РОКОВАЯ КОНТУЗИЯ

Жил да был один очень симпатичный левый защитник Витя Хволынцев. Да, да, тот самый, который забил в собственные ворота решающий гол в матче «Энергетика» и «Каратау», когда они сражались за первое место. Счет был по нулям, инициатива целиком в ногах Витиного «Каратау» — все шло как надо.

И вот Хволынцев идет с мячом к штрафной площадке соперников. Его сбивают. Он повалялся секунд тридцать, отдышался и побежал назад, к себе в зону. А по дороге — так уж вышло — ему открывает мяч один из форвардов «Каратау». Витя в одно касание, с ходу, засаживает этот мяч в собственные ворота. Вратарь, понятно, моргнуть не успел: ведь кто бил-то? Свой же брат — защитник!

Матч проиграли. Хволынцев впал в душевную депрессию, и меня пригласили его из нее вытаскивать. Потому что футбол футболом, а защитник тоже человек.

Приехал я. Вижу—типичный психический шок. Парень ни на что, даже на детективные телепередачи, не реагирует. Каждые пять секунд хватается за голову и поносит какого-то Николая Егоровича предпоследними, а иной раз и последними словами.

Долго я с Хволынцевым бился, пока расшифровал его заболевание.

Оказалось же оно очень простым. Года два назад Витя впервые начал играть по мастерам в команде «Малая Невка». Все у него шло хорошо и перспективно, пока на горизонте не появился змий-искуситель Николай Егорович, специалист по обнаруживанию талантов в группе «Б» на предмет реализации их в группу «А».

Хволынцева он окрутил в мгновение ока — посулил небольшую золотую гору и малогабаритную квартиру. Перспективный, но морально неустойчивый Витя тотчас же перебежал из «Малой Невки» в «Большую Палиху».

Сами знаете: лиха беда начало. Столичная золотая гора оказалась медным холмиком, малогабаритная квартира — комнатой в общежитии, а левый защитник перебрался в «Маяк». Там он обосновался довольно уютно, но змий Николай Егорович перетащил его в «Водник», соблазнив персональным моторным катером. Через полгода Витя ушел в «Желоб», оттуда — в какое-то из «Динам», побывал затем в «Спартаке», в «Шахтере» и пошел даже по второму кругу: снова очутился в «Малой Невке».

Дело в том, что защитник он был надежный, грамотный, понятливый. Да еще в те годы всюду, как грибы после дождя, родились форварды, а на защитников был неурожай. Потому и крутился змий вокруг Хволынцева постоянно, то на юг его сманивал, то на север тянул, то на восток увозил.

А в том решающем матче, когда Витя ударил по собственным воротам, во всем была виновата контузия. Я уже говорил: Витя пошел в глубокий рейд по тылам противника. Потом неудачно сыграл головой в высоком прыжке. Вместо мяча ударился о кого-то. Стукнулся довольно реально: голова загудела. Как говорят боксеры, он вошел в состояние «грогги» — все вокруг плывет и нет четкой видимости. Лег Витя на травку. Старый приятель, защитник «энергетиков», рядом стоит, беспокоится:

— Что ты, Витек? Зашибся, родимый? Может, врача позвать — он тебе таблетки от головной боли даст?

— Спасибо, друг Костик! — прочувствованно ответил ему Витя, обретая постепенно ясность ориентировки.— В мозгах у меня порядок, очухался вроде.

— А чего к нам не заходишь? — продолжал Костик.— Жена о тебе спрашивала, теща добрым словом вспоминала. Они тебя любят, моито.

— Кланяйся им,— вставая и потирая лоб, проговорил Витя.— Теще скажи, что если про ее пельмени вспоминаю — так меня озноб начинает бить. Ох, мастер она по пельменям...

— Значит, зайдешь на днях?

— Ясное дело! — бодро молвил Витя и, думая о том, какие еще есть на свете хорошие кореши, побежал к себе в зону.

Точнее говоря, побежали его ноги в нужном направлении, а в голове была по-прежнему некоторая каша. В этот момент Витя почему-то был абсолютно убежден, что он играет со своим другом Костей в одной команде. И родные ворота его, те, которые нужно защищать до последней капли пота, находятся сзади.

Немного удивляясь, почему его никто не сторожит, он добежал до штрафной площадки «Каратау», вошел в нее.

«А Васька-то нынче какой спокойный! — подумал он о вратаре.— Зазнался, мастерище!»

В этот момент — Витя даже не успел удивиться такому счастливому случаю — кто-то из форвардов «Каратау» отпасовал ему мяч. И тут сработал рефлекс нога—мяч—ворота: хлоп — и выньте шарик из сетки!

«А Васька, Васька-то рот разинул! — радостно подумал Витя, услышав реактивный гул трибун.— Не будешь больше зазнаваться!»

И только тут, вдруг, как-то сразу, он сообразил, вспомнил, ощутил всем телом, что сегодня-то он играет не за команду сине-белых «энергетиков», а за...

...Да, уж крыл он подколодного змия Николая Егоровича почем зря. Ведь если б не он, разве Хволынцев запутался бы среди сине-красно-зелено-желто-белых?!

...Как гласит легенда, с той поры и запретили игрокам среди сезона переходить из клуба в клуб...

— Папка-а! — в ужасе закричал Гринька, оказавшись рядом.—Это... что? Это что?!

Мальчишка был бледный, как снег. Демидов цепко схватил его, прижал к себе, точно опасаясь, что и Гринька может прыгнуть в воду, под лед.

— Ничего, сынок... Ничего. Он, дядька Денис, оступился, видишь...— бессвязно зашептал Павел.— На льду-то осторожно надо, опасно всегда. А он не поберегся... подскользнулся и упал...

Они стояли так, прижавшись друг к дружке, и тупо глядели, как в проруби бурлит черная вода. Эта вода крутила и крутила размокшую баранью шапку Дениса Макшеева, а потом уволокла ее под лед.

Отовсюду бежали люди к тому месту, где стояли Демидов с Гринькой. Только Мария уже не бежала. Увидев, что муж рухнул в прорубь, она остановилась, будто наткнулась на крепкую стенку, постояла, подломилась в коленках, потом в поясе и упала головой вниз.

Она и не плакала вроде, голоса ее не было слышно. Лишь тело ее крупно тряслось...

Недели две Павел Демидов и сын его Гринька жили молча, изредка переговариваясь только о самом необходимом.

Но однажды вечером, лежа в кровати, Гринька вдруг спросил из темноты:

— Ты говоришь: он подскользнулся и упал в лунку, дядя Денис... А зачем он лунку такую большую сделал?

— Ну, зачем? Узкая лунка скоро замерзает, приходится время от времени ее раздалбливать. А широкой на всю рыбалку хватит.

Но чувствуя, что объяснение его может не убедить Гриньку, стал говорить дальше:

— А потом, бывает, возьмет окунище шире лопаты. Как вытащить? Пока раздалбливаешь лунку пошире, окунь и сойдет. А Денис — он жадный был на рыбу. Вот и раздолбил сразу, на всякий случай...

Павел и еще что-то говорил сыну такое же неубедительное, упорно пытаясь уверить сына, что две недели назад произошел на льду обыкновенный несчастный случай.

— А ты его жалеешь, пап? — спросил Гринька, прервав объяснения отца.

— Нет, сынок,— помедлив, сказал Демидов.— Он был шибко подлым человеком.

— Что ж, тогда я прав был: добрых людей земля любит, а нехороших и сама наказать умеет.

— Спи, сынок. Что ж теперь об этом думать? Уроки все выучил на завтра?

— Все.

— Ну и спи.

Но Гринька долго еще ворочался, вздыхал, как взрослый. И, засыпая наконец, произнес:

— А страшно, должно быть, подлым людям один на один с землей оставаться? А, пап?

— Им страшнее, видать, с совестью своей один на один встретиться, сынок.

— Это как?

— Никак! Спи, якорь тебя! — рассердился Павел, но скорее сам на себя, за свои последние слова.

Гринька еще не понимал, а Демидов и не хотел, чтобы он так рано понял, что на древней земле под древней луной произошла одна из вековечных драм человеческих...

Говард ГИБСОН,
английский журналист
СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ «ОГОНЬКА»

НИКАКОГО ОРУЖИЯ

Толпы взволнованных лондонцев собрались у английского парламента. В этот день здесь шли острые дебаты по вопросу о поставках оружия расистам Южной Африки.

Фото ЮПИ.

Недавно пришедшее к власти в Англии правительство консерваторов с неприличной поспешностью объявило о своем намерении продавать оружие Южной Африке. Это вызвало неистовую реакцию в Британском содружестве наций.

Сотни замбийских студентов, прорвав полицейский заслон, штурмовали резиденцию английского верховного комиссариата в Лусаке и разорвали в клочки «Юнион Джек»*. Президент Замбии Кеннет Каунда созвал срочное заседание кабинета. Затем он по телефону известил английского премьер-министра, что решение послать английское оружие Южной Африке приведет к «тяжелым последствиям»...

В Уганде полиции пришлось использовать слезоточивый газ, чтобы разогнать демонстрации студентов Университета Макерере в Кампале против намерения Англии продать оружие ЮАР. Президент А. М. Оботе собрал свой кабинет на спешное совещание, чтобы обсудить «грустную новость». Президент Уганды также звонил мистеру Хиту и, очевидно, жаловался на то, что английский премьер-министр готов пренебречь интересами остальной Африки, и в особенности африканских стран, входящих в Содружество наций, ради защиты интересов белого меньшинства в Южной Африке.

В Танзании существовала угроза, что отношения с Англией будут разорваны немедленно, как только английское правительство заявило о предполагаемом нарушении эмбарго на продажу оружия Южной Африке. Но предполагавшееся заявление вице-президента Танзании было отменено. Это объясняют здесь как намерение дать английскому правительству время для отступления. Однако, как подчеркнул министр иностранных дел сэр Алек Дуглас Хьюм, это «должно быть решением английского правительства, и никто не сможет сделать это за нас».

Руководители трех африканских стран — Замбии, Уганды и Танзании — на своей встрече в столице Танзании Дар-эс-Саламе пришли к соглашению проводить общий курс в отношении Великобритании, если она действительно примет решение начать торговлю оружием с Преторией. Обозреватели сейчас уверены, что личные секретные письма трех президентов мистеру Хиту содержат угрозу одновременно покинуть содружество.

В Индии ряд парламентариев также потребовал, чтобы субконтинент покинул содружество, а Чандра Шекар от партии Индийский Национальный конгресс предложил встречу всех стран содружества с тем, чтобы исключить из него Англию. Замбия представила в Совет Безопасности ООН резолюцию, осуждающую сделку с оружием.

Представители британского министерства иностранных дел дали знать, что английское правительство удивлено горячностью реакции в содружестве и ООН. Премьер Хит отказался опубликовать свои пись-

* Государственный флаг Великобритании.

СИМФОНИЯ ХУМАНА

Еще звучит в ушах удивительная музыка ивановской Симфонии Хумана — задумчивая, нежная и мудрая. А сегодня мы сидим в маленьком кабинете Яниса Андреевича Иванова, полном книг...

Симфония композитору далась не просто. Она не только очередная — тринадцатая, она подлинный синтез жизненного и творческого опыта художника, кульминация его таланта. Симфония посвящена Ленину.

— Объять Лениниану не может ни один художник,— говорит Янис Иванов, народный артист СССР.— Тема эта — океан. Силам одного человека она не подвластна. И я не гнался за несбыточным. Но если в прошлой своей симфонии — «Энергетика» — я стремился средствами музыки воссоздать великую активность революции, то теперь хотел поделиться мыслями о силе ленинского гуманизма (отсюда и название симфонии), о человечности, за которую Ленина любят все народы мира.

Первая часть симфонии — анданте. Раннее утро, встает солнце. Тихая гладь озера. Медленно тают капли росы. Взгляд Володи Ульянова, открывающий дальние дали, открывающий Человека...

Вторую часть — аллегро — начинают трубы. Она мажорна, в ней звучит наша современность, победа добра над злом.

Третья часть — модерато. Будущее. Ленинская идея любви к людям, побеждающая во вселенной. Звучит тема космоса, тема вечности. И наша клятва верности Ленину.

Перед каждой частью — «Прелюдио декламато», а в конце — «Постлюдио». Но «декламато» — неточное выражение. Белые стихи Зиедониса Пурвса, прочитанные юным артистом, студентом Улдисом Нюренбергом, не просто иллюстрации к музыке. Речь чтеца звучит на тонком, прозрачном музыкальном фоне, словно подсвеченная музыкой...

Янис Иванов создавал свою симфонию кровью сердца. Музыкальный язык его нового произведения своеобразен, современен и гармоничен. Симфония Хумана — значительное событие в нашей культуре.

Ольга МАКАРОВА

Фото К. Лесенко.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Возникшая из народной песни, новая монгольская поэзия очень молода — ей всего полвека,— но очень богата. Лишь небольшую часть этого богатства представляет сборник «Мелодии Монголии», в который вошли произведения двадцати поэтов, рассказывающих «о расцвете Монголии новой», воспевающих «красоты родины своей счастливой». Звучные и музыкальные стихи основоположника монгольской поэзии Д. Нацагдоржа, поэтов Ц. Дамдинсурэна и Б. Ринчена, Ч. Чимида и Д. Сэнгээ, Ч. Лхамсурэна и Б. Явуухулана переполнены горячими патриотическими чувствами, чувством братской любви к России, стремлением построить

Такое большое счастье,
Чтоб всей вселенной сияло
На десять тысячелетий!

Маленький этот сборник многокрасочен: здесь и тонкая, нежная лирика, и остро отточенные иронические строки, и гневная, страстная публицистика. О «пылающем под бомбами Вьетнаме» пишет Ш. Дулмаа в стихотворении «Перед вами играют дети»; с призывом уничтожить войну, разбить замыслы империалистов выступает Ц. Гайтав.

Предисловие к сборнику написано Е. Долматовским, ему же принадлежит значительная часть переводов.

«Разве матери не должны быть врага? Разве американцы и дьемовцы щадят нас и наших детей?» — говорит И Хоа, героиня рассказа Ван Тханя. Ей двадцать пять лет. «Вся ее семья принимает участие в революции». Уходя с партизанами, И Хоа несет за спиной свою маленькую дочку. «Ее ребенок привык к выстрелам,— объясняют партизаны.— Чем больше стреляют, тем он крепче спит».

Неподдельной правдой жизни, пафосом борьбы за освобождение родины дышат рассказы писателей Южного Вьетнама, собранные в книге «Ночные костры». Авторы пяти составляющих ее рассказов — известный новеллист Фан Ты и писатели — члены освободительной ассоциации культуры Южного Вьетнама: Ань Дык, Ван Тхань, Лам Донг и Нгуен Шанг.

Повествуя о разных этапах освободительного движения, эти писатели показывают в своих произведениях, как зарождался и рос отпор вьетнамского народа захватчикам.

РАСИСТАМ!

ма главам стран содружества, но в печать просочилось заявление, в котором говорится: «Мы решили вернуться к прежней политике предоставления оружия ЮАР».

Правительство мотивирует свое решение необходимостью выполнить так называемое саймонстаунское соглашение о совместной защите морских путей вокруг мыса Доброй Надежды военно-морскими силами Англии и Южной Африки. Южноафриканские расисты, ссылаясь на это соглашение, требуют гарантий (которых по конституции британское правительство дать не может), что любой преемник нынешнего обитателя дома 10 на Даунинг-стрит (здесь находится резиденция премьер-министра) будет придерживаться новых обязательств о поставках оружия.

Во время парламентских дебатов министр иностранных дел использовал все аргументы, в том числе и потрепанный миф о «советской угрозе». Но сэр Алек не мог не сказать и о главной причине: английские капиталы в Южной Африке исчисляются миллиардом фунтов стерлингов, а объем британской торговли в этом районе — тремястами миллионами; поэтому «совместно поддерживать порядок здесь должны адекватные военно-морские силы Англии и Южной Африки». Ни для кого не секрет, что правительство Южной Африки не нуждается в английском оружии для защиты от какой-то мифической угрозы извне. Расисты вооружаются для репрессий против африканского большинства внутри или вне страны. Например, боевые самолеты «Бананир», уже поставленные Южной Африке, являются не оружием противоводочной обороны — так оправдывали их поставку,— а благодаря своей большой грузоподъемности служат идеальным средством доставки противопехотного оружия.

По требованию лейбористской оппозиции в палате общин состоялись специальные прения по вопросу о намерении правительства возобновить поставки оружия ЮАР. В представленной на обсуждение палаты общин резолюции недоверия правительству говорится, что намерение возобновить поставку оружия «противоречит решению Организации Объединенных Наций, создает угрозу для самого существования Содружества наций как межрасовой организации и наносит ущерб политическим, экономическим и стратегическим интересам страны».

В ходе прений представители лейбористской партии подчеркивали, что возобновление поставок вооружения ЮАР является не чем иным, как поощрением расистского режима Претории. Они призвали правительство отказаться от этого намерения.

Никакого оружия Южной Африке — это требование повторяется в многочисленных письмах протеста и резолюциях, которые присылают премьеру Хиту лейбористы, либералы, коммунисты, противники апартеида, участники движения за свободу колоний.

Лондон. Передано через АПН.

Переводы рассказов выполнены Валентином Семеновым.

«Богата, красочна, разнообразна поэзия Индии. Подобно огромному, многогранному зеркалу, правдиво отражает она все сложные явления и события в жизни индийского народа, его труды и мечты, горести и надежды, его упорную борьбу за мир и справедливость, за счастье и процветание своей родины». Эти слова взяты из предисловия Е. П. Челышева к сборнику «Голоса индийских друзей».

В книгу включены стихи восемнадцати авторов — представителей бенгальской, пенджабской, малаяльской литературы, поэтов, пишущих на языках хинди, урду, телугу. Среди них широко известные имена Мухаммада Икбала, Валлатхола, Назрула Ислама, Амриты Притам, Ш. Мукхопадхая. Открывается сборник стихами великого классика индийской литературы Рабиндраната Тагора, завершается строками писателя-коммуниста, большого друга нашей страны Саджада Захира:

Короткое, простое имя,
В котором все миры сверкают —
Мир нашей нынешней борьбы,
Мир наших пламенных мечтаний,
Мир наших будущих побед:
ЛЕНИН.

Стихи индийских поэтов переведены Сергеем Северцевым. Большинство переводов публикуется впервые.

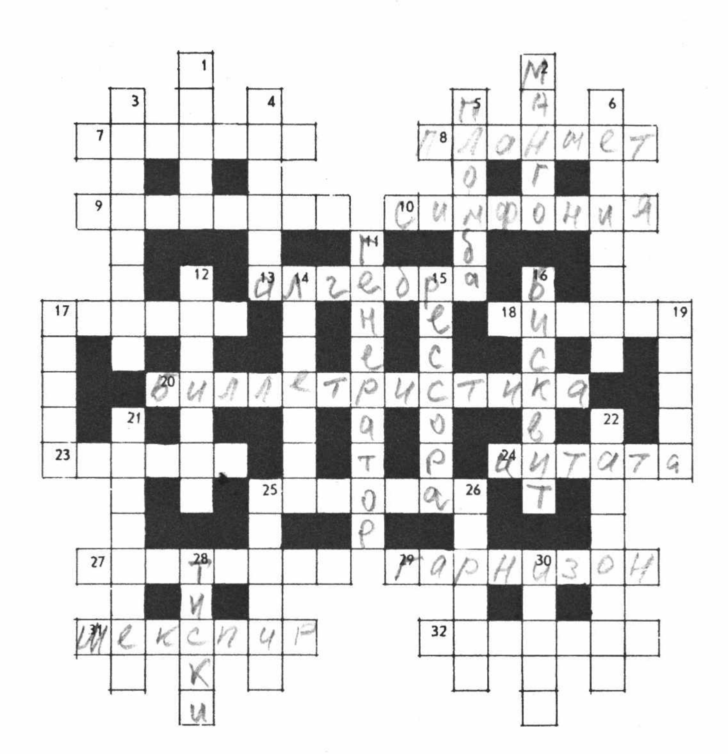
Среди современных африканских писателей видное место занимает сьерра-леонский писатель Абиосе Никол, творчество которого было отмечено литературной премией в 1952 году. Рассказы Никола воскрешают недавнее прошлое Сьерра-Леоне, когда в стране еще хозяйничали колонизаторы. Полемизируя с книгами, в которых его соотечественникам «отводится амплуа дикарок и слуг», автор рассказывает об африканцах, «исполненных достоинства, живущих и чувствующих так же, как и все люди на земле».

Один из героев рассказа Никола «Дьявол на мосту Йолэхан», агент крупной английской фирмы, вынужден признаться: «Нам с детства вдалбливали в голову, что Африка принадлежит белым и что еще много веков мы должны будем медленно, но верно помогать чернокожим и учить их тому, что нам самим понадобились столетия. А здесь только на своем веку я увидел, как эти люди многому научились, и, что самое страшное, научились делать под-час хорошо».

Состоящая из двух рассказов книга Абиосе Никола «Дьявол на мосту Йолэхан» и сборники «Мелодии Монголии», «Ночные костры» и «Голоса индийских друзей» вышли в этом году в «Библиотеке «Огонек».

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Пьеса М. Горького. 8. Сумка для карт. 9. Река в Индии. 10. Музыкальное произведение для оркестра. 13. Часть математики. 17. Спортивная игра с мячом. 18. Горный массив в Болгарии. 20. Художественная литература. 23. Растение семейства бобовых. 24. Выдержка из текста. 25. Птица семейства соколиных. 27. Радиоактивный элемент. 29. Войска, расположенные в одном городе. 31. Автор комедии «Укрощение строптивой». 32. Балет Л. Делиба.

По вертикали: 1. Снасть для укрепления мачты. 2. Тропическое плодовое дерево. 3. Советский авиаконструктор. 4. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 5. Кусочек свинца с оттиском печати. 6. Тонкая пластинка для игры на щипковом инструменте. 11. Машина для преобразования механической энергии в электрическую. 12. Русский физик. 14. Чертежная принадлежность. 15. Амортизатор автомобиля. 16. Сорт печенья. 17. Торговая палатка. 19. Морская рыба. 21. Письменный стол с закрывающейся крышкой. 22. Искусственная смола. 25. Моторное топливо. 26. Порт в Норвегии. 28. Слесарное приспособление. 30. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 5. Венецианов. 6. Украина. 9. Антей. 10. Репа. 11. Чепца. 15. Скалозуб. 16. Портрет. 18. Мурманск. 20. Метрика. 21. Молибден. 22. Насос. 24. Байя. 26. Катер. 27. Сержант. 29. Торричелли.

По вертикали: 1. Левкой. 2. Бенуар. 3. Тана. 4. Войнич. 7. Ряпушка. 8. Сталевар. 9. Аккордеон. 12. Анемометр. 13. Турухан. 14. «Апостол». 17. «Трембита». 19. Медиана. 23. Слепок. 25. Ястреб. 26. Китель. 28. Жюри.

На первой странице обложки: Наташа Воронцова, чемпионка Вооруженных Сил 1969 года по водным лыжам.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/VII-70 г. А 00428. Подп. к печ. 4/VIII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1375. Заказ № 2006.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПУШКИ

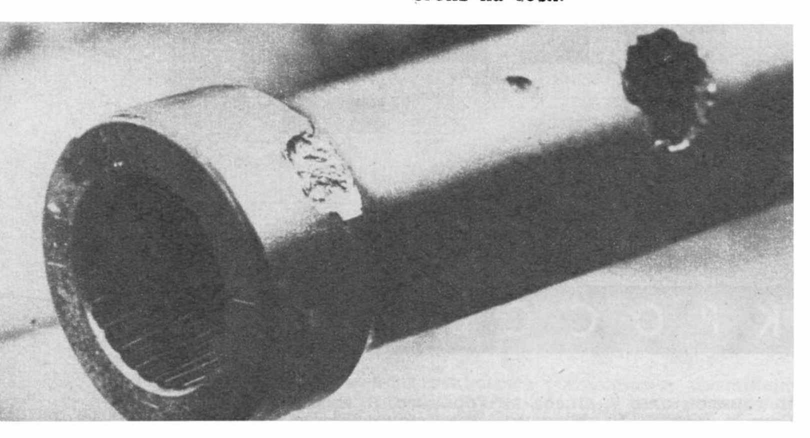
Положите руку на эту сталь. Согретая южным солнцем, она будто хранит жар прошедших сражений.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Малахов курган. На месте, где в 1854—1855 годах была батарея № 18 Панфирова, навечно застыли орудия капитан-лейтенанта Алексея Матюхина.

13 июня 1942 года командир 365-й батареи Герой Советского Союза старший лейтенант И. Пьянзин вызвал огонь на себя.

Здесь воевал молодой русский офицер Лев Николаевич Толстой.

Я стою на верхней точке легендарной Сапун-горы и смотрю в пропасть Золотой балки. Сейчас она совсем не золотая — потоки голубого воздуха заполнили ее до краев. Рядом со мной пушки; их много, начиная от маленькой, но злой «сорокапятки», схожей с флейтой, и кончая мощными самоходками и разлапистыми широкогорлыми гаубицами на гусеничном ходу.

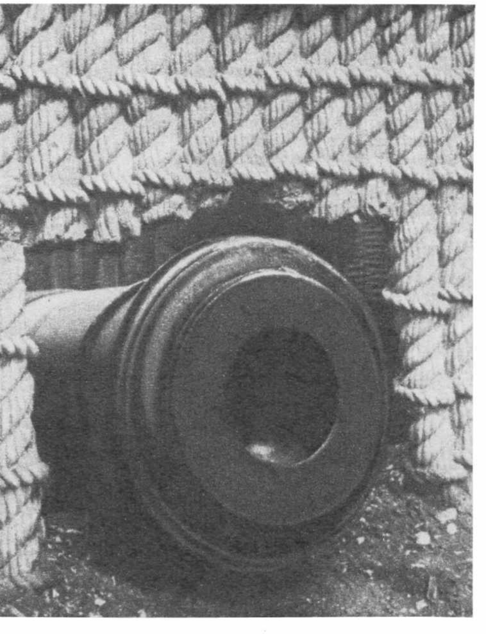
Выстроившись у здания диорамы, они тоже смотрят в сторону голубого провала долины, недалекой Балаклавы,— в сторону моря. Моя дорога сюда началась года два-три назад, но короткие сроки командировок, множество дел, более, как казалось, важных, не оставляли времени для этого маленького путешествия...

В тот раз мне посчастливилось побывать в большом учебном плавании боевых кораблей Краснознаменного Черноморского флота. Были стрельбы в море и на суше, бомбометание, высадка десантов, пуски ракет и снова огонь орудий разных калибров.

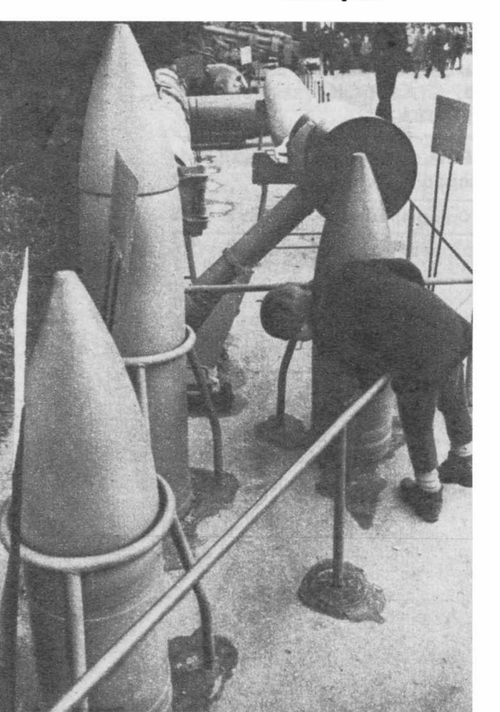
В музее Севастопольской обороны, еще под свежим впечатлением от увиденного, я остановился около небольшой бронзовой пушки, и меня вдруг поразили своей емкостью слова, отлитые на ее стволе почти двести пятьдесят лет назад: «Защищаетъ и устрашаетъ». Даже не существующие теперь твердые знаки в конце этих слов придавали изречению какую-то незыблемость, словно большой бронзовой печатью скрепляя справедливость нестареющей мудрости. Как и всякий ветеран, пушечка несла на своем теле меты пролетевших лет и сражений.

Таких ветеранов легендарный город насчитывает немало, и если бы вспомнить их историю и рассказать о событиях, которых они явились участниками, получилась бы книга, куда «Севастопольские рассказы» Льва Толстого вошли бы как одна из многих составных частей.

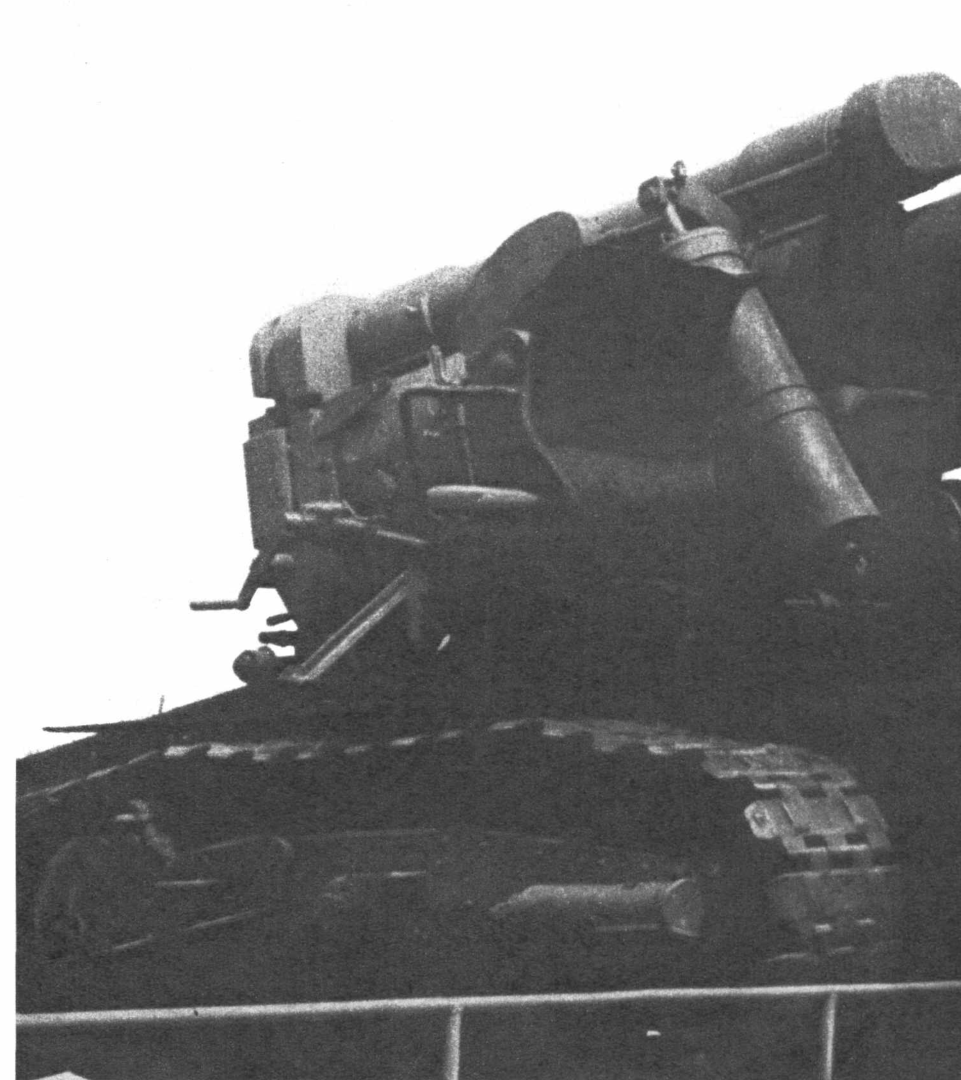
Богат историческими реликвиями город-герой, и, обходя его памятные места, я вспомнил другую точку на нашей земле, где тоже несут службу военные моряки, но где оружие настолько современно, что его еще рано ставить на улицах как памятники. Вместо них на серых крутолобых скалах, над свинцовой водой там запечатлены слова русского флотоводца, ученого и героя Степана Макарова: «Помни войну!»

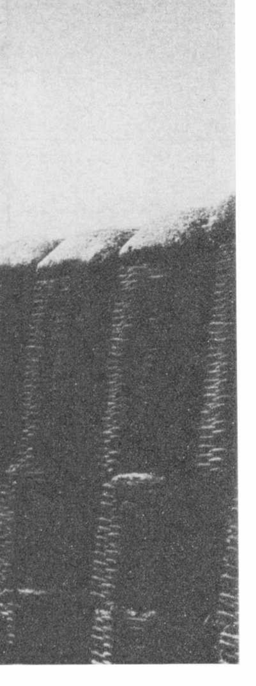

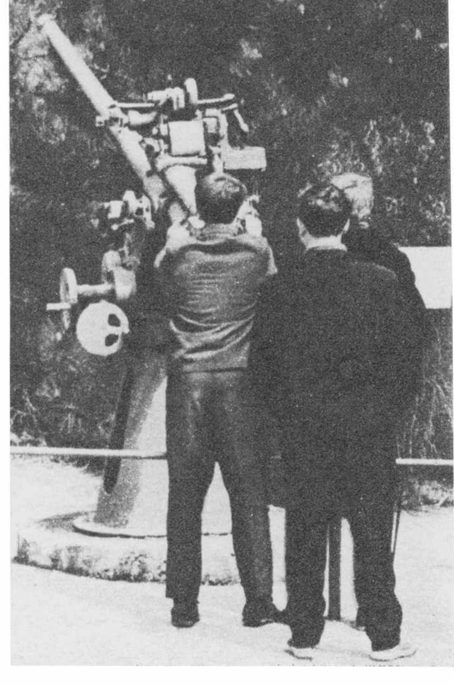
Сто пятнадцать лет на посту.

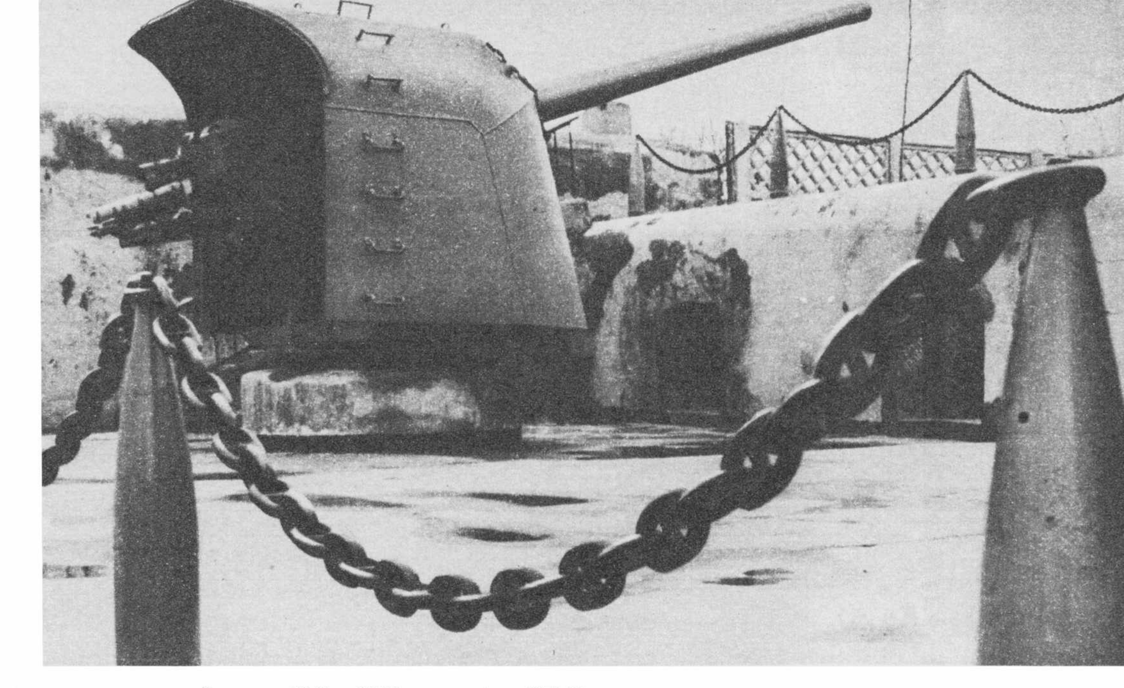
Снаряды корабельной артиллерии.

Одна из «сорокапяток».

Здесь в 1941—1942 годах был КП Приморской армии.

СЕВАСТОПОЛЯ

Вместо этой железки сюда положим мои вещи...

Может быть, хоть к концу лета полежу в гамаке.

Проверьте ваши часы.

Нетерпеливый.

Завтрак «дикаря».

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Когда не удалось достать палатку...

В отпуск со всем гардеробом.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.